ВЕК ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ISSN 1994–9065 1 2009

ИССЛЕДОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ ПРИ СОДЕЙСТВИИ
РОССИЙСКОЙ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (РЭА)
РОССИЙСКОГО ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА (РФО)

Выходит 2 раза в год
Издается с 2008 г.

Шеф-редактор
Л. Е. Гринин

Главный редактор
А. Н. Чумаков

Редакционная коллегия:
Барлыбаев Х. А., Гирусов Э. В., Ивахнюк И. В., Ильин И. В., Калачёв Б. Ф., Калиниченко П. А., Кацура А. В., Мамедов Н. М., Митрофанова А. В., Мозговой С. А., Попков В. В., Пырин А. Г., Режабек Б. Г., Снакин В. В.

Международный редакционный совет:
Ань Цинянь (*Китай*), Бондаренко Д. М. (*Россия*), Вебер А. Б. (*Россия*), Гэй У. (*США*), Гусейнов А. А. (*Россия*), Данилов-Данильян В. И. (*Россия*), Дафферн Т. (*Великобритания*), Добровольский Г. В. (*Россия*), Ецимович Т. (*Словения*), Израэль Ю. А. (*Россия*), Иноземцев В. Л. (*Россия*), Камуселла Т. (*Польша*), Капица С. П. (*Россия*), Кисс В. С. А. (*Венгрия*), Колбаси Х. (*Иран*), Коротаев А. В. (*Россия*), Кучуради И. (*Турция*), Лисеев И. К. (*Россия*), Мазур И. И. (*Россия*), Назаретян А. П. (*Россия*), Степин В. С. (*Россия*), Урсул А. Д. (*Россия*), Юдин Б. Г. (*Россия*).

Адрес редакции:
119992, г. Москва, ул. Волхонка, д. 14, к. 102, Президиум РФО.
Тел.: (495) 203-92-98. E-mail: chumakov@iph.ras.ru

УЧРЕДИТЕЛЬ – ИЗДАТЕЛЬСТВО «УЧИТЕЛЬ»

Адрес издательства:
400067, г. Волгоград, ул. Быстрова, 82–53.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56. E-mail: peruch@mail.ru Сайт: www.uchitel-izd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ

Вебер А. Б. Современный мир и проблема глобального управления 3

Гусейнов А. А. Еще раз о возможности глобального этоса 16

Бекетов Н. В. Глобализация как процесс формирования информационно-экономического пространства: социальные аспекты развития мировой и национальной экономических систем 28

МИРОВОЙ КРИЗИС

Делягин М. Г. Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса 33

Яскевич Я. С. Экономический кризис и ценностное переосмысление современного мироустройства: философская рефлексия 45

Глобально-системный кризис и модели мироустройства *(круглый стол)* ... 55

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Привалов Н. Г. О возможной катастрофе 2030–2050-х гг. 63

Колесников В. А. От осмысления глобализирующейся реальности – к новому ви́дению образования XXI века 70

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Горелов А. А. Глобализация как объективная тенденция мирового развития 79

Бергер Я. М. Китайская модель глобализации 91

Валиева К. А. Политическая проекция глобализации в европейском пространстве 98

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Кацура А. В. «Всемирная отзывчивость», или русский путь к глобализму (окончание) 108

Ситнянский Г. Ю. Россия в ответе за тех, кого приняла. Ответственность России за ситуацию на постсоветском пространстве 117

Шаракшанэ С. А. Российское эхо мирового кризиса 132

ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Бурьянов С. А. Свобода совести как глобальная ценность. На пути к политическому единству и решению глобальных проблем 136

Бира Ш. Тенгеризм 152

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

Степанянц М. Т. Махатма Ганди: «апостол ненасилия» 155

Казютинский В. В. К. Э. Циолковский и глобалистика 163

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

Шермухаммедов С. Ш. Фундаментальный труд по глобалистике 172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Мантатов В. В. Глобализация, устойчивое развитие и общество будущего .. 175

Пырин А. Г. Кто есть кто и что есть что в глобалистике 185

Наши авторы 190

Contents 191

ТЕОРИЯ

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А. Б. Вебер

> Обязанность по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, а также устранению угроз международному миру и безопасности должна разделяться между народами мира и осуществляться на многосторонней основе.
>
> *Декларация тысячелетия. Утверждена Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2000 г.*

Развитие современной цивилизации со всей остротой ставит проблему «приручения» стихийных процессов, то есть глобального управления (или, точнее, управляемости – global governance). Она широко обсуждается, но по-разному трактуется. Разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис дал новый импульс ее обсуждению, резко высветив разительное несоответствие между реальной финансово-экономической глобализацией мира и отставанием политической глобализации, – по сути, отсутствием адекватного вызовам XXI в. политического мироустройства.

Состояние мира

Не вдаваясь в описание и подробности, обозначим то главное, что характеризует нынешнее состояние мира.

– Это все еще мир национальных государств с присущей им озабоченностью национальным суверенитетом и обостренной чувствительностью к национальным интересам – реальным или мнимым. Национально-государственные интересы остаются в фокусе международных отношений, в их несовпадении – одна из главных причин периодического обострения международной напряженности и военных конфликтов.

– Вместе с тем это глобализирующийся мир. Глобализация стала ведущей тенденцией мирового развития, входя в противоречие с принципом национального суверенитета и национальными интересами. Лежащая в основе глобализации революция в области информационно-коммуникационных технологий вводит мир в какое-то качественно новое состояние, она «сжимает» пространство/время, изменяет условия социального бытия людей и ускоряет темпы этих изменений. Под воздействием глобальных рыночных сил усиливается неравномерность развития различных частей мира.

– И самое важное: впервые в своей истории человечество сталкивается с глобальными угрозами, угрозами для самого его существования – вследствие опасности неконтролируемого распространения ядерного оружия, перспективы ползучей экологической катастрофы (загрязнение окружающей среды, глобальное измене-

ние климата), международного терроризма, истощения жизненно важных природных ресурсов (невозобновимые источники энергии, пресная вода и др.), пандемий с большой вероятностью летальных исходов и т. п. Эта новая ситуация нашла отражение в понятии «общество риска», которое (понятие) вполне можно отнести к современному миру в целом, миру множественных «системных рисков».

Мировая система

На протяжении XX в. ее конфигурация изменилась радикальным образом. В начале прошлого столетия ключевыми игроками на мировой арене были европейские великие державы – при отсутствии явного преобладания какой-либо одной из них. Они контролировали фактически остальной мир – несколько десятков финансово зависимых от них больших, средних и малых государств; полуколонии (включая Китай) и колонии.

Спустя сто лет картина предстает неизмеримо более сложной и пестрой. Национальных государств теперь в несколько раз больше, чем в начале прошлого столетия (около 200). Будучи в формально-юридическом смысле равноправными, они настолько разнятся по размерам территории, численности населения, природно-климатическим условиям, наделенности природными ресурсами, экономическому и военному потенциалу, что вместе образуют крайне неравновесную систему.

Наряду с государствами – традиционными фигурантами международных отношений – появились новые формы политической организации, транснациональные центры политического влияния и власти. Это региональные объединения, другие межправительственные политические, финансовые и экономические институты, тысячи международных неправительственных организаций. К субъектам современной мировой системы следует отнести также регулярные неформальные встречи руководителей государств «семерки/восьмерки», клубы или форумы новых глобальных элит вроде Трехсторонней комиссии или Давосского форума, крупнейшие промышленные, банковские и медийные корпорации – эти новые мировые центры влияния и власти.

В сложившейся мировой политической системе присутствуют некоторые элементы сетевого глобального управления в таких областях, как поддержание мира и безопасности, мировые финансы, международная торговля, международное воздушное сообщение, морское судоходство, распределение радиочастот и т. п. Отличительные черты этой системы – фрагментарность, множественность центров принятия решений и влияния, крайне неравномерное распределение власти и ресурсов, многообразие сталкивающихся интересов, высокая степень конфликтности, общая неустойчивость.

Глобализация, объединяя мир в некоторых отношениях (торговые, финансовые и производственные связи), одновременно еще больше разъединяет его, обнажая и обостряя различия и противоречия, провоцируя защитные рефлексы на локальном уровне («глокализация»). Отсюда – ощущение утраты контроля над изменениями и «нового мирового беспорядка» (вместо ожидавшегося с окончанием «холодной войны» нового мирового порядка). Как образно выразил это однажды Збигнев Бжезинский, «мир, как самолет на автопилоте, устремляется с возрастающей скоростью в неизвестном направлении»[1].

Есть ли альтернатива сложившейся ситуации? В сущности, альтернатива одна – это устроение мирового сообщества как целостности, скрепляемой общечело-

[1] Brzezinski, Zb. Out of Control. Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. – N. Y.: Collier Books, 1993. – P. XIV.

веческими интересами и ценностями, ориентированной на человека, на выживание человеческого рода.

Понятие «мировое сообщество» широко используется в современном политическом лексиконе, но человечество в действительности пока не стало реальным сообществом, то есть **субъектом**, способным управлять своим развитием, точнее, **направлять** его таким образом, чтобы адекватно реагировать на глобальные вызовы, обеспечивая устойчивое развитие цивилизации.

Возможно ли это? Если возможно, то при каких условиях? Есть ли предпосылки для этого в реальной действительности?

Общность и общество

Становление мирового сообщества как субъекта sui generis предполагает известную степень общности людей, выходящую за национально-государственные границы, самоидентификацию индивидов как человечества (а не только как группы, этноса, нации), то есть формирование общечеловеческой общности интересов и ценностей.

Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах, – эта максима восходит, как считается, к Аристотелю. Иным образом это выражено в различении понятий «общность» (Gemeinschaft) и «общество» (Gesellschaft), введенном в свое время Фердинандом Тённисом. В первом случае речь идет об органических связях индивидов: родственных, соседских, духовных, солидаристских, то есть в основе своей этических, эмоциональных; во втором – о рационально-организованных внешних («механических») связях, то есть об обществе как институциональном целом, скрепляемом основанными на общественном договоре правопорядком и властью.

Существуют ли предпосылки для общности человечества в строгом смысле слова? На первый взгляд, напрашивается отрицательный ответ – для большинства людей человечество остается пока довольно абстрактной категорией, связанные с этим Мы-чувство, Мы-идентичность свойственны немногим. «...Для большинства людей человечество в качестве рамок отношений Мы-идентичности образует белое пятно на географической карте их эмоций»[2].

Но если обратиться к реальным тенденциям и процессам развития, то можно констатировать, по крайней мере, нарастание некоторых существенных предпосылок для положительной динамики в этой области. Это обусловлено несколькими факторами.

Прежде всего стремительно возрастающей интеграцией человечества, ее переходом на глобальный уровень, все большим уплотнением сетей взаимосвязи и взаимозависимости между государствами, особенно в экономической сфере, интенсификацией торговых обменов, потоков товаров, капиталов и рабочей силы, производственной кооперации, миграционных потоков и связанной с этим тенденцией к полиэтничности и мультикультурализму.

В этом направлении действуют ускоряющиеся темпы развития средств коммуникации – от телеграфа, радио, телефона до телевидения, спутниковой связи и «всемирной паутины» – Интернета, от появившихся лишь столетие назад первых автомобилей до опоясавших земной шар сетей автомобильных дорог, железнодорожных путей сообщения и авиационных линий, позволяющих перемещаться по всему миру десяткам и сотням миллионов людей.

Общность как человеческие связи (не обязательно непосредственные) – это культурный феномен. Здесь особую роль играют культурные ценности как всеобщее достояние (искусство, литература, философия); распространение английского языка как языка международного общения; универсальные научные знания; интернационализация высшего образования; глобальное распространение вестернизи-

[2] Элиас, Н. Общество индивидов / пер. с нем. – М.: Прогресс, 2001. – С. 282.

рованной масскультуры (не только с ее плюсами, но и минусами); небывалый размах массового транснационального туризма; всемирные спортивные состязания; международные культурные фестивали различного рода; человеческие связи в рамках мировых сообществ ученых, деятелей культуры и искусства, специалистов (врачей, журналистов и др.); транснациональные общественные движения и т. п.[3]

Действенный побудитель чувства человеческой общности – ощущение внешней угрозы, общий враг. Казалось бы, у человечества нет внешних врагов, но излюбленных фантастами воинственных инопланетян вполне заменяют глобальные угрозы, о которых сказано выше, или такие события, как Чернобыльская катастрофа, теракт 11 сентября 2001 г. в Америке, цунами в Индийском океане, в считанные минуты унесшее сотни тысяч жизней в странах Юго-Восточной Азии, и т. п. Деятельность человека в космосе, предупреждения ученых об угрозе возможных глобальных катастроф земного или космического происхождения также побуждают к развитию чувства общности судеб человечества.

Благодаря распространению телевидения возникает то, что определяют как парадокс инверсии юмовских концентрических кругов убывающего сочувствия (по имени английского философа и историка XVIII в. Дэвида Юма). Согласно идее концентрических кругов, чувство общности, привязанности сильнее всего в ближнем круге общения (семья, друзья, соседи) и ослабевает по мере нарастания дистанции (город, страна, остальной мир). Телевидение «без границ» заставляет острее сопереживать далеким нам людям, страдающим от террористических актов, стихийных бедствий, техногенных катастроф, эпидемий, голода. Наиболее отдаленные круги для многих становятся ближними. Как давно уже было замечено, электронные средства коммуникации пересоздают мир по образу «глобальной деревни»…

Распространение телевидения и других средств массовой информации способствует формированию в представлениях людей Мы-образа человечества. Все больше оснований говорить о появлении глобального общественного мнения, например в вопросах защиты окружающей среды, осуждения международного терроризма, преодоления массовой бедности, неприятия превентивных войн и т. п. Все больше укореняется идея диалога культур и цивилизаций. Такой диалог уже стал постоянным процессом, вовлекая в свою орбиту на различных уровнях все больше представителей разных культур и народов[4].

Еще в конце 1980-х гг. немецкий социолог Норберт Элиас констатировал появление «нового, всемирного этоса» и особенно расширение идентификации межчеловеческих отношений. «Существуют, – писал он, – многие признаки развития нового глобального чувства ответственности за судьбу индивидов, оказавшихся в нужде, независимо от их государственной или племенной принадлежности, их групповой идентичности в целом»[5]. Сегодня исследователи считают возможным говорить о формировании общемирового консенсуса по ряду ключевых гуманистических ценностей, о тенденции к синтезу основных ценностей Востока и Запада[6]. Социологические исследования дают основания утверждать, что у народов

---

[3] Подробнее о становлении цивилизационной общности человечества см.: Чумаков, А. Н. Глобализация. Контуры целостного мира. – М.: Проспект, 2005; Он же: Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. – М.: Канон+; Реабилитация, 2006.

[4] Под эгидой ООН группа выдающихся интеллектуалов, представляющих страны Запада и Востока, Севера и Юга, подготовила и распространила книгу-доклад «Преодолевая барьеры. Диалог между цивилизациями» (пер. с англ.; под ред. С. П. Капицы; – М.: Логос, 2002). Авторы ставят вопрос о новой парадигме глобальных отношений, об универсальной глобальной этике.

[5] Элиас, Н. Указ. соч. – С. 233.

[6] Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – С. 43 и далее.

многих стран, принадлежащих к разным культурным типам, есть, несмотря на разделяющие их барьеры, общие нравственные начала.

Поэтому не выглядит совсем утопичной идея глобального нормативного синтеза[7]. Поиски в этом направлении ведутся многими, они составляют смысл деятельности различных международных организаций и форумов. Одной из важных акций в свое время была разработка «Хартии Земли» (2000), которую можно рассматривать как проект своего рода морального кодекса планеты. Однако при всем этом надо признать, что на массовом уровне приверженность общечеловеческому Мы-единству отстает от уровня интеграции мира и требований времени.

Было бы, конечно, наивным рассчитывать на то, что в обозримом будущем общечеловеческое «Мы, народы…» (Устав ООН) станет присуще большинству землян, отодвинув на второй план самоидентификацию людей со своей нацией, государством или какой-то малой группой. По понятным причинам наиболее продвинутым Мы-чувством обладают космополитические глобальные элиты в мире науки, литературы, искусства, политики, международных организаций, финансов, бизнеса. Труднее этого ожидать от большинства рядовых граждан. Но даже меньшинство, идентифицирующее себя с человечеством, может играть роль катализатора формирования глобального общества как субъекта, реализующего себя в тех или иных формах глобального управления.

Становление глобального общества

Общество – совокупность правовых, политических, хозяйственных отношений, то есть некая институционально скрепленная социальная целостность. С точки зрения системного подхода социум можно представить как комбинацию трех основных институциональных систем со своими особыми функциями: государства (политическая власть), рынка (отношения обмена) и гражданского общества (независимые ассоциации граждан). Национальные общества конституируются как государства (nation-state). Мировой социум отличается тем, что уже существует глобальный рынок, формируются зачатки глобального гражданского общества («мирогражданское общество» по Хабермасу), но отсутствует адекватная этому глобальная политическая структура. Объединенные Нации остаются общим форумом наций-государств, «объединенных» лишь формальной принадлежностью к этой организации, но фактически скорее разъединенных. Напрашивается вывод о том, что экономическую глобализацию необходимо дополнить «политическими конструкциями соответствующих масштаба и прочности»[8].

Каковы перспективы реального объединения человечества во всемирное общество? Есть ли для этого какие-то реальные основания в современной действительности? Правомерно ли говорить о формировании общих интересов и общих целей человечества? Это ключевые вопросы с точки зрения обсуждаемой темы.

Идея единства человечества имеет свою историю. В числе первых ее авторов следует назвать голландского политического мыслителя Гуго Гроция (1583–1645), который связывал перспективу установления мира на Земле с проектом договорного сообщества народов и государств в мировом масштабе (magna universitas). Но в его время это была чистая утопия – система имперского гегемонизма и подстроенная к ней с XVII в. система национальных государств еще долго могли сохранять и сохраняли собственную динамику.

---

[7] Этциони, А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2004. – С. 61 и далее.

[8] Киссинджер, Г. Нужна ли Америке внешняя политика? / пер. с англ.; под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: Ладомир, 2002. – С. 261.

Кульминация наступила в XX в. с его двумя мировыми войнами, десятками колониальных, национально-освободительных и гражданских войн, унесших более ста миллионов жизней, и холодной войной двух сверхдержав, создавших колоссальные арсеналы ракетно-ядерного оружия и готовившихся к гонке вооружений в космосе. В этой предельной, по сути дела, ситуации потребность в объединении мира, в установлении какого-то более устойчивого и управляемого мирового порядка приобрела императивный характер.

Эта объективная потребность пробивает себе дорогу крайне противоречивым образом. XX в. стал свидетелем попыток принудительной унификации мира на идеологической основе: сначала как коммунистического (в коминтерновской интерпретации), пролетарско-классового проекта Всемирной Республики Советов; затем – как нацистско-фашистского проекта «нового мирового порядка» на основе идеи господства «высшей расы»; потом, после распада СССР, – как неолиберального проекта в духе так называемого вашингтонского консенсуса, проекта глобальной американской империи («Глобамерика») и в противостояние ему – проекта всемирного исламского халифата. Все эти проекты несут на себе печать традиционных представлений господства и подчинения, они не могли и не могут дать адекватного ответа на вызовы современности.

Но XX в. – это и продуктивные поиски решений, ведущих к формированию мирового общества как целостности, скрепляемой общими интересами и ценностями. Усилия в этом направлении диктуются тем, что рамки многих процессов развития и решения многих проблем все больше задаются сегодня человечеством как социальным целым, как главной на сегодняшний день «единицей выживания» (Н. Элиас). В результате этих усилий образуется сложный институциональный каркас будущего мирового общества.

Прежде всего это глобальные центральные учреждения. Первый опыт, с Лигой Наций, по известным причинам оказался неудачным, но Организация Объединенных Наций при всех ее недостатках существует вот уже более шести десятилетий, занимая в силу своего универсального характера центральное место в системе современных международных отношений в качестве коллективного инструмента поддержания мира и безопасности на планете. Мало кто оспаривает незаменимую роль специализированных учреждений ООН, которые выполняют разнообразные функции, связанные с решением общих экономических, социальных, культурных проблем современного мира, в особенности проблем, стоящих перед развивающимися и наименее развитыми странами. Выражение «мировая внутренняя политика» (Weltinnenpolitik) появилось, таким образом, не на пустом месте.

Далее – это тысячи многосторонних и двусторонних договоров, соглашений и конвенций, которые образуют весьма продвинутую систему международного права, позволяющую в принципе регулировать отношения между государствами во всех сколько-нибудь значимых сферах, где соприкасаются их интересы. Современная система международного права включает нормы, обязательные для соблюдения, предусматривая возможность санкций за их нарушения. Многие государства признают (далеко не всегда соблюдая) принцип верховенства норм международного права над национальным законодательством. Укрепляется понимание того, что время абсолютного суверенитета ушло в прошлое[9].

Предприняты – впервые в истории – попытки выработать общую стратегию мирового развития. Наиболее известная из них (хотя и оспариваемая многими) – одобренная второй Конференцией ООН по окружающей среде и развитию (КОСР-2,

[9] См. об этом: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97.

Рио-де-Жанейро, 1992) программа перехода человечества к устойчивому развитию (sustainable development), то есть социальному развитию, совместимому с сохранением окружающей природной среды и интересами будущих поколений («Agenda 21»).

Эта программа встретила противодействие как со стороны крупного бизнеса, да и части публики в богатых странах, поскольку она предполагает определенное ограничение рынка и культа потребительства, так и в развивающихся странах, где заподозрили возможность использования ее против интересов бедных стран. Однако принцип устойчивого развития сохраняет свое значение и получил подтверждение в Декларации тысячелетия, одобренной лидерами стран мира на саммите ООН в 2000 г. Декларацию тысячелетия, как и включенные в нее цели в области развития на 2015 г., предусматривающие сокращение бедности в мире, также можно рассматривать как проект общемировой стратегии развития.

В круг общественных дискуссий входит идея глобального социального контракта между гражданами и власть имущими по проблемам, порождаемым глобализацией и ее последствиями. Она получила отражение – правда, однобокое – в идее Глобального договора (Global Compact), выдвинутой бывшим генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном (1999) с целью налаживания сотрудничества ООН и международных неправительственных организаций с частным бизнесом в решении проблем мирового развития. Присоединение к Договору предполагает выполнение корпорациями определенных обязательств в вопросах соблюдения прав человека, норм трудовых отношений и охраны окружающей среды. Этот институт функционирует, хотя еще в довольно скромных масштабах. В этом контексте следует упомянуть также проект Договора наций (Compact among nations) о целях в области развития, предложенный авторами Доклада о развитии человека за 2003 г.[10]

В поисках модели мироустройства

Эволюция человечества всегда была и в значительной мере остается стихийным процессом. Неотъемлемое свойство стихийных процессов – их инерционность. Формы социальной жизни закрепляются и воспроизводятся посредством религиозных верований, обычаев, моральных и правовых норм, политических институтов. В условиях медленных или сравнительно медленных темпов развития это не создавало проблем глобального масштаба. Но в XX в. положение человечества радикально изменилось. Модели мирового развития, основанные на экстраполяции в будущее сегодняшних реальных тенденций, определенно указывают на снижение способности обществ адаптироваться к новым условиям в порядке «самонастройки». Негативные тенденции и угрозы нарастают быстрее, чем сказываются результаты спорадических, разрозненных и постоянно запаздывающих усилий поставить их под контроль.

Пытаясь обнаружить то «твердое ядро» в организации мирового общества, которое может придать ему целостность, идентичность и способность ответить на вызовы времени, исследователи приходят к выводу, что его следует искать в проблематике **международного управления**[11]. Проблема глобального управления (управляемости) уже давно витает в воздухе. Серьезные наблюдатели признают: «Наша планета плохо управляется» (Г. Шмидт), некоторые идут дальше, квалифицируя состояние мировой системы как близкое к хаосу.

---

[10] В более широком, социально-политическом плане идея Глобального договора обсуждается в книге: Held, D. Global Covenant. The Social Democratic Alternative to the Washington Consensus. – Cambridge: Polity Press, 2004.

[11] См., например: Kratochwil, F. V., Ruggie, J. G. International Organization: a State of the Art and the Art of the State // International Organization. – 1986. – Vol. 40(4).

Проблема управления, управляемости, способности управлять является, по существу, центральной в современной глобалистике. Естественным представляется связывать повышение степени управляемости глобальными процессами с ООН, с укреплением ее авторитета. Значение этого широко признается, предложений о реформе ООН выдвинуто немало. Среди них – рекомендации, которые содержатся в докладе «Более безопасный мир: наша общая ответственность», подготовленном в свое время по поручению Кофи Аннана Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам (2004), а также в ряде других докладов, опубликованных позднее.

При всей важности повышения авторитета и эффективности ООН этого недостаточно. Эффективное управление невозможно без управляющих органов, наделенных **властными полномочиями**. Применительно к глобальному социуму речь идет об институтах наднациональной власти, тогда как ООН может действовать лишь с согласия представленных в ней национальных государств (а их более 190). Существующая международная институциональная система не может обеспечить должного уровня управляемости глобальными процессами. В отсутствие институтов, обладающих необходимыми властными полномочиями, и упирается, по существу, проблема обретения человечеством качеств субъекта, способного направлять свое развитие.

Возможно, первым, кто попытался облечь идею всемирной власти в систему логически обоснованных аргументов, был Данте Алигьери (1265–1321), этому посвящен его трактат «De Monarchia». Размышляя о судьбах раздираемой распрями родины, он пришел к следующим выводам. Чтобы разрешить спор между двумя правителями, ни один из которых не может подчинить себе другого, нужна третья власть, стоящая над ними. Но ей в свою очередь будет противостоять какая-то равная сила, то есть арбитром должна стать власть, обладающая юрисдикцией еще более высокого уровня. В пределе, следовательно, нужна единая высшая власть, только она может наилучшим образом послужить благополучию человечества[12].

К идее **мирового правительства** обращались политические мыслители XVIII в., развивая концепцию всеобщих естественных прав, которые требовали воплощения в какой-то всеобщей политической структуре. Интерес к этой идее подстегнули мировые войны XX в. и осознание глобальных проблем. С этой идеей выступали в свое время Фердинанд Тённис, Торстейн Веблен, Бертран Рассел, Альберт Эйнштейн, Андрей Сахаров и др.[13] Метафорически функцию мирового правительства приписывали ООН, ведущим международным финансовым институтам, «семерке», НАТО, наконец, Соединенным Штатам. Но неизменно вставал вопрос о легитимном источнике власти (то есть отсутствии такового) на мировом, надгосударственном, уровне.

Поэтому параллельно получила развитие идея **всемирной федерации** государств. Первым ее артикулировал, по-видимому, Иммануил Кант: в его трактате «Вечный мир» (1795) проводилась мысль, что суверенные национальные государства морально обязаны не допустить войны и международной анархии, отдав себя под цивилизованную власть закона. В XX в. эта идея воплотилась в федералистских теориях и движениях, которые возникли еще в 30-е гг., затем получили развитие после Первой мировой войны, особенно в конце 40-х и в начале 50-х гг. прошлого века. Возникли различные организации, которые создали Всемирную

[12] См.: Данте Алигьери. Малые произведения. – М.: Наука, 1968. – С. 305–362.

[13] Идея мирового правительства и сейчас довольно популярна в кругах интеллектуальной элиты. Так, известный драматург Александр Гельман, отвечая в одном из интервью на вопрос, какая пьеса была бы, на его взгляд, интересна и волновала бы людей, назвал сюжет о разорившемся миллионере, решившем возглавить движение «За мировое правительство». (См.: Независимая газета. – 2009. – 26 января.)

ассоциацию федералистов, принявшую затем название «Мировое федералистское движение». В противовес Уставу ООН стали появляться проекты всемирных конституций: самая ранняя – в 1948 г., позднее – проект конституции Федерации Земли (1968) и десятки других (известно до 150 таких проектов).

В конце 60-х гг. прошлого столетия под руководством Сола Мендловица и Ричарда Фолка (США) был предпринят международный исследовательский проект по моделированию мирового порядка (World Order Model Project), в котором приняли участие ученые из многих стран, в том числе наши соотечественники Э. Араб-Оглы, И. Бестужев-Лада и др. Исследования фокусировались главным образом на поиске и обосновании какой-то формулы глобального управления. При этом одни, как С. Мендловиц, К. Ф. Вайцзеккер, высказывались в пользу идеи мирового правительства, другие, как Р. Фолк, усматривали в этом крайность, которой следует избегать. Последний разработал концепцию «центральной направляющей системы» (central guidance system, или human guidance). Близкой позиции придерживался Эдвин Ласло, он, в частности, развивал концепцию саморегулирующейся мировой системы, действующей на основе принципа обратных связей (World Homeostat System).

В этом направлении развивали свои идеи и авторы некоторых докладов Римскому клубу. По инициативе последнего была разработана серия моделей, существенно поколебавших традиционный взгляд, согласно которому социально-экономические проблемы и противоречия человеческого общества всегда разрешаются сами собой. Приводились серьезные, обоснованные аргументы в пользу качественно иного уровня организации мирового сообщества. В обобщающем докладе «Первая глобальная революция», представленном от имени Совета Римского клуба[14], предлагаемая стратегия на XXI в. фокусировалась на вопросах управления и способности управлять.

Проблематика глобального управления привлекла внимание лидеров Социалистического интернационала: в 1992 г. была образована Комиссия по глобальному управлению и сотрудничеству, которую возглавили Ингвар Карлссон (Швеция) и Шридат Рэмфал (Гайяна); в подготовленном под их руководством докладе «Our Global Neighbourhood» (1995)[15] обосновывалась идея управляемости мирового развития. XXII конгресс Социнтерна (Сан-Паулу, Бразилия, 2003) одобрил Декларацию, в которой изложены взгляды и предложения по вопросам глобализации и глобального управления, а также доклад «Управление в глобальном обществе – социал-демократический подход»[16]. На необходимость включения инструментов глобального управления в международное право указывалось и в докладе Совета Взаимодействия (1992), созданного в свое время бывшим канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом.

Говоря о глобальном управлении, следует подчеркнуть, что это прежде всего управление **процессами**, а не территориями. Управление не «вместо» национальных государств, а вместе с ними. Укрепление института государства – важнейшее условие создания более стабильного и управляемого мирового порядка[17]. Глобальное управление подразумевает и механизмы саморегулирования на основе использования международно признанных индикаторов – измеряемых и поддаю-

---

[14] Кинг, А., Шнейдер, Б. Первая глобальная революция. Доклад Римского клуба / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1991.

[15] Наше глобальное соседство: Доклад комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству / пер. с англ. – М., 1996.

[16] Governance in a Global Society – the Social Democratic Approach. Available at: http://www.socialistinternational.org

[17] Веские аргументы в пользу этого тезиса см.: Fukuyama, F. State Building. Governance and World Order in the Twenty-First Century. – Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2004. В издании на русском языке: Фукуяма, Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. – М.: АСТ, 2006.

щихся проверке параметров, соблюдение которых необходимо, чтобы обеспечить желаемый вектор изменений.

Контуры новой мировой архитектуры

Ни мировое правительство, ни всемирная федерация не имеют шансов на реализацию в современном мире. Но если не это, то что? Как, не впадая в беспочвенную утопию мирового государства, возместить дефицит наднациональной власти? И достичь этого не в результате ее узурпации одной сверхдержавой или группой держав и их господства над миром, а на основе консенсуса в отношении общих интересов и ценностей и обязывающих международных соглашений? Есть ли какой-то материал для этого в мировой практике?

Прежде всего нужно констатировать, что некоторые структуры с ограниченными наднациональными функциями уже существуют. Это, во-первых, такие многофункциональные институты, как:

– Совет Безопасности ООН, правомочный, согласно Уставу ООН, принимать обязывающие решения по вопросам поддержания мира и безопасности, вводить санкции и использовать военно-полицейские силы ООН. Конечно, Совет не является в строгом смысле слова наднациональной властью, так как его члены принимают решения согласно инструкциям правительств, которые они представляют, существует право вето, а военно-полицейские силы предоставляются национальными государствами и остаются под их юрисдикцией.

– Европейский союз – наиболее интегрированная в наше время наднациональная структура, эволюционирующая (при всех известных трудностях) в направлении европейской федерации. Европейская Комиссия (исполнительный орган – правительство) и Европейский Парламент представляют собой наднациональные органы власти в собственном смысле. Создано Европейское оборонное агентство, формируются Европейские силы обороны и безопасности (Европейский корпус).

– Совет Европы – межправительственная политическая организация, в которую входят все европейские государства (кроме Белоруссии), принявшие на себя определенные обязательства в отношении соблюдения прав человека. Его рабочие органы – Комитет Министров, Парламентская Ассамблея (ПАСЕ), Международный секретариат. Одно из главных направлений деятельности Совета представляет Европейский суд по правам человека, его решения обязательны для исполнения государствами, подписавшими Европейскую конвенцию по правам человека.

Во-вторых, существует ряд монофункциональных наднациональных институтов:

– Международный суд – главный судебный орган ООН. Согласно Уставу ООН, Суд по решению Совета Безопасности или на основе обращения заинтересованных сторон может рассматривать юридические споры между государствами, при этом его решения обязательны для исполнения сторонами, признающими его юрисдикцию. В случае когда невыполнение решения Суда угрожает поддержанию мира и безопасности, гарантом выполнения решения выступает Совет Безопасности ООН[18].

– Международный уголовный суд в Гааге (договор о его создании вступил в силу в 2002 г.)[19].

---

[18] Международный суд ООН состоит из 15 независимых судей, избираемых сроком на 9 лет из числа лиц высоких моральных качеств, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым в их странах к назначенным на высшие судейские должности, или являющихся юристами с признанным авторитетом в области международного права.

[19] Прокурора и судей Международного уголовного суда избирает Ассамблея государств-участников; судей международных трибуналов – Генассамблея ООН; те и другие независимы и должны руководствоваться в своих действиях исключительно уставами судов и международным правом.

– Международный трибунал по бывшей Югославии в Гааге (учрежден в 1993 г.).

– Международный трибунал по Руанде в Аруше (учрежден в 1994 г.).

Есть, наконец, международные организации, которые по своим функциям приближаются к наднациональным и компетенция которых может быть расширена в целях повышения их эффективности, например:

– Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), в обязанности которой входит не только локализация пандемий, но и их предотвращение, что предполагает получение достоверной информации и беспрепятственный доступ к очагам заболеваний.

– Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) – оно правомочно контролировать соблюдение соответствующих международных соглашений и проводить инспекции на национальных ядерных объектах (сейчас – с согласия соответствующих государств).

– Всемирная торговая организация (ВТО), в составе которой имеется постоянно действующий апелляционный орган, решения которого обязательны.

– Международная организация труда (МОТ) – она способна дать объективную и беспристрастную оценку практики и законодательства по трудовым стандартам, но пока не имеет возможности контролировать соблюдение трудового права (хотя уже существует Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций).

– Международная организация уголовной полиции (Интерпол).

– Более самостоятельную роль могут приобрести в будущем международные организации руководителей некоторых государственных учреждений (например, Центральных банков).

Наднациональная власть должна, в принципе, обладать несколькими обязательными признаками, а именно: руководствоваться только международным правом, действовать на основе соблюдения прав человека и принципов демократии, располагать необходимыми полномочиями и ресурсами. Большинство названных организаций и органов не вполне удовлетворяют этим критериям. Отсюда идея создания новых или преобразованных из существующих функциональных глобальных агентств, наделенных полномочиями и ресурсами для оперативного решения конкретных проблем во взаимодействии с соответствующими национальными органами, на основе принципа субсидиарности[20]. Это могли бы быть:

– Глобальное агентство безопасности и развития, которое выполняло бы функции по борьбе с экстерриториальными террористическими структурами, наркотрафиком, международными преступными группировками, оказывало содействие государствам, правительства которых не в состоянии выполнять обязательства в отношении своих граждан, вытекающие из международно признанных норм.

– Глобальное агентство по чрезвычайным ситуациям. Такой международный орган мог бы более оперативно и эффективно реагировать на крупные природные и техногенные катастрофы, чем это удается сейчас, когда государства в этих случаях действуют в индивидуальном порядке, а согласование их усилий требует времени.

– Глобальное агентство по охране окружающей среды могло бы выполнять задачи по борьбе с изменением климата и улучшению экологической обстановки на планете – задачи, для решения которых у соответствующих органов ООН нет достаточных полномочий.

– Глобальное энергетическое агентство (на базе существующего в системе ОСЭР Международного энергетического агентства): его задачей было бы регули-

[20] Эту идею развивает видный американский социолог, признанный глава социоэкономической школы Амитаи Этциони в упомянутой выше книге «От империи к сообществу». Причем Этциони идет еще дальше, допуская появление в будущем «глобальной нации», «глобального правительства» и «глобального государства», но эти предположения выходят за горизонт достоверного прогнозирования.

рование мировых рынков энергоресурсов (ныне все более хаотичных), а также содействие внедрению энергосберегающих и энергоэффективных технологий и развитию альтернативных источников энергии.

– Всемирная организация здравоохранения, права которой пока довольно ограничены, могла бы более эффективно действовать в качестве Глобального агентства по здравоохранению, наделенного соответствующими полномочиями по сбору информации, предотвращению или локализации вспышек опасных инфекционных заболеваний.

– Есть и другие идеи, например о создании независимого Международного фонда развития, Международного суда по делам о несостоятельности стран-должников, Международной финансовой организации под мандатом ООН и т. п.[21]

Эти уже существующие или предполагаемые институты могли бы стать строительными блоками такой новой международной архитектуры, которая, не претендуя на решение всех проблем, позволяла бы постепенно преодолевать слабости существующей мировой системы.

Реализация этих идей и проектов возможна лишь при условии преодоления крайностей глобального неравенства, более справедливого распределения богатства и ресурсов, уменьшения противоречий между развитыми и развивающимися странами. А также – согласия и поддержки со стороны крупнейших государств (и экономик!), представляющих большинство населения мира, включая, конечно, Соединенные Штаты Америки.

Утопии… сбываются. Кажущееся утопией может сбыться

Переживаемый миром цивилизационный кризис актуализирует поиски такой политической стратегии и такой модели глобального управления, которые бы в наибольшей мере отвечали интересам всего мирового сообщества. Заявленное новым американским президентом Бараком Обамой стремление к переменам, в том числе в области внешней политики, породило в мире большие надежды. Возможно ли негегемонистское лидерство Соединенных Штатов, то есть лидерство, ориентированное на глобальное партнерство, на поиски согласия, на содействие новому мироустройству?

Общественное мнение в США не столь однозначно настроено в отношении гегемонистских притязаний неоконсервативного истеблишмента. Согласно опросу, проведенному там в конце истекшего столетия, 67 % респондентов высказались за усиление ООН, 60 % – за усиление ВТО, 66 % поддержали (в отличие от правительства) идею Международного уголовного суда. «Очевидно, что умонастроения американцев относительно гегемонистской роли США в мире были по большей части не агрессивны, и односторонний подход не пользовался популярностью», – комментировал Бжезинский[22].

Тем не менее, и в США, и за их пределами многие политологи связывают поддержание стабильности в мире с американской гегемонией. Или с какой-то другой гегемонией, которая придет ей на смену. Будут ли это США вкупе с Европейским союзом? Или альянс США и Китая? Или Россия – Индия – Китай? Все это гипотетические варианты. Главное же в том, что никакая силовая гегемония не решит проблем человечества. Фундаментальные ограничения социокультурного характера, на которые наталкивается гегемонизм в современном мире, рано или поздно

[21] В Предложениях, представленных Россией к лондонскому саммиту «Группы двадцати» (апрель 2009 г.), обратил на себя внимание призыв к усилению роли наднациональных структур в качестве регуляторов финансовых рынков и к созданию наднациональной резервной валюты.

[22] Бжезинский, З. Выбор. Глобальное господство или глобальное лидерство? / пер. с англ. – М.: Международные отношения, 2005. – С. 252–253.

должны побудить великие державы умерить гегемонистские амбиции и поддержать негегемонистскую институциональную систему глобального управления.

Сегодня это может казаться утопией. Возникает много трудных вопросов… Но очевидно одно: американское «однополярное» видение мира все меньше отвечает меняющейся конфигурации мировых сил. Слабеют позиции США, возвышаются Китай, Индия, возрастает роль России в мировой политике. В дискуссиях на эту тему все более определенно вырисовывается представление об укреплении коллективных начал в мировой политике, о переходе от дискредитировавшего себя унилатерализма к многостороннему кооперативному сотрудничеству.

«Вернуть политику в центр международных дебатов», – так определил замысел Конференции по мировой политике в Эвиане (октябрь 2008 г.) ее инициатор, президент Французского института международных отношений Тьерри де Монбриаль[23]. Выступая в Эвиане, президент Франции Саркози призвал создать новую систему глобального управления (new world governance), отвечающую условиям XXI в.[24] Эту идею поддержал и принявший участие в конференции российский президент Д. Медведев, подчеркнув значение «коллективных структур глобального управления»[25].

На саммите «Группы двадцати» в Вашингтоне (ноябрь 2008 г.) была признана необходимость «более широкого политического ответа» на нынешний финансово-экономический кризис и в частности – необходимость реформирования международных финансовых институтов, усиления «режимов регулирования» на глобальном уровне. Конкретные меры в этом направлении одобрены лидерами «двадцатки» в Лондоне (апрель 2009 г.). Установки «Группы двадцати» нашли поддержку со стороны Всемирного экономического форума в Давосе. Как сказал в своем обращении к участникам форума его основатель и председатель Клаус Шваб, нужно «помочь спроектировать (to help design) системы и институты, в которых мир нуждается для того, чтобы реально сотрудничать и более действенным образом противостоять глобальным вызовам»[26].

Препятствия на пути становления управляемого и более демократического мирового порядка огромны. Оснований для скептицизма в отношении самой этой идеи и тем более ее перевода в практическую плоскость немало. Но существуют и обнадеживающие факторы, поскольку в целом развитие идет все же в сторону все большего единства мира.

Глобализация не означает «конца политики» и не обрекает на безальтернативность. Задача «текущего момента» – преодолеть отставание «политической глобализации» от экономической, институционально обеспечить необходимый уровень управляемости тем глобальным миром, в котором все мы сегодня живем. Другими словами, придать международному сотрудничеству новое качество, адекватное изменившимся условиям бытия человечества, новым условиям обеспечения международной безопасности во всех ее ипостасях, новому уровню взаимозависимости стран и народов.

Для оценки предлагаемых проектов и концепций глобального управления необходим соответствующий временной масштаб. То, что кажется невозможным сегодня, может осуществиться в будущем. Кто бы мог в середине XIX в. вообразить себе появление спустя сто лет Организации Объединенных Наций? Кто мог полвека назад представить себе, что из Европейского объединения угля и стали вырастет нынешний Европейский союз? Разница в том, что для решения осаждающих человечество проблем остается все меньше времени. Поэтому действовать надо сегодня – только так можно приблизиться к установлению приоритета человека в XXI в.

---

[23] Интернет-ресурс. Режим доступа: www.worldpolicyconference.com
[24] Интернет-ресурс. Режим доступа: www.ambafrance-uk.org
[25] Интернет-ресурс. Режим доступа: www.president.kremlin.ru
[26] World Economic Forum Annual Meeting 2009. Welcome Address by Klaus Schwab… Wednesday 28 January.

ЕЩЕ РАЗ О ВОЗМОЖНОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ЭТОСА[1]

А. А. Гусейнов

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного общественного развития, анализируются предпосылки единения человечества в контексте возможности формирования глобального этоса, вырастающего на основе универсального культурного синтеза. На вопрос о том, способно ли человечество в целом выработать единый этос подобно тому, как раньше его выработали отдельные народы и культуры, и есть ли в реальной жизни какие-то зачатки возможного глобального единого этоса, дается утвердительный ответ. Глобальный этос – не мечта или фантазия. Он реально произрастает в современном опыте международных, межкультурных взаимодействий и возникает не вместо национальных форм бытия человека, а поверх них.

Осмысление глобализма в том виде, в каком оно представлено в современных публичных дискуссиях, в своей основной направленности является скорее самосознанием, идеологическим оправданием глобалистских сил и тенденцией, чем их беспристрастным всесторонним анализом. В методологическом отношении оно имеет по крайней мере два недостатка. Во-первых, глобализм по преимуществу трактуется как количественное увеличение, простое расширение масштабов до общепланетарных размеров – распространение на все человечество тех процессов, которые до настоящего времени протекали в локально организованных формах социальности. При таком подходе глобализация предстает как превращение многого в одно: многих валют – в одну валюту, многих государств – в одно государство и т. д. Но всегда ли возможно такое превращение? Дело в том, что некоторые феномены не могут существовать в единственном числе. Например, не может быть одной личности, одной семьи, одного этноса; они существуют только в качестве множеств. Точно так же немыслимо, чтобы на земле было одно государство, а соответственно, и одно правительство, уже хотя бы потому, что государство базируется на организации людей по территориальному признаку. Преодоление физических расстояний и политико-экономических границ – важная характеристика глобалистских тенденций, но явно недостаточная. Она должна быть дополнена анализом того, какие качественные преобразования претерпевают формы челове-

[1] В осмыслении современного мирового кризиса и выхода из него научная и философская мысль все больше поворачивается к вопросам нравственности, глобального мировоззрения и общечеловеческой этики, что придает новое звучание и актуальность теме глобального этоса, разрабатываемой в последние годы академиком А. А. Гусейновым. Его идеи, высказанные в статье «О возможности глобального этоса», опубликованной в сборнике «Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие аспекты» (М., 2005), остались тогда, на фоне экономического благополучия, без должного внимания. Возвращаясь к данной теме, редколлегия ставит своей задачей привлечь широкое внимание к вопросам, осмысление и решение которых для преодоления современного кризиса имеет, пожалуй, даже большее значение, чем решение финансовых и экономических проблем.

ческой жизнедеятельности в ходе их общепланетарного расширения. Глобализация сужается до информационно-технологических, экологических, финансово-экономических и отчасти политико-институциональных аспектов, в которых она уже заявила себя в качестве наднационально организованных структур. За пределами исследовательского интереса и практических усилий остается область культуры, духовной жизни. То, что можно было бы обозначить как человеческое измерение глобализации, по сути дела сводится к идее прав человека, к тому же понимаемых очень ограниченно, а именно: как формально-юридически гарантированное условие беспрепятственного движения людских, информационных и финансовых потоков. Этот второй недостаток является прямым продолжением первого, ибо совершенно очевидно, что сопряженные с глобализацией преобразования в области культуры и духовной жизни никак нельзя сводить к чисто количественным изменениям.

В результате методологической зауженности взгляда на процессы глобализации упускается из виду такой фундаментальный факт, что в современном мире мы имеем две разнонаправленные тенденции. В том, что касается материальной, технологической, а в значительной степени и политической сферы, наблюдается все ускоряющееся единство мира, интенсификация взаимосвязей поверх традиционных границ и барьеров. В том, что касается культурной и духовной жизни, идут совершенно противоположные процессы. Нарастают тенденции культурной изоляции и даже противостояния. В системе ценностных приоритетов на первое место выходят национальная и национально-религиозная самобытность вплоть до оживления этноплеменных, националистических, расистских предрассудков. Универсализация жизни в ее объективных цивилизационных проявлениях странным образом сопровождается девальвацией идей универсализма.

Необходимо задаться вопросом: могут ли эти два разнонаправленных процесса долго сосуществовать, может ли такая разорванность сфер материальной и духовной жизни конституироваться в качестве нормального состояния? Размышляя над этим вопросом, следует иметь в виду, что в российском общественном сознании неуклонно нарастает (и в последнее время стала превалирующей) тенденция активного противостояния процессам глобализации в сфере культурной и духовной жизни (борьба против засилья космополитизированной массовой культуры, за чистоту русского языка; повышенный интерес к национально-культурным символам, традициям и обычаям; усиление патриотической риторики и т. п.). Особо следует отметить: речь идет не просто о борьбе против унификации в области культуры, сознания, образа жизни, что является вполне естественной, понятной и нравственно здоровой позицией, ибо культура, душевно-духовный строй народов не могут быть стандартизированы на манер того, как стандартизирована техносфера. На самом деле обратное движение в сторону культурно-национальной самобытности, которое отражает дух времени и уже, во всяком случае, наблюдается не только в нашей стране, хотя в нашей стране оно акцентировано с особой силой, поскольку соединено и усилено политическим противостоянием коммунизму с его идеологией интернационализма, исходит из убеждения, что эти существующие национальные и религиозные формы культур являются их абсолютными пределами. Тем самым исключается какая-либо возможность продуктивного синтеза, глобализации в этой сфере. Насколько обоснованно такое убеждение? Когда-то тысячи языческих богов были сменены несколькими богами мировых религий. И это, по общему признанию, считается прорывом в истории человеческого духа. Точно так же огромное количество этноплеменных языков были заменены едиными национальными языками великих литератур, что открыло эру всеобщего образо-

вания, дало мощнейший толчок всей современной национально дифференцированной культуре. Почему же невозможно помыслить себе перспективу, когда многообразные национальные языки каким-то образом будут преодолены или дополнены единым языком, многообразные религиозно-национальные идентичности будут преодолены или дополнены некой всечеловеческой идентичностью? К сожалению, дело не доходит до серьезного аргументированного анализа этого вопроса, поскольку сама его постановка если и не считается прямым святотатством, то находится под сильным подозрением.

Неприятие самой постановки вопроса о движении к единству в области культуры и духовной жизни, возможности глобалистского синтеза в этих сферах представляет собой реакцию на то, что маркируется как «макдональданизация» мира. Реакция эта является понятной, оправданной. Основные источники глобалистских тенденций исходят из развитых стран Запада во главе с США, они же задают конкретные формы складывающегося глобального мира. Это относится не только к информационно-технологической сфере, но и к экономике, и к политике, и к гуманитарной сфере: рыночные отношения, политическая демократия, открытое общество, права человека суть западные формы жизни и ценности, обретающие в современном мире общезначимый статус. Возникает опасение, что и в духовно-нравственной, культурной сферах жизни глобализация обернется торжеством западных жизненных канонов, что, например, уже сегодня происходит в сфере потребления, досуга и развлечений. В этом смысле стремление незападных культур к изоляции, которое иногда приобретает гротескно-варварские формы, является своего рода защитной реакцией от вестернизации.

Выходом из этой дилеммы между экспансионизмом и изоляцией, адекватным ответом на глобалистический вызов в сфере культуры считается диалог культур, взаимоуважительное отношение разных культур друг к другу. Предполагается, что мир остается в культурном отношении разнородным, разноцветным, а в своих цивилизационных проявлениях – экономических, политических, административных, информационно-технологических и т. д. – он будет единым. И таким образом единство внизу дополнится разнообразием вверху. При этом сам культурный диалог мыслится возможным и реальным постольку, поскольку разные культуры, и в том числе разные религии, имеют некую единую нравственную, смысложизненную основу. Вопрос о единстве, внутренней общности различных религий и культур глубоко исследовал в свое время Л. Н. Толстой.

Российская история Нового времени, как известно, характеризуется расколом, даже, точнее было бы сказать, расколами. На религиозный раскол XVII в. наложился культурный раскол XVIII–XIX вв., а на них – социальный раскол XX в. На этой почве уже несколько столетий идет страстная полемика между «самобытниками» и «прогрессистами», которая каждый раз приобретает новую форму (сегодня это спор между патриотами и либералами, вчера – между приверженцами идеи победы социализма в одной стране и сторонниками перманентной революции, позавчера – между славянофилами и западниками, и т. д.). Но, тем не менее, она остается неизменной в своей глубинной сути, духовно раскалывающей общество на полярные части. Этот вечный русский спор, как и то глубокое воздействие, которое он оказывает на русских людей, отодвигая на второй план материальные, профессиональные, семейные и прочие аспекты жизни, хорошо известен. Меньше обращается внимание на другое – на универсалистские поиски, размышления о возможности и путях синтеза расколотых частей, единения Европы, христианского мира, человечества, всего живого. Одним из наиболее выдающихся свидетельств универсализма русского духа является учение Л. Н. Толстого.

Всесторонне рассмотрев вопрос об общих основаниях, духовных инвариантах различных религий и религиозно оформленных культур, Толстой пришел к выводу, что они едины в нравственной устремленности. Свои результаты он свел к четырем положениям: 1) есть некое абсолютное начало всего, именуемое Богом; 2) в каждом человеке есть частица этого начала, которое он силой своей активности может увеличить или уменьшить; 3) для его увеличения необходимо подавлять эгоистические страсти и умножать любовь; 4) практическим средством этого является «золотое» правило нравственности, запрещающее человеку делать по отношению к другим то, чего он не хотел бы, чтобы они делали по отношению к нему. Эти простые истины одинаково свойственны и брахманизму, и иудаизму, и конфуцианству, и даосизму, и буддизму, и христианству, и исламу. Они, по мысли Л. Н. Толстого, составляют истинную религию и имеют нравственно-обязывающий смысл для современного человека – человека, который в познавательной деятельности руководствуется критериями разума и в практическом поведении стремится не выходить за рамки индивидуально ответственных действий. Толстой доказывал, что у людей, принадлежащих к разным народам и культурам, в серьезном смысле нет оснований для вражды, что на высоте истинно человеческого предназначения все религиозные и философские учения сходятся между собой. Партикуляризму национальных и партийных пристрастий он противопоставил универсализм моральных начал человеческой жизни. Следует заметить, что аналогичного взгляда придерживался также Махатма Ганди, духовный лидер индийского народа. Ганди также считал, что религии, несмотря на различия внешних форм, едины в своей внутренней сути; в этом смысле, полагал он, существует одна-единственная истинная религия, в основе которой лежит идеал ненасилия.

Выявленное Толстым и Ганди этико-религиозное единство всех современных культур имеет исключительно важное значение для понимания их развития в перспективе глобализма, в особенности для решения вопроса о возможности диалога между ними. Для диалога культур необходимы не просто точки соприкосновения между ними, но именно общность основоположений, которые только и могут задать адекватное пространство такого диалога. Без общих нравственно ориентирующих принципов диалог культур невозможен. Но достаточны ли они сами по себе для такого диалога? Универсальные моральные принципы сами по себе никогда не могут стать самостоятельной и непосредственно мотивирующей основой человеческого поведения, подобно тому как общее не существует помимо или наряду с единичным. Они всегда даны в плоти более частных норм, схем деятельности, поведенческих образцов, механизмов самодисциплины и т. д. И они, разумеется, воплощаются в конкретике индивидуализированных форм деятельности с разной степенью полноты, адекватности. Поэтому чтобы понять внутреннюю напряженность и сложность того, что мы называем диалогом культур, необходимо различать два уровня идентичности человека, или два измерения его общественного существования. Их можно обозначить как социально-групповую и духовно-всеобщую идентичность.

Под социально-групповой идентичностью следует понимать самоопределение человека в социальном пространстве, то есть процесс, в ходе которого человек определяет тот круг лиц и то культурное пространство, с которым он себя идентифицирует, и соответственно обозначает тот круг лиц и то культурное пространство, от которого он себя отличает. Скажем, когда мы говорим: «городской житель», «сельский житель», «москвич», «сибиряк», «кавказец» и т. п., то мы как раз выделяем некие единицы социального пространства и идентифицируем людей в их культурной определенности. Предельным на сегодняшний день уровнем такой

социокультурной идентичности является идентичность национальная, когда мы идентифицируем себя в качестве лезгина, китайца, русского и т. д. Это утверждение может вызвать возражение, поскольку религиозно-конфессиональная принадлежность шире национальной и потому именно ее следовало бы считать верхним пределом социально-групповой идентичности. Действительно, религиозно-конфессиональная идентичность по объему, протяженности объединяющих человеческих связей шире национальной идентичности, но она уступает последней по силе мотивирующего воздействия на поведение. Реальность истории нового и новейшего времени такова, что национальная доминанта культуры и поведения оказывается сильнее, чем религиозная. В христианском мире достаточно явно видно, что конфессионально-религиозные границы тяготеют к национально-государственным. В мусульманском мире на первый взгляд религия имеет доминирующее значение, но в действительности и там национальные интересы оказываются сильнее и едва ли не каждая крупная нация исламского мира рассматривает себя в качестве преимущественного носителя истины ислама. Религии, которые обладают более высокой степенью практического универсализма и могли бы задать сверхнациональные пространства культуры и духовности, оказываются бессильными перед этно-национальной мотивацией, выступают часто как оболочка национальных идентификаций. Многократно подтвержденная ходом общественного развития за последние пятьсот лет истина состоит в том, что национальные различия сильнее религиозного единства.

Рассматривая социально-групповую идентичность под углом зрения глобализма, следует отметить, по крайней мере, два существенных момента. Во-первых, социально-групповая идентичность, как правило, предзадана или в значительной степени предзадана. Она является предметом крайне суженного, ограниченного выбора. Язык, национальную принадлежность, конфессиональную среду человек не выбирает точно так же, как он не выбирает свое тело. Во-вторых, национальные культуры в чем-то и всегда замкнуты на себя. В них всегда есть некое культовое начало, нечто такое, благодаря чему культура не может быть приравнена к другой культуре. Это вообще характерно для любой социально-групповой идентичности, потому что она всегда связана с какими-то очень конкретными, индивидуальными людьми, вещами, местом и т. д. Человек не может быть одновременно и русским, и французом, он не может быть одновременно и буддистом, и христианином. В этом, правда, и нет нужды, но это уже другой вопрос; речь идет о том, что это невозможно, даже если бы в этом была потребность. Социально-групповая идентичность всегда партикулярна. Она принципиально партикулярна. Существуют такие духовно-практические образования (мировоззрения и движения), которые соединяют в себе элементы разных религий, например христианства и буддизма, и рассматриваются некоторыми исследователями как доказательство возможности глобального религиозного синтеза. Среди многочисленных религиозных течений, разумеется, есть такие, которые состоят из элементов, сплошь заимствованных из других религий, но это вовсе не является аргументом в пользу возможности универсального религиозно-конфессионального синтеза. Дело в том, что такие течения, даже если они целиком представляют смесь, например, христианства и буддизма, не снимают различия последних, они сами претендуют на самостоятельную роль и стремятся встать рядом с ними, тем самым не столько способствуя синтезу, сколько усиливая процессы локализации в религиозно-конфессиональной среде. Сказанное относится и к национальным культурам, которые могут взаимодействовать, но не поддаются такому синтезу, который бы означал их переход во что-то третье. Даже в том случае, когда речь идет об индивиде, укорененном в разных

культурах, это не означает, что здесь возникает качественно новое состояние. Человек, принадлежащий к двум национальным культурам с такой полнотой, что в каждой из них он способен ориентироваться как в своей собственной, отличается от человека, который укоренен лишь в одной культурной среде, не больше, чем индивид, имеющий два костюма, отличается от того, кто имеет только один костюм. Сколько бы костюмов человек ни имел, носит он каждый раз один. Точно так же человек может знать два, десять, сто языков, но говорит он каждый раз на каком-то одном из них. Этот пример наглядно иллюстрирует мысль о партикулярности национальных культур, о том, что они, как и человеческие личности, индивидуальны, единственны. Они не слагаются и не вычитаются. В конечном счете каждая из них равна самой себе.

Духовная идентичность связана с обособлением индивида в качестве личности, индивидуальности, что предполагает выработку идеального проекта совершенного человека и совершенного общества. Это – самоопределение человека во времени, в истории. Духовная идентичность всегда универсальна. В ее рамках индивид вырабатывает такой взгляд и формирует такую картину человека и мира, куда могли бы уместиться все люди. В этом смысле духовная идентичность всегда универсальна. С ней мы имеем дело, например, тогда, когда мы идентифицируем себя в качестве марксиста, либерала, гуманиста и т. д. Духовная идентичность всегда является делом свободного выбора. В этом случае самоопределение человека как свободного существа выражается значительно полнее, чем в случае социально-групповой идентичности.

Таковы в самой общей характеристике два уровня идентичности. Различие между ними достаточно очевидно и резко обозначено. Проблема, однако, состоит не в различиях, а в характере связи между ними. Дело в том, что нравственно-духовный универсализм не существует сам по себе, как некая самостоятельная реальность наряду с социально-групповой идентичностью, отдельно от нее. Точно так же, как общечеловеческие ценности не существуют сами по себе наряду с какими-то особенными, национальными, социальными и прочими ценностями. Нравственно-духовный универсализм всегда упрятан внутри какой-то конкретной социокультурной оболочки. И в этом смысле универсализм также партикулярен, историчен, конкретен. Данное обстоятельство придает рассматриваемой нами проблеме диалога культур особую остроту. Когда мы говорим о возможности диалога культур, то надо иметь в виду не только некие общие универсальные их основы, но и то, что эти основы всегда существуют в специфических формах, в особом колорите. И дело не в том, что в частном не всегда можно увидеть общее, за различиями – единство. Важнее другое: люди часто больше дорожат внешней формой, чем внутренней сутью, больше ценят то, что отличает их от других, чем то, что соединяет с ними. Человек в своей личностной определенности, индивидуально-духовных устремлениях автономен в том смысле, что способен противостоять внешнему давлению, подняться над ограниченностью социально-группового кругозора. Он может в понимании интересов, целей своей группы идти против общего мнения. Но он не может мыслить и действовать вне той или иной социально-групповой, в частности национально-государственной, идентичности. Он не может этого делать даже тогда, когда сознательно ставит себя на службу наднациональной идее. В мире, в котором представлены разные социальные группы (будь то народы, государства, конфессии, культурные общности, партии и т. д.), нельзя занимать позицию, которая не совпадала бы с интересами какой-то одной из них.

В силу всего сказанного диалог культур следует рассматривать как тип отношения между разными культурами, не более того. Он не создает качественно но-

вого культурного состояния. Соседи могут конфликтовать, не здороваться друг с другом, могут жить мирно, ходить друг к другу в гости. Но и во втором случае они друг для друга – не более чем соседи. Различия культур делают возможным диалог между ними. Но они не ограничивают возможности такого диалога. Диалог культур не означает, что культуры внутренне тяготеют друг к другу, что каждая из них стремится выйти за свои собственные границы. Напротив, он в своей основе имеет разделенность культур, замкнутость каждой из них на саму себя. Диалог культур – не просто тип отношения между культурами, а один из таких типов. Наряду с ним культурам свойственен также другой тип отношения (конкуренция, противостояние, изоляция), когда одна культура нацелена не на то, чтобы взаимодействовать с другой, а на то, чтобы защитить себя от ее влияний.

Наблюдаемые нами сегодня культурный изоляционизм, зримое нарастание идейно мотивированных групповых (родовых, этноплеменных, конфессиональных и др.) конфликтов нельзя считать случайными. Они свидетельствуют, с одной стороны, о том, что глобализация не может быть понята и не может состояться как сугубо внешнее, информационно-технологическое единство, без того, чтобы она не была одновременно внутренним сплочением человечества как единого публичного пространства и этико-культурной общности, а с другой стороны, о том, что для такого социально-политического и духовно-нравственного сплочения в единую общность человеческих объединений, принадлежащих к разным культурам и цивилизациям, явно недостаточно совпадения исходных принципов этих последних и наряду с этим требуется еще единство внешних форм, конкретной символики духовной жизни и общественного поведения. Тем самым вопрос о путях глобализации, о возможностях трансформации информационно-технологических предпосылок единения человечества в его действительное единство существенным образом связан с вопросом о возможности глобального этоса, вырастающего на основе универсального культурного синтеза. Речь идет о том, способно ли человечество в целом выработать единый этос подобно тому, как раньше его выработали отдельные народы и культуры, сможет ли оно общность основополагающих нравственных принципов дополнить общностью нравов, привычных форм повседневной жизни.

Понятие этоса, которое пришло к нам из греческой античности, не имеет широкого хождения в литературе и повседневной речи. Его можно кратко определить как сложившийся в процессе деятельного существования устойчивый нрав человека, а также общий нрав, характер той или иной группы, рождающийся в процессе их совместной общественной жизни. Этос обозначает ценностно заданное единство общественных нравов, характеризует человека и общественную группу с точки зрения единства ее ментальных установок, жизненных образцов, общественных привычек, которые проявляются в повседневной культуре. Можно говорить об этосе личности, национальном этосе, аристократическом, буржуазном (мещанском), студенческом и т. д. Возникает вопрос: можно ли в таком же смысле говорить о глобальном этосе, который был бы един именно как этос не только в своих общих принципах, но и по своей символически-знаковой структуре, по конкретным нормам, механизмам функционирования, по стереотипам поведения? Понятый таким образом единый глобальный этос не может вырасти из диалога культур, он предполагает наличие единой – всемирной, общечеловеческой – культуры.

Насколько реальна постановка вопроса о глобальном этосе? Если посмотреть на все, что происходит сегодня в мире, открытыми глазами и задаться вопросом: есть ли в реальной жизни какие-то зачатки возможного глобального единого этоса

или нет, – то ответ, на мой взгляд, может быть положительным. Здесь можно выделить, по крайней мере, несколько моментов.

Первое. В диалоге культур участвуют не только разные культуры, вступившие в диалог, там сверх того появляется еще одно действующее лицо – процесс самого диалога. Глобализация в сфере экономики, коммуникаций, политики создает такую сеть учреждений и связей, в рамках которой складываются человеческие отношения на сверхнациональной и сверхконфессиональной основе. В этом отношении показателен такой еще плохо изученный, но, тем не менее, в высшей степени реальный и действенный феномен, который в литературе иногда маркируется в качестве «глобального города». Он состоит из транснационального капитала и обслуживается по преимуществу рабочими-мигрантами. Глобальные (наднациональные) формы общения складываются вокруг Интернета, разветвленной и стандартизированной в мировом масштабе сферы потребления (супермаркеты, «макдональдсы» и т. п.), центров досуга, разного рода международных организаций, всемирных форумов, крупных образовательных центров и т. д. Словом, речь идет об особом вполне поддающемся социологической фиксации глобальном мире, в который втянуты уже сотни миллионов людей и который функционирует поверх национальных, государственных, конфессиональных, этнокультурных и других традиционных разделительных линий. Более того, он оказывается автономным также по отношению к существующей социальной структуре и задает новую основу для дифференциации в обществе. Социологи говорят о глобальной элите, состоящей из международных деловых, менеджерских и интеллектуальных кругов; она не укоренена ни в какой национально-государственной среде и не стремится к этому; ее представители, подобно древнегреческому философу, могли бы сказать о себе, что они везде являются иностранцами.

Что же происходит на этих площадках межкультурной коммуникации, в том пространстве, куда силой глобальных процессов в сфере экономики, информации, политики и т. д. стягиваются люди разных культур? Здесь действуют какие-то единые нормы поведения, свободные от привычных религиозных, мировоззренческих обоснований, в отрыве от них. И только благодаря такой эмансипации практической морали от метафизики и религии могут существовать современные мультикультурные образования: города, аэродромы, универмаги, крупные фирмы и т. д. и т. п., даже городские жилища, где в одних подъездах, на одних лестничных площадках живут люди, исповедующие разные религии, принадлежащие к разным культурам, разным народам. Возникает новая культура поведения и общения, которая не привносится в человеческую коммуникацию извне, а возникает в ней самой и не нуждается в ином обосновании, кроме полноты и прочности самой этой коммуникации. Во всех этих внеконфессиональных, внеидеологических, вненациональных коммуникативных ситуациях люди обнаруживают высокую степень взаимоуважительности и нравственной сдержанности, даже более высокую, чем в отношениях между «своими» по вере, политическим убеждениям, национально-культурной принадлежности. Если присмотреться, как ведут себя люди на аэродромах, в супермаркетах, на иных площадках «глобального мира», как они предъявляют себя друг другу, одеваются, здороваются, разговаривают и т. д., то нетрудно увидеть некую этическую (моральную) инфраструктуру, которую можно обозначить как глобальную (общепонятную, универсально значимую) по объему и коммуникативно целесообразную по содержанию. Такого рода инфраструктура, являющаяся прообразом глобального этоса, складывалась во всех странах и регионах, активно втянутых в глобальные процессы, а не только на Западе.

Второе. Различные сферы общественной жизни – экономика, наука, политика, образование – приобретают в настоящее время характер социальных систем. А социальные системы имеют ту особенность, что они задают строгие, четкие нормы поведения тем индивидам, которые втянуты в эти системы. Немецкий социальный философ и социолог Николай Луман, успешно разрабатывавший теорию социальных систем, говорил, что люди являются внешней средой по отношению к социальным системам. Или, выражаясь по-другому, один из принципов функционирования социальных систем состоит в том, что они формируют, воспроизводят субъективные предпосылки своего существования. Это означает, что социальные системы задают канон делового поведения, который зависит только от этой системы и вполне автономен от религиозных, философских и прочих убеждений индивида, его внутреннего мира, в том числе и от моральных мотивов. Канон системного поведения вполне объективен и космополитичен. Скажем, те, кто делают современные самолеты, в пределах своего функционального, делового поведения ведут себя в общем и целом одинаково. Независимо от того, происходит ли это в России, Америке или Китае, само их поведение, поскольку оно определяется функциональной задачей производства самолетов, оказывается качественно однородным и в этом смысле стандартизированным.

Еще один важный момент. В реальном опыте взаимодействия разных культур происходит постепенное, естественное и потому часто незаметное (сознательно неакцентируемое) усвоение неких культурно-специфических стандартов в качестве всеобщих, выработка единых культурных канонов. Одним из самых наглядных примеров такого рода можно считать христианское летоисчисление. Как известно, разные культуры имели и имеют собственную хронологию. Мусульманское летоисчисление насчитывает XIV или XV вв. (в зависимости от того, идет ли счет по солнечному или лунному календарю), православный календарь ведет отсчет времени со дня «сотворения» мира, каковым считается 1 марта 5508 г. до н. э.). Однако все современные народы наряду со своей традиционной хронологией пользуются одновременно и христианским летоисчислением, по которому мы живем в XXI в. Но никто из них не воспринимает это летоисчисление как навязанное, оно входит в нашу жизнь органично, как элемент превращения изолированных исторических потоков в единую историю. Этот пример показывает, что единая общечеловеческая (глобальная) культура в каких-то своих, притом очень существенных, элементах уже существует.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что глобальный этос – не мечта или фантазия. Он реально произрастает в современном опыте международных, межкультурных взаимодействий тогда, когда это взаимодействие приобретает форму диалога.

Существенно важно подчеркнуть, что глобальный этос возникает не вместо национальных форм бытия человека, а поверх них. Это показывает несостоятельность широко распространенного и на сегодняшний день едва ли не основного аргумента против глобализации в области культуры, будто она сравняет разнообразие ландшафта культурной жизни и приведет к ее обеднению. Разумеется, глобализация в каком-то смысле всегда есть стандартизация, она сопряжена и воплощается в единстве оценок, символики отношений, схематизмов поведения и т. д. Речь в данном случае идет о таком единстве качественного состояния общественных нравов, которое не исключает ни индивидуальных, ни групповых различий. Ведь мы в пределах того или иного национального этоса тоже имеем массу различий. Но, тем не менее, это все-таки различия в рамках чего-то единого. Нечто подобное можно предположить и в случае глобального этоса. Это – стандарт.

Но в этико-культурном смысле. К примеру, существует русский национальный этос (национальный характер, если говорить в привычных словах). О нем прекрасно писали В. О. Ключевский, Н. О. Лосский и другие. Но это же не исключает того, что внутри него, то есть внутри русского этоса, существует еще масса других этосов – сибирского, северного, московского или еще какого-то.

Можно взять другой исторический пример. Когда-то люди жили племенами, племя состояло из родов, а род – это была семья или большая семья. Потом племенной быт людей сменился народным, кровнородственный способ организации общественной жизни – территориально-государственным. Но семьи не исчезли из-за того, что человеческий кругозор стал намного шире семейного. У каждого из нас есть семья, своя маленькая вселенная кровных связей, семья играет исключительно важную, даже первостепенную, мотивирующую роль в жизни. Семейные ценности и сегодня – базовые ценности. И каждому, разумеется, дорога своя семья; покидая публичное пространство политики или экономическое пространство деловой активности, каждый уходит в свой дом. Многообразие семейных существований вполне сочетается с единством в рамках определенного этноса. Точно так же этническое многообразие не отменяет единство национально-государственной жизни. Глобальный этос допускает и даже предполагает многообразие национальных этосов подобно тому, как в рамках национального этоса существует множество субэтосов – этнических, религиозных или семейных. Единый глобальный этос внутри себя допускает огромное культурное многообразие, сам при этом обладая поведенческой цельностью. Он не исключает культурного плюрализма. Подобно тому, как астрономическое пространство не отменяет пространства географического, так глобальное культурное пространство не отменяет пространства национальных культур.

В тех элементах новых форм межчеловеческого общения, которые универсально (независимо от национальных, религиозных или иных традиционных различий) практикуются в настоящее время в пространстве глобального мира, в лучшем случае можно видеть только зачатки глобального этоса, некий намек на его возможность. И не только потому, что их мало. Для того, чтобы они стали глобальным этосом, преобразовались в такое нравственное качество, которое может стать самостоятельной мотивирующей основой общественного поведения, одной коммуникативной целесообразности и внешней заданности мало. Требуется еще и соответствующая духовно организующая основа деятельности. Человеческие нравы всегда помещены в ту или иную смысложизненную перспективу. Невыявленной, непонятно игнорируемой (в том числе и в философских дискуссиях) остается смысложизненная перспектива глобального мира, а соответственно, и глобального этоса как адекватного ему душевного строя и состояния общественных нравов. В данном пункте этическое исследование возможности глобального этоса прямо смыкается с философско-историческим исследованием будущего человечества. К тому, что об этом уже было сказано выше, следует добавить еще одно важное соображение, которое касается будущего в его совершенной идеальной выраженности будущего как утопии.

Вопрос о возможности глобального мира и в его теоретических моделях, и в реально практикуемых жизненных программах вертится вокруг двух основных сценариев – доминирования западноевропейских ценностей и диалога культур, ориентированного на национально-культурное многоцветье. Их различие, конечно, важно, существенно, но оно не такое кардинальное, как обычно принято думать. Те, кто стоит за диалог культур и их плюрализм, противопоставляя его духовному монизму Запада, на самом деле тоже говорят на языке западной куль-

туры. И идея диалога культур является скорее замаскированной и мягкой формой противостояния духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением. Она во многих случаях, быть может, в подавляющем большинстве случаев, дополняется признанием абсолютной истинности своей религии и культуры, что, разумеется, открыто не прокламируется в самом диалоге, но, тем не менее, за кадром постоянно присутствует. Трудно отделаться от мысли, что установка на диалог культур часто является тактикой, которая диктуется политико-экономической слабостью и в этом смысле также представляет собой форму культурно-цивилизационного эгоизма, хотя, правда, и слегка смягченную, прикрытую, если выражаться утрированно грубо: за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать.

Самое главное сходство упомянутых сценариев состоит в том, что они, нацеленные на будущее, никакого будущего в серьезном смысле слова не предлагают. Они видят в будущем простую, быть может, слегка подчищенную пролонгацию настоящего. Запад, во всяком случае, до последнего времени, был, похоже, очень доволен собой, пребывая в иллюзии, что история на нем закончилась, по крайней мере, закончилась в своих качественных формах; впереди нечего ждать, не на что надеяться, кроме как на количественное увеличение, улучшение, расширение того, что есть: увеличить продолжение жизни, сократить безработицу, улучшить экологию, увеличить комфортность быта и т. п. Реализовав и даже обогнав самые смелые технологические утопии прошлого, Запад отказался от человеческих утопий. Можно было бы такой утопией считать идеологию прав человека, однако права человека являются нерешенной задачей только для других стран и регионов, для самого же Запада они стали повседневностью. Права человека для Запада – идеал вчерашнего дня, а сегодня они – форма, в которой Запад себя предъявляет остальному миру в качестве идеала. Словом, царство разума и свободы состоялось, история закончилась.

А что, какую перспективу человечеству предлагают другие цивилизации, условно говоря, Восток? Если отвлечься от религиозных утопий, которые переносят осуществление человеческого счастья в другое время и в другой мир, и от маргинальных проектов, которых в странах Востока, как и в странах Запада, наверно, предостаточно, поскольку мы ведем речь не о религиозных ожиданиях и не об интеллектуальной экзотике, а рассмотреть социально-политические цели и идеалы, которые вдохновляют большие массы людей, имеют форму государственных программ, то нетрудно заметить, что и здесь ключевыми являются слова: «модернизация», «преодоление отсталости», «ускоренное развитие». По сути дела, речь идет о том, чтобы догнать Запад. С этой точки зрения нет большой разницы между странами социалистическими и несоциалистическими, мусульманскими и дальневосточными и т. д.

Таким образом, оба сценария глобального общества имеют общую особенность, которая, с моей точки зрения, есть также их общий недостаток, – они лишены философско-исторической глубины, перспективы. Они исходят из приземленного образа человека, смирившегося со своей конечностью. В них нет мечты, вдохновляющей человеческой утопии, ради которой можно было бы решиться, что называется, штурмовать небо. Эти сценарии представляют собой не столько прорыв в будущее, сколько завершение прошлого, торжество и одновременно угасание социального проекта индустриальной цивилизации.

Когда говорят об окончании «холодной войны», крахе Советского Союза, аналитики, в том числе и те, кто рассматривает случившееся как величайшее благо для человечества, обращают внимание на опасность однополюсной конструкции современного мира. Но это не единственное следствие победы западных демокра-

тий, которое, если даже его и не квалифицировать как однозначно отрицательное, тем не менее, представляет собой новый исторический вызов, остающийся пока без ответа. Есть, по крайней мере, еще одно следствие, которое необычайно драматизирует мировую ситуацию, придает ей новое тревожное измерение: с крахом советского коммунизма и всей ориентированной на него системы государств и политических сил мир лишился последней великой утопии (лишился не в качестве идеи, а в качестве действенной во всемирно-историческом масштабе, организующей многомиллионные массы духовной конструкции).

Означает ли это, что время утопий закончилось и люди отказываются от того, чтобы, говоря словами песни, «сказку сделать былью»? Может быть, и в самом деле люди изменились так сильно, что они довольны жизнью и саму быль считают сказкой? Есть серьезные основания полагать, что это не так. Речь идет не только об общих соображениях, согласно которым невозможно отказаться от утопизма мышления и действия без того, чтобы не отказаться также от идеи свободы. Можно сослаться и на более конкретные факты, когда именно отсутствие утопии глубоко деформирует человеческое поведение и отношения людей: это, с одной стороны, катастрофический рост в первом мире (западных странах) человеческих деструкций (наркомания, СПИД, психозы и т. д.), которые являются прямым следствием обессмысленности жизни, а с другой стороны, оживление во втором и третьем мире экстремистских организаций, эксплуатирующих человеческую потребность в героизме и самопожертвовании, которые не имеют арены для нормального выхода.

Проблема, на мой взгляд, заключается не в том, что закончилось время утопий, а в том, что кардинально изменился характер последних. Говоря точнее, новое время требует новых утопий. Во-первых, современная утопия не может быть столь фантастичной, как прежняя. Она должна иметь высокую степень действенности и поддаваться рациональному аргументированию, то есть быть такой, которая для того, чтобы помыслить ее осуществленной, не требует выдуманных островов, существующих отдельно от грешного человечества. Она не отменяет и даже не заменяет современные технологии и научно-рациональную организацию жизни, ее возможное назначение заключается в том, чтобы продолжить их, вернуть им утерянный смысл. Во-вторых, она и по происхождению, и по сути не может не быть универсальной. Она не может основываться на утопическом опыте какого-то отдельного народа или даже отдельной культуры, ибо в этом случае она не будет принята другими народами и культурами[2]. И в то же время она должна иметь такой вид, чтобы каждый народ и каждая культура могли считать ее своей, идентифицировать с ней себя, свое будущее и место в мире. Утопия, чтобы быть современной, должна представлять собой не только идеальный проект для человечества, но одновременно с этим идеальный проект самого человечества в целом в лице всех его культурно-цивилизационных потоков. Обоим этим важнейшим требованиям к современной утопии удовлетворяет идеал ненасилия.

[2] Кстати заметить, одной из причин краха марксистской коммунистической утопии явилось то, что она оказалась слишком жестко замкнутой на одно государство или на одну нацию, трансформировалась в советский коммунизм. В результате она стала подвергаться сомнению и атакам с обеих сторон. В мире успехи коммунизма стали рассматривать как скрытую форму доминирования одного народа и государства. В самой же России жертвы, на которые приходилось идти во имя коммунизма, стали рассматривать как ослабление собственной национальности и идентичности.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Н. В. Бекетов

В современной науке продолжает активно обсуждаться проблема глобализации. В данной работе внимание акцентируется на социальной стороне проблемы. В этом контексте феномен глобализации можно воспринимать как процесс формирования всемирного информационно-экономического и социального пространства, которое характеризуется значимыми взаимодействиями, протекающими в режиме реального времени между различными социальными субъектами независимо от их местоположения и взаимной географической удаленности.

При оценке глобализации обычно обращают внимание на экономические показатели: уровень тарифов, внешнеторговую квоту, показатели оборота капиталовложений. Однако за глобализацией, как и за любыми процессами в экономике, стоят люди, для которых глобализация может быть как злом, так и добром, устраняя старые либо создавая новые возможности, увеличивая риски либо, наоборот, сглаживая их. Глобализация, по мнению Н. Диденко, «может развиваться неравномерно, приостанавливаться, прорываться на качественно новый уровень, при этом оказывая различное влияние на разные страны»[1].

Беспрецедентные экономические и технологические перемены последних десятилетий преобразовали повседневную жизнь и создали новую социальную обстановку. Быстрое распространение информации и рост глобальной информационной индустрии могут воздействовать на самоидентификацию людей и вести к разрушению общественной солидарности и культурного разнообразия. В то же время они могут помочь распространению ценностей демократии и взаимопонимания. Наибольшую актуальность приобретает вопрос влияния глобализации на социальные проблемы: бедность и неравенство.

Мировая экономика, несмотря на финансовые, структурные, ипотечные и иные кризисы 2000-х гг., продолжает бурно расти. На фоне этого роста существуют разные, часто прямо противоположные мнения относительно влияния глобализации на бедных. Одни специалисты убеждены, что либерализация экономической политики и участие в мировой торговле, расширение доступа к новым идеям, технологиям и т. п. благоприятны для основных масс населения развивающихся стран, другие утверждают, что это не совсем так или совсем не так, – экономический рост нивелируется резким усилением неравенства, которым сопровождается рост.

Проблему неоднозначного отношения к глобализации можно отчасти объяснить разным смыслом, который те или иные авторы вкладывают в данное понятие. Одни считают, что глобализация подразумевает свободное движение капитала,

[1] Диденко, Н. Международная экономика: электронный учебник. – 2007. – С. 38.

другие ассоциируют ее с культурной и экономической гегемонией США, третьи вообще используют этот термин как некое универсальное понятие для обозначения всего, что им не нравится в современной жизни. В настоящей работе понятие «глобализация» рассматривается лишь с экономической точки зрения (в его конкретном значении), то есть с позиции расширения внешней торговли и иностранных инвестиций, как частичная или полная ликвидация установленных государствами ограничений международной торговли и возникновение в результате этого сложной общемировой системы производства и обмена, приобретающей все более интегрированный характер.

Либерализация торговли рассматривается как основной элемент стратегии роста. Защита свободной торговли – одна из старейших тем в экономической теории. Аргументы ее сторонников уже подтверждены опытом последних десятилетий, который доказывает: более открытые экономики богаче и растут быстрее. В этом отношении связь глобализации с экономическим ростом положительна. Другой вопрос, все ли мировое сообщество в равной степени участвует в этом процессе, какое влияние оказывают процессы глобализации на социально-экономическое неравенство в обществе, способствует ли глобализация снижению показателей бедности в странах мира или нет?

Теоретические аргументы указывают на то, что по мере открытия рынков неравенство может измениться как в одну, так и в другую сторону. С одной стороны, либерализация торговли, согласно теории Хекшера – Олина, снизит разницу в оплате труда квалифицированных и неквалифицированных рабочих при условии смещения производства в сторону товаров со сравнительными преимуществами. С другой стороны, этого может и не случиться. Например, страны могут начать формировать новые статьи экспорта, которые по сравнению с другими видами деятельности будут являться производством с использованием относительно квалифицированного труда (например, перемещение некоторых производств в развивающиеся страны на основе аутсорсинга). Причиной роста неравенства может послужить также обострение конкуренции, связанной с увеличением числа эффективных компаний, которым обычно требуется больше квалифицированных рабочих (в отраслях с высоким уровнем проникновения импорта может повыситься уровень квалификации сотрудников), или ускорение переноса в развивающиеся страны новых технологий, требующих квалифицированного труда. Вследствие влияния упомянутых факторов торговые реформы приведут к росту относительного спроса на квалифицированные трудовые ресурсы, часто превышающего предложение. Данное явление наблюдалось в Латинской Америке, когда уровень оплаты труда квалифицированных кадров увеличился за счет роста объемов внешней торговли, прямых иностранных инвестиций и предоставления лицензий странами ОЭСР[2].

Эмпирические исследования данной проблемы также не подтверждают наличие прямой связи между либерализацией торговли и изменениями в распределении доходов. Среди сторонников глобализации вообще бытует мнение, что в среднем общемировое распределение доходов по мере их увеличения не меняется, то есть распределение доходов инвариантно по отношению к их росту. Следовательно, доходы бедных увеличиваются в той же степени, что и средний доход. Д. Доллар и А. Краай считают, что «экономический рост – благо для бедняков», поскольку рост средних доходов беднейшего квантиля соответствует увеличению

[2] Перри, Г., Оларрега, М. Либерализация торговли, сокращение бедности и неравенства в Латинской Америке // Beyond Transition. Экономический вестник о вопросах переходной экономики. – 2005. – № 8. – С. 5.

среднего совокупного дохода в мире. Однако изменения в распределении (в среднем) незначительны и развиваются слишком медленно, чтобы приводить к существенным изменениям в уровне бедности[3].

По мнению Я. Васкеса, глобализация имеет наибольшие перспективы в плане экономического роста, снижения бедности и изменения глобального неравенства именно для развивающихся стран[4]. Глобализация помогает большей части развивающегося мира повторить опыт развития Запада. Начавшаяся 200 лет назад индустриальная революция качественно изменила жизнь людей того времени. Научные открытия и внедрение технологий дали возможность значительной части западного общества выйти из состояния крайней нужды, побороли массовую бедность, которая сейчас характерна для большей части развивающегося мира. Данный скачок не был случаен, он проходил в атмосфере свободы предпринимательства и защиты частной собственности.

Сегодня у развивающегося мира, утверждают сторонники глобализации, есть одно преимущество: проводя политику либерализации, этот мир может за одно поколение пройти путь, на который у западного общества ушло более ста лет. Но подобный оптимизм разделяется далеко не всеми исследователями и специалистами.

В основе аргументации противников глобализации лежит тезис о неравномерности этого процесса. Страны, социальные общности и этносы интегрируются в глобальную экономику, находясь на разных этапах своего развития. И это – главная причина возникновения опасностей и рисков, которые сопутствуют процессу глобализации, порождая ее вызовы и требуя незамедлительных ответов. Хотя рост торговли и прямых иностранных капиталовложений, несомненно, принес свои выгоды, распределились они весьма дифференцированно, некоторые страны и категории населения оказались обделенными.

Исследования показывают, что такие признаки глобализации, как ускорение экономического роста, открытость экономики, рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ), мало сказываются на положении развивающихся стран. В частности, направляемые в эту группу ПИИ концентрируются в основном в одном регионе (Китай и Юго-Восточная Азия), а также некоторых странах Латинской Америки. И если Всемирный банк рьяно защищает идею глобализации, рассматривая либерализацию национальной экономики и создание открытых рынков как путь к процветанию развивающихся стран, то Программа развития ООН не так однозначна в оценке последствий глобализации. «Международная торговля, – отмечается в одном из докладов этой организации, – является одним из наиболее мощных двигателей, приводящих в действие процесс глобализации. Модели торговли изменились. В мире стабильно увеличивается доля развивающихся стран в экспорте продукции обрабатывающей промышленности, и некоторые страны ликвидируют отставание в области технологий. Однако структурное неравенство сохраняется, а в некоторых случаях расширяется. Страны Африки к югу от Сахары во всевозрастающей степени оттесняются на обочину. Сегодня на долю этого региона (с численностью населения 689 млн чел.) приходится меньшая доля мирового экспорта, чем на долю Бельгии (численность населения которой 10 млн чел.). Если бы на долю стран Африки к югу от Сахары приходился тот же объем экспорта, что и в 1980 г., то выгода от внешней торговли в восемь раз превысила бы объем помощи, полученной в 2003 г. Многие страны Латинской Америки также отстают. В облас-

[3] Dollar, D., Kraay, A. Growth is Good for the Poor. Policy Research Working Paper 2587. World Bank. – Washington D. C., 2001. – P. 37.

[4] Vasquez, I. Globalization and the poor // The Independent Review. – 2002. – Vol. 7. – № 1. – P. 197–206.

ти торговли, как и в других областях, утверждения, что глобальная интеграция способствует конвергенции богатых и бедных стран, преувеличены»[5].

Характерно, что данный факт находит подтверждение в работах экспертов и исследователей, работающих под эгидой Всемирного банка. Например, У. Лопез, Г. Перри и У. Мелони указывают, что за период с 1963 по 2003 гг. рост медианного среднедушевого дохода в индустриально развитой стране превышал рост этого же показателя в развивающейся стране в среднем на 1 процентный пункт. Различные значения темпов экономического роста привели к возникновению расширяющейся пропасти между богатыми и бедными странами. Например, в 1960-е гг. уровень среднедушевого дохода в среднестатистической латиноамериканской стране составлял примерно одну треть дохода среднестатистической развитой страны, сегодня он составляет менее 20 %. В масштабе всей мировой экономики в 60-е гг. XX в. доход типичной развивающейся страны составлял примерно 12 % от дохода типичной развитой страны, сейчас этот показатель приближается к 5 %. Таким образом, гипотеза конвергенции не находит практического подтверждения, бедные страны остаются бедными, а богатые продолжают богатеть[6].

В мире происходит формирование «клубов конвергенции», когда страны в каждом кластере имеют тенденцию к сближению уровней экономического развития, тогда как между кластерами разрыв увеличивается. Так, выделяется три основных кластера: беднейшие страны; страны, занимающие промежуточное положение; богатейшие страны. По оценкам ПРООН, доля богатейших стран в мировом ВВП составляет 86 %, доля средних – 13 %, а на долю беднейших приходится лишь 1 %[7].

Отвечая на вопрос, способствует ли глобализация решению основных социальных проблем в мире, мы склонны полагать, что, несмотря на общее повышение доходов, глобальное неравенство за последнее десятилетие еще более увеличилось. Известно, что среднедушевые доходы в 20 наиболее богатых странах мира в 37 раз превышают соответствующий показатель в 20 беднейших странах, причем за последние 40 лет этот разрыв удвоился[8]. Неравенство в доходах является чрезвычайно высоким, как бы его ни измеряли. По оценкам аналитиков Программы развития ООН, на начало XXI в. совокупное богатство 225 богатейших людей планеты превышало 1 трлн долларов, что равнялось ежегодному доходу 2,5 млрд бедняков, составляющих 47 % населения мира[9]. Доходы 500 богатейших людей в мире из перечня журнала «Форбс» превышают общий доход 416 млн беднейших людей мира[10].

Особую обеспокоенность вызывает ситуация в сельском хозяйстве. Две трети людей с доходом менее 1 доллара в день живут и работают в сельских районах; рынки, на которых они действуют, а также перспективы спасения их домохозяйств от нищеты напрямую зависят от правил торговли сельскохозяйственной продукцией[11]. Хотя теоретически глобализация благоприятствует развитию сельского хозяйства, способствуя его интенсификации и специализации, практически подав-

---

[5] Доклад о развитии человека 2005. Международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства / пер. с англ. – М.: Весь Мир, 2005. – С. 12.

[6] Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Circles / Ed. by G. E. Perry, O. S. Arias, J. H. Lopez, W. F. Maloney, L. Serven. – Washington D. C.: The World Bank, 2006. – P. 6–7.

[7] Human Development Report 1999. UNDP. – New York: Oxford University Press, 1999. – P. 2.

[8] Доклад о мировом развитии 2000/2001 года. Борьба с бедностью. Обзор. – Вашингтон: Всемирный банк. – 2001. – С. 3.

[9] Доклад о развитии человека 2003. Цели в области развития, сформулированные в Декларации тысячелетия: межгосударственная договоренность об избавлении человечества от нищеты / пер. с англ. – Минск: Юнипак, 2003. – С. 39.

[10] Доклад о развитии человека 2005. – С. 44.

[11] Там же. – С. 12.

ляющее большинство мелких фермеров в развивающихся странах не могут воспользоваться этими преимуществами: безземельный крестьянин или тот, кто имеет лишь небольшой участок малоплодородной земли и сталкивается с постоянным дефицитом воды, не готовы к жесткой конкуренции, связанной с выходом на мировые рынки. Большинство крестьян в Африке и Южной Азии не имеют доступа к кредитам, современным технологиям и информации, которые позволили бы им повысить качество продукции в соответствии с рыночными требованиями.

Помимо трудностей, возникающих на микроуровне, существуют также серьезные макропроблемы, когда продукция тех или иных стран или регионов в целом неконкурентоспособна на мировых рынках. Основную проблему, которую следует рассматривать на переговорах в рамках ВТО по сельскому хозяйству, можно сформулировать в нескольких словах: субсидии богатых стран своим сельхозпроизводителям. На последнем раунде всемирных торговых переговоров промышленно развитые страны обещали сократить свои сельскохозяйственные субсидии. С тех пор они их увеличили. Сейчас они расходуют на помощь сельскому хозяйству в бедных странах немногим более 1 млрд долларов в год, притом что немногим менее 1 млрд долларов в день направляют на субсидирование производства сельскохозяйственной продукции у себя дома. Положение усугубляется и тем, что сельское хозяйство – жизнь и благосостояние тех, кто там работает, – обычно не интересует руководство развитых стран, стремящихся в большинстве своем к индустриализации и урбанизации. Многочисленные программы реформирования сельскохозяйственного производства, проводимые на национальных уровнях или под эгидой международных организаций, не увенчались успехом или были свернуты раньше времени из-за своей неэффективности. Таким образом, «несмотря на огромные потенциальные возможности и выгоды глобализации, существует реальная опасность того, что сельская беднота, не имеющая доступа к образованию и другим факторам, необходимым для достижения успеха в высококонкурентном мире, окажется за рамками позитивного мирового процесса»[12].

Либерализация торговли может затрагивать и неденежные аспекты бедности, первым из которых является уровень заболеваемости и смертности населения. За счет импорта современных технологий в области здравоохранения из развитых стран можно существенно улучшить количество и качество предоставляемых услуг и сократить тем самым смертность населения. Тем не менее, глобальная поляризация условий жизни породила разрыв в средней продолжительности жизни не только внутри стран, но и между развитыми и развивающимися странами. В частности, межстрановый анализ показывает, что темпы снижения детской смертности среди беднейших 20 % населения более чем в два раза ниже среднемировой динамики.

Сказанное свидетельствует о глубокой противоречивости феномена глобализации на современном этапе и неоднозначности его воздействия на социальные процессы в разных странах. Учет особенностей формирования глобальной экономики и прежде всего его социальных аспектов имеет существенное теоретическое и практическое значение для понимания проблем и перспектив развития мировой и национальной экономических систем.

[12] Killick, T. Globalization and the Rural Poor // Development Policy Review. – 2001. – Vol. 19. – № 2. – P. 169.

МИРОВОЙ КРИЗИС

ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

М. Г. Делягин

1. Кризис будет долгим: это лишь начало глобального перехода

Глубина мирового финансового кризиса недооценивается, так как аналитики, рассматривая кратко- и среднесрочные тенденции, игнорируют его фундаментальные причины.

После победы над нами в «холодной войне» развитые страны перекроили мир в интересах своих глобальных корпораций слишком эгоистично, лишив свыше половины человечества возможности нормального развития. Это не только вызвало глобальную напряженность, терроризм и миграцию, но и ограничило сбыт самих развитых стран, на всех парах «влетевших» в кризис перепроизводства (усугубленный злоупотреблением монопольным положением со стороны глобальных корпораций).

Стимулирование сбыта кредитованием неразвитого мира стало лишь временным подспорьем и вызвало в 1997–1999 гг. кризис долгов, эхом которого стал крах «новой экономики» США в 2000 г. США вытащили себя (и всю мировую экономику, стержнем которой они являются) из начинавшейся в 2001 г. депрессии двумя стратегиями.

Первая – «экспорт нестабильности», подрывающей конкурентов и вынуждающей их капиталы и интеллект бежать в «тихую гавань» – США. Рост нестабильности в мире оправдывает рост военных расходов в самих США, взамен рынка стимулирующих экономику и технологии («военное кейнсианство», эффективно применявшееся Рейганом).

Реализованная в 1999 г. в Югославии против еврозоны, эта стратегия исчерпала себя уже в Ираке. События же в Пакистане свидетельствуют о ее вырождении в контрпродуктивный для экономического развития США «экспорт хаоса»: США даже не пытаются контролировать дестабилизируемые ими территории, став катализатором глобального военно-политического кризиса.

Второй стратегией поддержки экономики США была «накачка» рынка безвозвратных ипотечных кредитов (бывшая и формой социальной помощи). Созданный ею финансовый пузырь «пополз по швам» еще летом 2006 г., но многоуровневость финансовой инфраструктуры США привела не к мгновенному краху, а к длительной агонии, перешедшей в открытую форму только сейчас.

Таким образом, сейчас проблема не столько в нехватке ликвидности и кризисе долгов, сколько **в отсутствии источника экономического роста США**, а с ними – и всей мировой экономики (так как зависимость Китая от экспорта в США остается критической, несмотря на все усилия по развитию внутреннего рынка).

Даже оздоровление финансов США еще не решит проблему, так как не смягчит кризис перепроизводства продукции глобальных монополий, усугубляемый

экспансией дешевой продукции Китая, и не создаст качественно новый экономический двигатель взамен разрушившихся.

Это означает, что **из сегодняшнего кризиса мировая экономика выйдет** (когда это произойдет) **не в восстановление, а в депрессию, длительную и достаточно тяжелую**.

Хотя Китай принял принципиальное решение о поддержке доллара (для сохранения своего экспорта в США), меры американского правительства по спасению финансовой системы США представляются в целом недостаточными.

Существенно усугубляет ситуацию и кардинальное изменение положения США. На протяжении всего времени после уничтожения Советского Союза они сохраняли свое положение сверхдержавы – страны, осуществляющей военно-политическую защиту своих союзников и за это получающей не только выгоды технологического лидерства (так как военные расходы – наиболее эффективный способ стимулирования технологического прогресса), но и существенные коммерческие уступки со стороны своих союзников.

Главной из этих уступок было согласие на выполнение США функций глобального регулятора (среди прочего с этим было неразрывно связано и «перекачивание» в них ресурсов всего мира при помощи практически неограниченной эмиссии доллара, выполняющего функции мировой резервной валюты). Хотя после исчезновения сдерживающей силы в лице Советского Союза противоречие между интересами США как регулятора наиболее значимых глобальных рынков и их же интересами как ключевого участника этих рынков вышло на поверхность и приобрело совершенно неприемлемую для нормального развития мира остроту, США сохраняли свое положение. Сначала это происходило благодаря инерции, а с конца 90-х гг., когда эта инерция иссякла, за счет конструирования ими различных глобальных врагов, от которых они якобы защищали «мировое сообщество», то есть Запад.

Однако, как говорили А. Линкольн и Ф. Д. Рузвельт, «можно все время обманывать некоторых и некоторое время всех, но обманывать все время и всех невозможно».

С одной стороны, искусственность новых внешних врагов Запада, назначение которых производилось почти исключительно для оправдания сохранения американского лидерства, в конце концов стала явной даже для союзников США (что выразилось, в частности, в неприятии Евросоюзом их агрессивных устремлений в отношении Ирана и отсутствии единодушной поддержки этих устремлений в отношении КНДР). С другой – вся мировая экономика подточена разрушительным эгоизмом, причем не столько Запада как ее основного выгодоприобретателя, сколько в первую очередь США как ее непосредственного организатора и регулятора.

В результате **США утратили основу всякого лидерства – моральный авторитет**. Эгоистическая неспособность переструктурировать созданную ими систему (ибо это неминуемо ограничило бы их интересы ради общего блага) привела к утрате и интеллектуального лидерства.

В ситуации, когда либерализованный рынок исчерпал себя, США упрямо держались за либеральные догмы, забыв слова величайшего из своих президентов Ф. Д. Рузвельта о том, что капитализм – исключительно устойчивая система, разрушить которую может только свобода действий самих капиталистов. Эта бесспорная истина была сначала забыта, а потом и отвергнута США не столько из-за религиозной индоктринированности их элиты, сколько из-за коммерческой выгодности для них самых безумных догм либерального фундаментализма.

В результате стратегическая инициатива перехвачена Евросоюзом (весьма кстати возглавляемым наиболее независимым от США его членом – Францией), и именно президент родины «дирижизма» (доктрины тщательного государственного

регулирования) – Франции – провозгласил конец эпохи «свободного рынка» и исчерпанность самой этой идеи.

Если победа над Бушем Саркози, сумевшего создать себе ореол европейца, впервые после Второй мировой войны урегулировавшего серьезный конфликт (России и Грузии) без всякого участия США, еще могла восприниматься как случайность, то лидерство Евросоюза в указании на необходимость создания нового глобального финансового порядка уже совершенно явно выражает качественное ослабление США, утративших способность к инициированию необходимых стратегических изменений.

И причина этого – не столько естественная в предвыборный период дезорганизация управления, сколько органическая неспособность США поступиться даже малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же собственных стратегических проблем. Этот поистине самоубийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников – Евросоюз, Китай и, если у нашего руководства хватит интеллекта, Россию и кладет конец *Pax Americana*.

Понятно, что создать «с чистого листа» качественно новую экономическую систему, совсем новый аналог Бреттон-Вудских соглашений «для XXI в.», не удастся, – но наиболее насущные изменения, сформулированные еще в ходе кризиса 1997–1999 гг., скорее всего, будут реализованы, что будет означать слом всего мирового порядка, сложившегося еще во второй половине 40-х гг. В частности, вполне реализуемо:

- обеспечение прозрачности движения спекулятивных капиталов (в перспективе – и всех глобальных корпораций с созданием глобального наблюдательного, а в перспективе и регулирующего органа);
- превращение «налога Тобина» (налога на спекулятивный капитал, на практике – запретительно высокое, 15-процентное налогообложение капитала, выводимого из страны менее чем через год после его ввода) из экстремальной меры (в кризисе 1997–1999 гг. именно его применение спасло экономики Чили и Малайзии) в нормальный, признанный мировым сообществом инструмент экономического регулирования, применяемый национальными правительствами при определенных, заранее известных условиях;
- приведение влияния различных стран на политику глобальных финансовых институтов (в первую очередь МВФ и Мирового банка) в соответствие их удельному весу в мировой экономике (что означает, в частности, резкое снижение влияния США и рост влияния Китая);
- реализация «плана Миядзавы» (японский министр финансов во время кризиса 1997–1999 гг.) в части обеспечения прозрачности работы МВФ и Мирового банка, вплоть до открытой публикации и обсуждения их методических материалов (в том числе на стадии разработки);
- превращение «Большой восьмерки» в орган глобального регулирования, что требует включения в нее всех стран мира, ВВП которых не ниже минимального в нынешней «Большой восьмерке» ВВП Канады *(это означает превращение G8 в G11 за счет принятия в нее Китая, Бразилии и Испании; при снижении порогового уровня ВВП с 1,6 до 1,0 трлн долларов G8 превращается в G14 за счет Индии, Мексики и Австралии; возможно дальнейшее расширение за счет Южной Кореи, ВВП которой в 2008 г. ожидается на уровне 0,95 трлн долларов, и Нидерландов с ВВП 0,91 трлн),* а также выработки процедуры принятия обязательных для всех его членов решений.

* * *

Финансовый кризис – лишь выражение грандиозного комплексного перелома всего мироустройства, сопоставимого по своим масштабам с Реформацией (в ходе которой сформировалась современная система организации общества, основанная на государстве).

Относительное равновесие будет достигнуто (и то, скорее всего, временно) восстановлением биполярной системы (США будут играть роль сходящего со сцены СССР, а Китай – крепнущих, несмотря на внутренние кризисы, США) в политике и поливалютной – в экономике (каждая валютная зона будет иметь свою резервную валюту). Последнее накладывает на Россию прямую обязанность форсированного перехода к экспорту сырья и вооружений за рубли и создания «рублевой зоны».

Но путь к этому равновесию лежит через хаос в политике и депрессию в экономике – может быть, и не Великую, но длительную и болезненную (не стоит забывать, что США преодолели Великую депрессию лишь благодаря Второй мировой войне).

2. Последствия для России: депрессия уже началась

Принципиально важным отличием нынешнего кризиса от 1998 г. является его длительность. 1998 г. можно сравнить с мгновенным ударом, уже через месяц после которого началось сначала медленное, но все же восстановление экономики, а нынешний – с длительным удушением, более напоминающим процессы начала 90-х гг.

Причина в отсутствии источников роста – и в России, и в мире. Исчерпанность «моторов» развития США означает сваливание мировой экономики в депрессию. Поэтому и российская экономика, лишь нарастившая за годы реформ и особенно за 2000-е гг. зависимость от экспорта сырья, выйдет из наиболее острых кризисных шоков (вроде 18 сентября, когда страна стояла в 24 часах от штурма банков вкладчиками) не в рост, но в изнуряющую депрессию. Последняя будет недолгой: она вызовет «детонацию» наших внутренних проблем (незащищенность собственности, тотальный произвол монополий, формирование в регионах разных хозяйственных и общественных моделей, массовая бедность, утрата трудовой мотивации, деградация инфраструктуры, человеческого капитала и государства) и сваливание страны в системный кризис – дестабилизацию всех значимых сфер общественной жизни.

Сжатие мирового спроса сокращает производство и резко уменьшает спрос на сырье, снижая не только цены на товары российского экспорта, но и потребность в них. Это означает сокращение практически всех производств, кроме удовлетворяющих первичные потребности (вроде основных и при этом простых в изготовлении видов продовольствия) и связанных с бережливостью (вроде ремонта одежды).

Российская экономика пройдет через несколько волн сокращений производства, которые будут последовательно прокатываться по основной части отраслей. Первая волна была вызвана сжатием спекулятивных операций, удорожанием кредитов и отказом от планов наращивания производства: замораживаются даже почти готовые стройки, увольняется персонал, нанятый под новые проекты. Сокращение доходов населения сокращает производство, ориентированное на продолжение роста этих доходов: от автомобилестроения до некоммерческих проектов, осуществлявшихся богатыми людьми «для души» (от ресторанов, где никто не обедал, магазинов, где никто не покупал, и журналов, которые никто не читал, до общественных движений).

Вторая волна, накрывшая нас в ноябре – январе, вызвана сокращением экспортных доходов и отказом экспортеров сырья от новых инвестиций и непрофильных проектов.

Поднимается третья волна, связанная с сокращением бюджетных доходов.

Каждое сокращение производства означает дополнительное (и неравномерное по отраслям и регионам) сжатие спроса и новые банкротства, каждое из которых способствует новому сокращению производств.

Ситуация будет усугублена политикой Кудрина – Игнатьева, создавшей в стране искусственный дефицит денег за счет вывода государственных активов в банковские системы Запада, в которых был вынужден кредитоваться наш бизнес. Из-за глобального финансового кризиса западные банки перестали давать нам в кредит наши же деньги, выведенные из страны Кудриным и Игнатьевым, и это многократно усугубило сжатие спроса, вызванное «вползанием» мировой экономики в депрессию.

В результате экономика уже начала, как в водоворот, затягиваться в спираль деградации, в которой вызванное сжатием спроса сокращение производства обусловливает новое сжатие спроса и новый производственный спад. Именно так развивалась в США Великая депрессия.

Единственный выход из нее, нащупанный Рузвельтом и обоснованный Кейнсом, – поддержание необходимого экономике уровня спроса за счет наращивания государственных расходов и рефинансирования экономики Центральным банком. Однако отсутствие финансового контроля (который политически невозможен, так как поневоле ограничит коррупцию – основу клептократического государственного строя, созданного в России в 2000-е гг.) направит расходы государства не на поддержку экономики, а на спекулятивные рынки, в первую очередь валютный. Результат – ослабление рубля, которое ускорит инфляцию (а следовательно, и сжатие реального спроса) и усилит дезорганизацию экономики.

Отсутствие понимания стратегической перспективы, отказ от модернизации делает невозможным даже стабилизацию. Сегодня государство пытается не повысить конкурентоспособность России, а просто запихнуть ее обратно в уже уходящие навсегда 2000-е гг., когда она, как и в 90-е гг., представляла собой брошенное «трофейное пространство», под истерические завывания о «величии» и «подымании с колен» отданное на растерзание новым мародерам, как иностранным, так и (в основном) собственным. Предпринимаемая сейчас попытка стабилизировать принципиально не способную к саморазвитию и потому саморазрушающуюся колониальную систему, созданную в России в 90-е гг. и лишь укрепленную в 2000-е гг., представляется заведомо обреченной на провал и лишь ускоряющей сползание страны в системный кризис.

Ситуация будет усугублена энергичными действиями различных клептократических группировок, использующих кризис для захвата чужой собственности. Алчность и безграмотность не дадут им понять, что сегодняшние активы России не имеют ясной перспективы: захваченный завод не будет давать прибыль за счет наращивания производства в ходе импортозамещения, как в 1999 и начале 2000-х гг., но столкнется с огромными трудностями со сбытом, как в начале 90-х гг. В результате передел собственности дезорганизует экономику не только сам по себе, но и в силу того, что значительная часть активов будет захватываться у менеджеров, приобретших за последние годы навыки управления, коррумпированными чиновниками, даже не задумывающимися о необходимости управлять собственностью и способными лишь разворовывать ее, как «красные директора» в середине 90-х гг.

Важный фактор кризиса – психологическая неустойчивость относительно молодой (до 35 лет) части современных работников, не имеющей опыта падения в кризис либо забывшей его (так как молодежь легче переносит кризис и после него первой

находит работу). «Непадавшее поколение», не имея опыта выживания во внезапно ухудшившихся и кажущихся беспросветными условиях, будет впадать в отчаяние, цепенеть и спиваться так же, как 40–50-летние мужчины – в начале 90-х гг.

3. Что должна делать наша страна

Российское государство переплюнуло В. И. Ленина: тот мечтал когда-то о временах, когда каждая кухарка сможет управлять государством, а мы живем в ситуации, когда почти каждая кухарка управляла бы государством намного лучше нашего нынешнего руководства.

Но российский кризис будет еще длительнее мирового, так как без срочных мер весной 2010 г., а то и осенью 2009 г., под его ударами «сдетонируют» наши внутренние проблемы (незащищенность собственности, произвол монополий, клептократия, бедность, разрушение инфраструктуры, деградация человека и государства до полной утраты управляемости).

Именно длительность кризиса дает государству и обществу время осознать его глубину. Если государство испугается быстро, оно сможет осуществить необходимые меры «прямо сейчас» (объявили же войну клептократии признанием Абхазии и Южной Осетии!). Продолжение гниения обрушит страну в системный кризис (дестабилизацию всех ключевых сфер жизни общества), и испытывать страх и делать выводы из него будет следующее поколение руководства, сейчас занимающее позиции во втором-третьем эшелонах бюрократии.

3.1. Ключ к выходу из депрессии

Стандартный механизм выхода из депрессии – замена государственным спросом недостающего спроса рынка. Предъявляя значимый спрос (существенная часть которого предъявляется в виде нерыночной помощи, что позволяет требовать от ее получателей, в том числе бизнеса, нерыночного же поведения, в частности целевого использования и удешевления кредита), государство имеет большие, чем обычно, возможности для реструктуризации экономики, для создания новых и модернизации существующих производств.

Преимущества России:

- наличие значительного финансового резерва (международные резервы Банка России и неиспользуемые средства бюджета, включающие Резервный фонд и Фонд будущих поколений, но отнюдь не сводящиеся к ним), позволяющее наращивать государственный спрос без возникновения значимого дефицита бюджета;
- общая недоинвестированность экономики и особенно инфраструктуры, открывающая естественные направления применения этого спроса – модернизацию инфраструктуры и социальную поддержку.

Проблемы России – исключительно высокие коррупция (при которой даже важнейшие решения государства иногда принимаются, насколько можно судить, на основе преимущественно коррупционной мотивации) и монополизм (носящий тотальный, всеохватный характер).

Без решения этих проблем значимое увеличение государственного спроса не имеет смысла, так как то, что не будет украдено правящей клептократией, пойдет на получение сверхприбылей в результате монопольного завышения цен и приведет лишь к разрушительной девальвации рубля, раздавливанию бизнеса многократно возросшим из-за нее грузом внешних долгов и срыву в гиперинфляцию.

3.2. Обеспечить минимальную вменяемость госаппарата

Без ограничения коррупции никакие антикризисные меры невозможны, так как приведут лишь к росту воровства и спекуляций, а в случае острой нехватки

ликвидности и соответственно масштабной помощи банкам – к срыву в гиперинфляцию. Однако ее ограничение можно осуществить лишь в ходе решения конкретных проблем.

1. Провести «для острастки» госаппарата серию показательных антикоррупционных процессов в отношении наиболее откровенных коррупционеров (если, конечно, общественное мнение окажется соответствующим действительности) начиная с Зурабова.

2. Установить законодательно и ввести в практику правоприменения, что взяткодатель при условии сотрудничества со следствием освобождается от ответственности (так как «правила игры» устанавливает взяткополучатель – чиновник).

3. Провести аналог американской операции «Шейх»: массированное предложение агентами спецслужб взяток сотрудникам госаппарата и руководителям госпредприятий с увольнением поддавшихся на провокацию (с пожизненным лишением права работать на госслужбе и заниматься юридической деятельностью).

4. Установить, что чиновник должен декларировать имущество не только супруга и детей до 18 лет, но и всех членов семьи, включая родителей (своих и супруга), взрослых детей (своих и супруга, если есть не общие), братьев и сестер (своих и супруга), а также всех более дальних родственников, проживающих с ним совместно.

5. Создать аналог ФБР, занимающийся борьбой с оргпреступностью и коррупцией, в полной мере использовав потенциал разогнанных управлений МВД по борьбе с оргпреступностью. Привлечь к работе специалистов.

3.3. Сохранить систему расчетов

1. Повысить сумму вкладов населения, гарантируемую на 100 % (с процентами, равными ставке рефинансирования Банка России), до 1 млн руб. (в рублях). Не повышать гарантируемую сумму в иностранной валюте по действующим вкладам, в отношении новых валютных вкладов отменить гарантию. Увеличение гарантируемой суммы осуществлять за счет Банка России, а не системы страхования вкладов (то есть самих банков), так как лицензии по привлечению вкладов физических лиц выдает именно Банк России, который должен сам отвечать за свои действия.

2. Жестко структурировать банковскую систему на основе формализованных критериев: выделить до 15 банков, спасаемых любой ценой, и еще 120–140, получающих необходимую поддержку. Остальным банкам финансовой поддержки в кризис не оказывать.

3. Провести опережающую кризис санацию банковской системы: прикрываясь им, закрыть банки-«помойки».

4. Все виды финансовой поддержки банкам должны оказываться координированно, из единого центра – специальной структуры, созданной в Банке России с откомандированным в нее заместителем министра финансов (так как одним из видов поддержки является размещение бюджетных средств на депозитах в банках).

5. **Идея поддержки государством фондового рынка как такового порочна идейно** и преступна по сути. Фондовый рынок утратил свои экономические функции (определение стоимости компаний для привлечения ими средств): поскольку из-за глобального кризиса ликвидности средства не привлекаются, он бесполезен и превратился не более чем в генератор плохих новостей. Никакая поддержка его котировок государством недопустима, так как представляет собой поддержку спекулянтов за счет народа.

6. Активы государства, размещенные за рубежом (Резервный фонд, Фонд национального благосостояния, существенная часть международных резервов Банка России), должны быть возвращены в страну и направлены на поддержание систе-

мы расчетов, кредита, рефинансирование реального сектора и социальную помощь населению.

Размещение активов государства на условиях, исключающих их быстрый возврат, если оно имеет место, должно получить оценку с точки зрения Уголовного кодекса (возможно, как «преступная халатность»).

3.4. Не допустить девальвации рубля

Предоставление банку финансовой поддержки должно сопровождаться введением Банком России жесткого контроля над его деятельностью и полным запретом (лучше, конечно, добровольным отказом банка от) всех видов спекулятивных операций, их кредитования и обеспечения в иной форме (включая операции на валютном рынке не для обеспечения нужд внешней торговли и операции на фондовом рынке).

Контроль над этим должен осуществляться независимо со стороны Банка России (через финансовый контроль над банком-реципиентом, вплоть до назначения «спецказначеев»), бирж (в первую очередь ММВБ), надзорных органов (в том числе ФСФР и Комитета финансового мониторинга) и лишь при необходимости спецслужб (которые, вообще-то, предназначены не для финансового контроля). Нарушение этого запрета (как и нарушение правил целевого использования государственной помощи или предоставление ее по завышенной процентной ставке) должно караться немедленным банкротством банка и привлечением его руководства к ответственности.

Без этого финансовая поддержка банков приведет не к стабилизации расчетов, а к активизации спекуляций (как после дефолта 1998 г.) и растрате международных резервов, основная часть которых и так находится в недостаточно ликвидной форме.

Результатом может стать новая, обвальная девальвация рубля, которая поставит под вопрос само сохранение российской государственности.

3.5. Нормализовать кредитно-финансовую политику

1. Перейти от эмиссии рублей под покупку иностранной валюты к предложению денег исходя из спроса на них со стороны отечественных заемщиков. Рефинансировать банки под залог векселей платежеспособных предприятий, прежде всего, работающих в перспективных направлениях формирования нового технологического уклада. Ввести мониторинг финансового состояния предприятий, векселя которых включаются в Ломбардный список Банка России.

2. Предоставлять кредитные ресурсы Банка России коммерческим банкам при условии их целевого направления на рефинансирование реального сектора. Ограничить банковскую маржу по операциям с выделяемыми государством кредитными ресурсами 1 процентным пунктом.

3. Замещать отзываемые иностранные кредиты рублевыми кредитами Банка России по тем же процентным ставкам.

4. Ввести систему резервирования части поступающих из-за рубежа кредитов (подобную существующей при привлечении депозитов российскими банками), направив соответствующие суммы в специально созданный фонд страхования кредитных рисков.

3.6. Провести реиндустриализацию

1. **Вернуться к Кейнсу.** Установить минимальный уровень государственных расходов по отношению к ВВП, поддерживаемый при необходимости за счет дефицита бюджета, для выполнения неотъемлемых обязательств государства и под-

держания минимально необходимого уровня монетизации экономики (так как в условиях депрессии главной проблемой станет отсутствие платежеспособного спроса в экономике из-за сжатия денежной массы).

2. В реальном секторе выделить стратегически и социально значимые предприятия: в отношении первых нельзя допустить перехода под контроль иностранного капитала или закрытия (пример – ВПК), в отношении вторых – закрытия (пример – градообразующие предприятия).

Учитывать, что значительные кредиты взяты олигархами на офшорные структуры под залог акций этих предприятий и не учитываются сегодня во внешнем долге страны, что может привести к внезапной потере национального контроля над этими предприятиями. Следует обязать бизнесменов заблаговременно информировать государство о подобных сделках, чтобы государство имело время для выкупа подобных залогов.

При неспособности указанных предприятий покрывать «кассовые разрывы» предоставлять им краткосрочные кредиты под залог контрольных пакетов акций, в случае госсобственности – под личную ответственность директора.

При невозможности погашения этих кредитов или серьезных финансовых проблемах оказывать финансовую поддержку в обмен на жесткий финансовый контроль и переход контрольного пакета акций в собственность государства (в случае госсобственности должна проводиться тщательная многосторонняя проверка деятельности предприятия и введение жесткого внешнего финансового контроля).

Стимулировать переход остальных предприятий в случае их неплатежеспособности в собственность кредиторов за долги.

3. Создать Агентство экономической реконструкции, концентрирующее в своих руках всю помощь нефинансовому сектору и управление всем госимуществом (включая госкорпорации) для реализации стратегических задач развития страны, в первую очередь:

- модернизации инфраструктуры, в первую очередь ЖКХ и автодорог;
- строительства дешевого жилья;
- реиндустриализации (восстановления производства критически значимой продукции, не производимой в мире в должных количествах как минимум тремя независимыми производителями);
- развития и технологической модернизации АПК (за счет рефинансирования сельского хозяйства и прекращения недобросовестной конкуренции со стороны импорта);
- сохранения, а при необходимости создания спроса на продукцию высокотехнологичных предприятий и на новые разработки, способные стать основой кластеров инновационного роста (в первую очередь это углубленная переработка энергоносителей, альтернативная энергетика, материаловедение, экология и катализ);
- целевого оборонного заказа на модернизацию армии в рамках новой военной доктрины.

Временно свободные средства госкорпораций должны отчуждаться Агентством экономической реконструкции и направляться на решение задач реиндустриализации и модернизации экономики.

4. Восстановить систему рефинансирования государством (в основном через Агентство экономической реконструкции) значимых инвестиционных проектов, необходимых для развития страны, но непосильных для частного бизнеса.

5. Проанализировать все меры по либерализации внешнеэкономических связей и отменить подрывающие конкурентоспособность российской экономики,

имея в виду, что кризисные условия создают объективную потребность в усилении протекционизма, а задача присоединения к ВТО утратила свою актуальность.

6. Установить, что поддержка частного бизнеса в любой форме (включая протекционистские меры) должна сопровождаться его встречными обязательствами перед государством по производству определенной продукции по определенным ценам. Невыполнение этих обязательств должно вести к образованию задолженности соответствующих предприятий перед государством в размере стоимости непроизведенной (или произведенной, но не того качества или ценового диапазона) продукции.

7. Необходимо полностью запретить импорт за государственные средства продукции, производимой в России.

8. Рассчитать для предприятий, полученных по залоговым аукционам, компенсационный налог в размере разницы между рыночной стоимостью предприятий в момент проведения залоговых аукционов и суммами, уплаченными за них в бюджеты. Взыскать сумму компенсационных налогов с нынешних владельцев этих предприятий пакетами их акций (кроме «ЮКОСа», компенсационный налог по которому считать уплаченным в натуральной форме). В случае выкупа государством данных предприятий предъявить соответствующие денежные требования их бывшим владельцам, у которых был произведен выкуп.

9. Создать инновационный сегмент финансового рынка, работающий с ценными бумагами инновационных компаний.

10. Расширить финансирование институтов развития с жестким контролем над целевым использованием выделяемых средств.

11. Использовать часть накопленных валютных резервов для субсидирования импорта новых технологий, патентования российских изобретений за рубежом, приобретения зарубежных активов для достройки технологических цепочек и организации международной кооперации в производствах нового технологического уклада.

12. Провести переоценку основных фондов по их восстановительной стоимости.

13. Полностью прекратить претензии по налогам за прошлые годы.

14. Проработать возможность полной отмены НДС на товары, произведенные в России, с 1 января 2010 г. с замещением выпадающих доходов бюджета увеличением налогообложения экспорта сырья (кроме нефти и нефтепродуктов, налогообложение экспорта которых уже повышено до разумного уровня). В случае невозможности полной компенсации провести снижение НДС на компенсируемую часть.

15. Отменить плату за использование земли под промышленными объектами.

16. Отменить импортные пошлины на ввоз производственного оборудования, не производимого в России и не намеченного к производству в России.

17. Установить лимит капиталовложений (не кредитов), при превышении которых иностранное предприятие освобождается от налога на прибыль на 5 лет (кроме строительной отрасли).

3.7. Обеспечить социальную стабилизацию

1. Заморозить на 2009–2011 гг. тарифы на продукцию и услуги естественных монополий, ЖКХ, городского транспорта. Провести тщательный анализ их издержек, за счет сокращения воровства и повышения качества управления снизить тарифы на услуги ЖКХ не менее чем на 20 %, а тарифы на электроэнергию и цену газа на внутреннем рынке – не менее чем на 10 % с 1 января 2010 г.

В кратчайшие сроки разработать и ввести в действие общенациональную программу энергосбережения, в разы снижающую совокупную налоговую нагрузку

на предприятия, обеспечивающие рост производства при значимом сокращении его энергоемкости.

2. Гарантировать прожиточный минимум каждому гражданину (как экономическое выражение права на жизнь) с его региональной дифференциацией и соответствующей переориентацией межбюджетной политики. Заменить «материнский капитал» увеличением детских пособий.

3. Для сдерживания инфляции бороться с ее причиной – начать обуздывание произвола монополий. Дать антимонопольной службе право контролировать тарифы естественных монополий и повысить штрафы за злоупотребление монопольным положением. Компании, доминирующие на рынках или заподозренные в злоупотреблении монопольным положением, должны раскрывать перед ФАС структуру своих цен, а при необходимости – и финансово-экономическое положение полностью.

ФАС должна получить право при резких колебаниях цен сначала возвращать их на прежний уровень, а потом уже проводить расследование (оно может занять годы, за которые экономике будет нанесен невосполнимый ущерб).

4. Осуществить рефинансирование сельхозпроизводства и сельхозпереработки, не допустить паралича сельского хозяйства из-за падения цен на зерно ниже себестоимости и роста стоимости кредита.

5. Отказаться от непроработанных планов повышения с 1 января 2010 г. социального налогообложения, увеличения минимального трудового стажа с 5 до 30 лет, введения предела пенсии на уровне сегодняшних 15 тыс. р. и урезания накопительных пенсионных взносов.

Дать россиянам возможность быть честными, введя плоскую шкалу ЕСН и снизив его до 15 %. Ввести жесткий финансовый контроль над Пенсионным фондом, Фондом социального страхования и Фондом обязательного медицинского страхования.

Средства накопительных пенсионных взносов направить на реализацию инфраструктурных проектов с гарантированно высокой доходностью (в первую очередь – на модернизацию коммунальной системы крупных и богатых средних городов).

6. Скорректировать бюджет на 2009 г., а затем и на последующие годы с учетом снижения мировых цен на нефть (расчетная цена нефти сорта *Urals* была повышена с 75 до 95 долл./барр.; разумно исходить из реалистичного уровня 45 долл./барр.), экономического спада минимум в 5 % и инфляции в 15 % в 2009 г., падения собираемости налогов из-за ухудшения конъюнктуры.

Оценивать качество работы Минфина по равномерности расходования бюджетных средств по срокам и по различным статьям расходов.

7. Отказаться от ошибочной задачи стабилизации цен на жилье, обеспечить их дополнительное по сравнению с инерционным 30-процентным снижение в течение полугода за счет сокращения взяток, выплачиваемых застройщиками коррумпированным представителям региональных и местных властей.

Предоставлять жилье, выкупленное у строительных и девелоперских компаний за долги, нуждающимся в улучшении жилищных условий семьям с детьми и молодым специалистам в качестве социального жилья.

8. Восстановить систему контроля качества продукции, в первую очередь продовольствия.

9. Снизить проценты по потребительским и ипотечным кредитам (с учетом сопутствующих платежей) до уровня ставки рефинансирования Банка России. В случае потери работы предоставлять заемщику 6-месячную отсрочку по выплате

кредита и процентов, в случае резкого снижения заработной платы (в том числе из-за вынужденной смены работы) увеличивать срок выплаты кредита в два раза с соответствующим снижением выплат.

10. Сохранить потребительское кредитование населения (это лучшая защита от паники и эффективное стимулирование спроса) за счет «длинных» и «дешевых» государственных денег, предоставляемых банкам на эту цель (со снижением стоимости кредитов для населения).

11. Отменить налог на доходы с банковских депозитов населения до 1 млн р.

12. Предоставлять регионам субсидии федерального бюджета для рефинансирования наиболее значимых предприятий регионального значения.

13. За поддержку инициативы олигархов об отмене двухмесячного выходного пособия при увольнении сотрудников лишить президента РСПП Шохина врученного ему 15 октября 2008 г. ордена «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

3.8. Новая внешнеэкономическая парадигма

1. Обеспечить независимость выработки и реализации социально-экономической политики России от групп влияния, представляющих интересы ее стратегических конкурентов.

2. Перевести экспорт российского сырья, энергоносителей и вооружений, а также весь экспорт в страны ближнего зарубежья на оплату в рублях. Реализовать мероприятия по превращению рубля в региональную расчетную валюту, в частности предоставлять Украине, Белоруссии, Казахстану и другим платежеспособным государствам ближнего зарубежья стабилизационные кредиты в рублях. Создать единую платежную систему ЕврАзЭс, наделить Межгосударственный банк СНГ соответствующими возможностями и полномочиями.

3. Форсировать создание «газового ОПЕК» и «отвязывание» цены газа от цены нефти. Вступить в ОПЕК.

4. Активно скупать за рубежом наиболее привлекательные (недооцененные) или стратегически значимые активы, сформировав для этого специальные команды из наиболее эффективных специалистов по инвестициям (в том числе лишившихся работы) на службе государства.

5. Повысить эффективность использования валютных резервов, снижая долю доллара США и английского фунта, увеличивая долю золота и других благородных металлов в структуре валютных резервов.

6. Усилить валютный контроль для ограничения вывоза капитала в иностранной валюте (не в рублях). Восстановить госмонополию на экспорт золота, платины, серебра, палладия, а также редкоземельных металлов.

3.9. Основные принципы

- Вернуть деньги на Родину!
- Железный намордник – на пасть клептократии. Вырваться из рабства, в котором она держит народ.
- Справедливая экономика: развивать производство, поддерживать массовый спрос (в том числе необходимой социальной помощью), ограничивать монополии, «давить» спекуляции.

* * *

Все здоровые силы общества вне зависимости от идеологических пристрастий должны сплотиться вокруг стратегии модернизации в условиях глобального кризиса – единственной стратегии, отвечающей как сиюминутным, так и долгосрочным интересам России, – и, постоянно дорабатывая ее, настойчиво предъявить государству соответствующие жесткие требования.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ЦЕННОСТНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МИРОУСТРОЙСТВА: ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Я. С. Яскевич

Анализируются философско-методологические основания мирового кризиса, механизмы институциональных преобразований современного общества, раскрываются статус нравственных ценностей в глобализирующемся мире, сущность антропологического поворота в современной науке, экономике, политике. Показывается, что глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей в угоду материальным. Для преодоления комплекса социально-экономических проблем, выявления роли свободного рынка, глобальных финансовых структур необходимо ценностно-революционное переосмысление современного мироустройства, отказ от эгоистических устремлений и силового отношения к человеку, природе, обществу.

В переломные моменты истории, как это происходит в современную эпоху глобального кризиса, обостряется философско-методологическая рефлексия в различных ее измерениях – от повседневности до науки, от локального к глобальному, от национального к мировому уровню, ибо возникает проблема радикального пересмотра системы ценностей, убеждений, исторически сложившихся стереотипов общепризнанного знания, социального действия, а значит, мировоззренческих оснований и приоритетов человека и человечества в целом. Без новых идей невозможно появление новых социально-экономических отношений и стратегий выхода из кризиса.

Процессы, протекающие на современной мировой экономической сцене, волнуют сегодня ученых, политиков, бизнесменов, актуализируя вопросы о предпосылках и причинах кризиса, негативных последствиях планетарного масштаба, путях его преодоления и выхода на новый виток развития. Учитывая беспрецедентность современного кризиса, развертывание его в несопоставимых с Великой депрессией условиях, необходимо выявить философско-методологические основания этого процесса, механизмы институциональных преобразований современного общества, статус нравственных ценностей, либеральных догм и принципов и т. п., что, несомненно, требует междисциплинарного нелинейного подхода. Именно к такому философскому разговору о мировом кризисе, скором или отдаленном выходе из него призывает А. Н. Чумаков[1].

Маркетизация системы ценностей в глобализирующемся мире

Глобальный финансово-экономический кризис во многом является кризисом системы духовных ценностей, пренебрежения ими в угоду материальных ценно-

[1] Чумаков, А. Н. Диалектика кризиса // Вестник РФО. – 2008. – № 4. – С. 8–14.

стей и модели процветания, о чем писали начиная с 80-х гг. XX в. Д. Белл, Э. Тоффлер, В. С. Степин, В. Л. Иноземцев и др. Подчеркивалось, что ориентация на приоритеты материального богатства и выгоды не решает все проблемы западного общества. «Ценностная система капитализма, – замечает Д. Белл, – воспроизводит идеи благочестия, но сейчас они стали пустыми, ибо противоречат реальности – гедонистическому образу жизни, насаждаемому самой системой. Постиндустриальное общество не в состоянии обеспечить трансцендентальную этику, кроме как тем немногим, кто посвятил себя служению науке»[2].

Призывы к пересмотру сложившихся в лоне западной цивилизации системы ценностей с установками на материальные блага, силового отношения к природе, человеку, обществу, необходимости их адаптации к потребностям и запросам постиндустриального информационного общества не были услышаны и реализованы. Более того, власть материального над духовным, личностного обогащения «влиятельных» мира сего и отдельных государств через средства массовой информации становились соответствующим зовущим ориентиром для массового общества.

Массовая культура и безудержно развивающаяся рыночная экономика, как отмечает Г. Л. Тульчинский, парадоксальным образом реализовали проект Просвещения и его гуманистический лозунг: «Все на благо человека, все во имя человека» и программу «всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих потребностей». *Маркетизация как принцип ценностной координации массовой культуры приводит к унификации социальных, экономических, межличностных отношений на основе рыночного спроса и рыночной цены*, ибо все, что возникает, опредмечивается в массовом обществе, должно пользоваться спросом на рынке. Сама по себе массовая культура ни плоха, ни хороша, она является порождением индустриального общества и урбанистического образа жизни, выполняя при этом разнообразные социальные функции по социализации личности в условиях постиндустриальной цивилизации, стандартизации интересов, потребностей, ценностно-смыслового восприятия реальности, регуляции психического и нравственного сознания. В то же время массовая культура в силу выполняемых ею функций приводит к ценностному релятивизму, нивелированию, маркетизации, прагматизации системы ценностей, экспансии потребительских установок.

Поскольку массовая культура в силу более раннего вступления в нее американского общества с его чистой моделью капиталистической экономики и демократии стала явлением общественной жизни раньше, чем в других странах, а также благодаря привлекательности продуктов массовой культуры, наступил довольно значительный период трансляции «американизма», пресловутого американского образа жизни, хотя и в самой Америке наблюдается противостояние ценностей традиционной американской культуры («одноэтажная Америка») и массового общества (с символом «калифорнизации»)[3]. Завышенное материальное потребление, не обусловленное необходимым производством, широко пропагандируемый образ жизни в кредит не могли не привести к снижению уровня устойчивости американской экономики, снижению доли сбережений населения (в 1998 г. эта доля достигла отрицательного значения), к растущей задолженности и неплатежеспособности населения перед финансовыми институтами.

В 2001 г. США смогли вытащить свою экономику из депрессии за счет использования, во-первых, стратегии экспорта нестабильности, роста военных рас-

---

[2] Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., 1999. – С. 651.

[3] Тульчинский, Г. Л. Массовая культура как воплощение гуманизма Просвещения, или почему российское общество самое массовое // Философские науки. – 2008. – № 10. – С. 38–45.

ходов в самих Штатах и притока капиталов и интеллекта в свою страну, во-вторых, за счет использования стратегии «накачки» рынка безвозвратными ипотечными кредитами, которая выступала и формой социальной помощи. И первая стратегия, реализовавшая себя сначала в Югославии, затем в Ираке и Пакистане, и вторая стратегия с созданным ею финансовым пузырем и последующей агонией оказались контрпродуктивными для экономического развития США, став катализатором глобального кризиса и «экспорта хаоса»[4].

Подобно «осевой эпохе», ознаменовавшей начало всемирной истории, когда независимо друг от друга в различных местах – в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции – рождаются мировые религии, философия, пробуждается метафизическая рефлексия и возникают духовные движения, *сегодня человечество с неотвратимостью приблизилось к «современной осевой эпохе», когда для его выживания требуются обновленные нравственные ориентиры и духовные ценности.*

Быстро развивающаяся, динамичная и агрессивная техногенная цивилизация с ее устремленностью ко всему новому, нетрадиционному, с ярко выраженным индивидуализмом свободной личности, с деятельностным преобразовательным вектором по отношению к природному и социальному миру оказала мощнейшее влияние на все мировые очаги цивилизации[5].

На фоне глобального кризиса возникает *проблема взаимоотношения глобального и национального, сохранения национальных приоритетов.* Некоторые исследователи утверждают, что подобно тому, как в Новое время становлению и развитию национальных государств способствовал локальный этнизм (национализм), идентификация граждан осуществлялась через национальное сознание и культурную принадлежность к нации, современная глобализация унифицирует национализм и приведет к «постнациональному самопониманию политического целого», «постнациональному обществу» (Ю. Хабермас). При этом *национализму придается чисто гражданская форма, возлагается надежда на некую вненациональную всеобщую политическую культуру, которая позволит перестроить солидарность граждан «на абстрактной основе конституционного патриотизма»,* не прибегая к ментальной укорененности в нации, истории и жертвам национально-культурной идентичности. Такая альтернатива «концу политики» реализуется по «мере создания наднациональных дееспособных акторов, подобных Европе», а граждане Евросоюза с целью гражданской солидарности должны, невзирая на национальные границы, научиться признавать друг друга в качестве одной и той же государственно-политической системы[6].

Толерантный сценарий разрешения противоречий глобализации и национализма предлагает и Ульрих Бек в своей *концепции «космополитического государства», становлении надгосударственных структур единой Европы, элиминировании национального,* ограничении национальных правительств, создании транснациональных структур и пространств, объединенного суверенитета. Обретение национальными государствами «космополитического характера» является, по словам Бека, «ответом на вызовы глобализации» и противостоянием этническому, религиозному и националистическому фундаментализму[7].

---

[4] Делягин, М., Николаевский, В. «Экономическая зима» не шутит // Беларуская думка. – 2009. – № 1. – С. 78–81.

[5] Степин, В. С. Ценностные основы и исторические перспективы техногенной цивилизации // Социология. – 2000. – № 3. – С. 45.

[6] Хабермас, Ю. Политические работы. – М., 2005. – С. 289–293, 319–322.

[7] Бек, У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. – М., 2007. – С. 340–342.

Можно согласиться с авторами, которые критично относятся к концепциям «конституционного патриотизма» и «космополитического государства» как сферы благих пожеланий далекого будущего, которое, быть может, никогда не наступит, ибо «в современной действительности существует не субъект права с паспортом в кармане, а человек во всей его целостности, с его мечтами, символами, традициями – тем, что формирует его идентичность»[8].

Альтернативные модели «объяснения Европы» рассматривают как нацию, так и национальное государство в качестве своих основных ориентиров, что же касается пророчеств о глобальной культуре, то они, по их мнению, не в состоянии учесть укорененность культур во времени и пространстве и зависимость идентичности от памяти. Чтобы мобилизовать энергию европейских граждан, необходимо рассмотреть «общеевропейские традиции» и разработать миф об их происхождении, переписать историю, изобрести ритуалы и символы традиций, которые создадут новую идентичность, «новый национализм», а значит, и новый образ Чужого[9]. «Трансформация в глобальное гражданское общество» не должна быть ответом, по мнению М. Спикера, на вызовы глобализации.

При всех очевидных экономических, политических и социокультурных преимуществах глобализации относительно развитых стран для многих других они оборачиваются значительными потерями и разочарованиями. Упования на построение интегрального единого бесконфликтного человечества в рамках однополярного мира после распада мировой системы социализма оказались явно преувеличенными иллюзиями. Становится ясно, что *традиционные формы институциональной организации общемирового общежития в лице взаимодействия национальных государств столь же актуальны*. Понижение уровня общечеловеческих ценностей к началу XXI в., глобализация эгоистических и потребительских интенций на самых высоких государственных и международных уровнях выводят человечество на качественно новый этап развития. Безграничный эгоизм, подкрепленный экономическим и потребительским преимуществом, для удовлетворения своих устремлений и потребностей не останавливается перед категорическим императивом нравственности и в конце концов прибегает к самой внушительной силе – силе принуждения. Столкновение же в социуме или отдельной общественной структуре эгоистических, не освященных нравственным светом желаний приводит к кризису, в том числе глобального масштаба, как это характерно для современной ситуации.

Тотальный дисбаланс, всеобщая непримиримость, снижение императивного статуса общечеловеческих ценностей означают кризис современной миросистемы и осознание того, что «мир никогда не будет таким, как прежде» (И. Валлерстайн). Всеобщий кризис высвечивает различные стороны его проявления в экономике, политике, экологии, науке, воспитании. Превратившись на материальном уровне в одно глобальное сообщество, человечество еще не готово к духовному единению и пониманию того факта, что мы не можем причинять вред другим, не вредя себе, что каждый отдельный человек в мире, обеспечивая свое существование за счет человечества, должен служить ему и заботиться о благе всего мира, поскольку он зависит от него (Бааль Суллам).

Категорический императив нравственности, сформулированный И. Кантом, и сегодня звучит весьма актуально. Это безусловный принцип поведения, основ-

---

[8] Гранин, Ю. Д. «Глобальное гражданство» или «глобальная этика» // Философские науки. – 2008. – № 10. – С. 16.

[9] Смит, Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современной теории наций и национализма. – М., 2004. – С. 394–395.

ной закон этики, всеобщий обязательный принцип, которым должны руководствоваться все люди независимо от их происхождения и положения. Первая формулировка категорического императива напоминает «золотое правило морали», сформулированное еще в древности: «Поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой». Вторая формулировка категорического императива: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом», – обращает внимание на всеобщность нравственных требований. Третья формулировка предписывает: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему как к средству». Вряд ли хоть в какой-то степени запрет на использование человека в качестве средства реализовался в современной цивилизации. Человек для Канта – всегда цель, он обладает нравственной самоценностью, нельзя низводить человека до уровня предмета, средства для достижения цели, человек – высшая ценность и цель. Сегодня, к сожалению, не только человек, но и отдельные государства выступают в качестве средства для достижения меркантильных целей. Несмотря на ригоризм, учение Канта звучит сегодня как предостережение современному человеку – нельзя уступать антинравственности никогда и ни при каких обстоятельствах. Нельзя быть «этически нейтральным» при разрешении природных и социальных катаклизмов; выход не в отказе от долга, а в соединении его с любовью, совестью, доброжелательностью, ответственностью в поиске гуманистической планетарной этики во имя того, чтобы человечество сохранило себя и высокие нравственные ценности.

Экономика, наука, политика: нравственно-антропологический поворот и междисциплинарный синтез

Одним из важнейших аспектов решения современных глобализационных процессов и возникновения нового знания все чаще выступает междисциплинарный синтез, когда полученные в одной отрасли знания и подходы включаются в качестве оснований для формирования знаний, процессов и перспектив развития в другой дисциплине. Такое взаимообогащение наук идет по линии трансляции отдельных методов, фундаментальных принципов и концептуальных средств из одной науки в другую, что приводит к коренной перестройке оснований науки, то есть к научной революции (В. С. Степин). Обмен фундаментальными принципами между различными науками приводит к изменению видения предмета конкретной науки, развитию ее понятий, к формированию общенаучных принципов и концептуальных средств, что связано с усиливающимися тенденциями к интеграции научного знания.

В последние десятилетия сформировалась четко заявившая о себе научная парадигма и практика использования экономических методов и инструментария в области социологии, права, политики, психологии, антропологии и в других областях социально-гуманитарного знания. Реагируя на такого рода претензии, в современной методологии науки появилось концептуальное название – «экономический империализм», отражающий попытки экономистов не только использовать математические и статистические методы в экономических исследованиях, но и проникнуть с помощью эконометрических методов на территориально-предметное поле различных общественных наук. Все чаще экономические методы построения теоретических моделей и анализа данных находят применение в финансах; современные теории игр и теории контрактов микроэкономики – в исследовании контрактов корпоративного и международного права, судебных решений; экономиче-

ская парадигма рационального выбора – в оценке избирательных технологий, формирования политических институтов.

На смену классической экономической теории, считавшей, что человек ведет себя в экономике как «экономический агент» – расчетливый и эгоистичный субъект, заботящийся только о своей собственной выгоде, в современной экономике социальных взаимодействий приходит антропологический поворот, выявляющий природные механизмы формирования альтруизма, чувства справедливости и т. п. В экспериментальной экономике нейроэкономистами доказано, что люди действительно хотя бы в некоторой степени альтруистичны и готовы платить собственные деньги за устранение несправедливости и неравенства[10]. Социокультурный контекст в понимании справедливости европейцами и американцами позволяет современным экономистам объяснить макроэкономические различия между Европой и Америкой. Полагая, что бедные – не лентяи, а жертвы обстоятельств и несправедливости, европейцы поддерживают высокие социальные пособия и соответственно высокие налоги, американцы же голосуют за низкий уровень бюджетного перераспределения и низкие налоги. Оказывается, экономическому измерению можно подвергнуть и такие антропологические и личностно-субъективные феномены человеческого бытия, как удовлетворенность жизнью или счастье.

Эконометрические методы, несмотря на субъективность, вариативность и зависимость от изменчивых ожиданий показателей счастья, все же позволяют зафиксировать, что именно самоощущаемое удовлетворение от жизни или счастье является наиболее близким аналогом функции полезности, или целевой функции экономических агентов. «Экономика счастья» устанавливает зависимость между увеличением доходов и ростом счастья, падением инфляции и несчастьем от роста безработицы и т. п. Установлено, например, что уровень счастья действительно растет по мере роста ВВП, что несчастные люди работают хуже[11].

В целях преодоления мирового кризиса следует опираться не только на методологические регулятивы современной науки в области междисциплинарного синтеза, но и на систему ее нравственных ценностей, поскольку именно в науке формируются *императивно-нравственные нормы, обогащающие стандарты современной общественной морали.* Наука является не только особым видом познавательной деятельности, направленным на формирование объективных, системно организованных и обоснованных знаний о мире, но и важным социальным институтом, обеспечивающим функционирование специфических норм и идеалов организации научно-исследовательского поиска.

Как особый социальный институт именно наука наилучшим образом обеспечивает должное, ответственное человеческое поведение, что является предметом анализа социальной этики. *Общественная мораль исследует нравственные компоненты и регулятивы науки, ее гуманистические приоритеты, ориентируя и другие феномены культуры на реализацию высоких нравственных идеалов.*

Наука является особой ценностью человеческой культуры, задающей гуманистический вектор ее развития, соединения идеалов добра, бескомпромиссности, сотрудничества и высоких помыслов. Фундаментально доминирующий статус науки в системе ценностей культуры обусловлен ее технологическим вектором, необходимостью синтеза научно-технического проектирования с теми социаль-

---

[10] Fehr, E., Schmidt, K. Theories of Fairness and Reciprocity – Evidence and Economic Applications // Advances in Economics and Econometrics – 8-th World Congress, Econometric Society Monographs. – Cambridge, 2002. – P. 93.

[11] Di Tella, K., McCulloch, R. Some Uses of Happiness Data in Economics // Journal of Economic Review. – 2006. – Vol. 96. – June. – P. 108.

ными ценностями, которые сформировались в морали, искусстве, религии, философии. *В иерархии ценностей, к которым относится научная истина, равноценно с ней в современной науке выступают такие ценности, как благо человека и человечества в их единстве и взаимодействии, добро и мораль, и поиск научной истины «освящается» аксиологическим императивом: не увеличит ли новое знание риск существования и выживания человека, будет ли оно служить благу человечества, его интересам?*[12]

Несмотря на распространенное мнение о том, что политика и нравственность несовместимы, что «политика – это грязное дело», ретроспективный анализ взаимоотношения морали и политики (в конституционально-содержательном, а не в хронологическом измерении) позволяет и здесь, в политике, увидеть тенденцию к взаимодействию морали и политики и выделить три основных модели взаимодействия между ними: *подчинение практической деятельности людей (в том числе и политической) морали, что характерно для христианских учений,* в которых сформировались такие нравственные принципы и правила, как «не убий», «люби врагов своих как самого себя» и т. п.; *для подходов гуманистов* с их особым отношением к человеку как к высшей ценности мира и этикой ненасильственной борьбы за более справедливое общество. Следующая модель передает *существенный разрыв между политикой и моралью*, что отразилось в таких высказываниях, как «в политике нет морали, есть только интересы». Наиболее четко данную систему взаимоотношения политики и морали представил Николо Макиавелли в своем труде «Государь». И третья модель характеризует *достижение разумного взаимодействия между политикой и моралью* (Кант, Гегель, В. С. Соловьев, М. Вебер и др.). Именно последняя – коммуникативная модель – должна быть актуализирована и востребована в современной ситуации поиска выхода из мирового кризиса. Ценностный и антропологический повороты в экономике, политике, науке задают сегодня мировоззренческий ракурс в исследовании механизмов мирового кризиса.

Свободный рынок и государственное регулирование в условиях кризиса

Эгоистично перекроив мир в интересах глобальных корпораций после «холодной войны», наиболее развитые страны лишили большую половину человечества нормального развития, породили всевозрастающую зависимость национальных экономик от глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций.

Американцы предложили миру собственное видение глобализации, основанное на присущей им трактовке свободы и непоколебимой вере в оптимальный характер рыночного регулирования. Новый подход предполагал, что инкорпорирование периферийных стран в систему международного разделения труда может стать оптимальной стратегией их ускоренного развития. Однако, несмотря на внешнюю логичность, подобный подход имел некоторые изъяны и в скрытом виде содержал в себе все основные пороки современного этапа глобализации и кризиса. Приток капиталов в развивающиеся страны, способный обеспечить их ускоренный рост, неизбежно предполагал, во-первых, выгодное использование западными предпринимателями существовавших между отдельными регионами мира различий и уже поэтому вряд ли мог стать реальным инструментом формирования экономически единого мира. Во-вторых, активизирующиеся инвестиционные и товарные потоки выступали теперь следствием действий частных компаний и не могли эффективно регулироваться, что заведомо делало весьма вероятными столь

[12] Степин, В. С.Указ. соч. – С. 29.

заявившие о себе сегодня финансовые кризисы. И, наконец, в-третьих, не имея возможности политически воздействовать на периферийные страны на регулярной основе, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства. Постепенно это вмешательство идентифицировалось с изощренной защитой интересов американских корпораций и становилось еще одним поводом для доказательства грабительского характера «новой глобализации».

Главными недостатками современного этапа глобализации, с точки зрения В. Л. Иноземцева, являются, во-первых, очевидное отсутствие хозяйственной самодостаточности ее главного актора – США и, во-вторых, объективная неспособность большинства находящихся на противоположном полюсе развивающихся стран адекватно реагировать на современные вызовы[13].

Особое беспокойство вызывает у ученого то обстоятельство, что Америка не только упорно избегает любой ответственности за происходящее, но даже категорически отказывается признать основания существования таковой. Американцы не видят ничего противоестественного в том, что США находятся в центре всех финансовых потоков современного мира. Но при этом они никак не могут свыкнуться с тем, что Америка становится основной мишенью для организаций экстремистского и террористического толка. Они верят в непогрешимость американской политики в тех условиях, когда практически весь мир убежден в том, что она притворна и лукава. Лидеры Соединенных Штатов постоянно обращаются к постулату о незыблемости принципа суверенитета, но находят казуистические поводы для его нарушений. Проповедуя универсализм, они, тем не менее, все чаще придерживаются стратегии односторонних действий. Американцы рады притекающим в их страну деньгам, но отгораживаются таможенными барьерами от зарубежных товаров. Они провозглашают приверженность хозяйственной свободе, но не гнушаются произвольно накладывать на десятки стран экономические санкции.

Мировой экономический кризис требует отказаться от откровенного эгоизма развитых стран во имя разрешения собственных стратегических проблем, пересмотра приоритетов «свободного рынка». Свобода действий сильных мира сего, ориентация на коммерческий успех и выгодность любою ценой сегодня раздирает достаточно устойчивую до сих пор систему капитализма. Все более ясной становится необходимость обеспечения прозрачности динамики *спекулятивных потоков*, капиталов глобальных корпораций, создания ответственного, этически ориентированного наблюдательного и регулирующего органа, обеспечения открытости и прозрачности работы мирового рынка и МВФ, механизмов формирования структуры глобального регулирования (например, «Большой восьмерки» с включением в нее стран, ВВП которых не ниже нынешнего минимального ВВП Канады) с принятием общепризнанных и обязательных для всех ее членов правил игры и принимаемых решений.

В условиях глобального кризиса, несомненно, важно искать механизмы установления как общеевропейской, так и мировой демократии, которая бы выступала не просто символом национальных демократий, а проявлением воли самих граждан, реального диалога различных интересов, идентичностей, глобальной ответственности, идеалов справедливости для всех и стремления к обеспечению блага для собственного этноса. Реалии жизни актуализируют проблему разрешения возникающих коллизий в национальных сообществах «здесь и сейчас»: как сохранить рабочие места в условиях кризиса, защитить интересы самых незащищенных социальных слоев, обеспечить стабильность и устойчивость общества и т. п. Про-

[13] Иноземцев, В. Л. Прогресс и социальная поляризация в XXI столетии // Полис. – 2008. – № 6. – С. 48.

блема взаимоотношения глобального и локального, международного и национального погружается в реальную жизнь, когда особенно важны взаимодействия региональных органов, национальных государств и международных организаций для выработки совместных действий по преодолению кризиса, не ущемляющих ничьи государственные интересы. Запланированная на март 2009 г. встреча государств группы G20 должна предложить миру перспективы создания новой глобальной денежно-кредитной системы для минимизации негативных влияний отдельных экономик на мировую экономическую систему при увеличении мобильности капитала. Такие межгосударственные финансовые структуры, как Всемирный банк, Мировой валютный банк, Европейский банк реконструкции и развития и др., вынуждены будут пересмотреть свои функции, цели, механизмы функционирования. В этой же плоскости следует рассматривать и план совместных действий правительств Беларуси и России по минимизации последствий финансового кризиса, улучшению параметров платежного баланса, совершенствованию условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли, подписанный 30 января 2009 г. в Москве на заседании Совета Министров Союзного государства. В контексте стабилизации экономики и создания поливалютной зоны план предусматривает комплекс мер, направленных на расширение применения российского рубля (создание «рублевой зоны») во взаимных расчетах и создание системы доверия платежей, а также развитие взаимной торговли и взаимодействия субъектов хозяйствования реального сектора экономики, развитие банковского сектора и проведение согласованной курсовой и денежно-кредитной политики, улучшение параметров платежного баланса и совершенствование условий ведения предпринимательской деятельности и взаимной торговли, включая таможенно-тарифное регулирование.

На заседании союзного правительства были приняты прогнозные балансы спроса и предложения по важнейшим видам продукции Союзного государства на 2009 г. и балансы топливно-энергетических ресурсов. Они позволяют наиболее полно оценить потенциальные возможности производства и объемы потребления сырья, материалов и готовой продукции в различных секторах экономики обоих государств.

В условиях мирового кризиса не только на глобальном, но и на локально-национальном уровне возрастает роль регулирующего центра, в лице которого выступает государство. «Когда либерализованный рынок исчерпал себя, – отмечает М. Делягин, – США упрямо держались за либеральные догмы, забывая слова величайшего из своих президентов Ф. Д. Рузвельта о том, что капитализм – исключительно устойчивая система, разрушить которую может только свобода действий самих капиталистов»[14]. Поощрение основанной на конкуренции рыночной системы путем ограничения роли государства и расширения господства конкурирующего индивидуума ставится сегодня под вопрос. Роль государственного регулирования и управления экономикой на самом деле при переходе к рынку отнюдь не снижается, а во многих отношениях даже возрастает, ибо государство должно взять на себя принятие решений, которые необходимы обществу.

Задача состоит в том, чтобы найти оптимальную меру и наиболее эффективные формы государственного регулирования экономики, которые, не разрушая ее рыночную природу, в то же время обеспечили бы рыночной экономике максимальную социальную эффективность и нравственные ориентиры.

В контексте современных глобальных процессов в экономике, политике, науке, культуре актуализируется проблема общественной морали, сопровождающаяся

[14] Делягин, М., Николаевский, В. Указ. соч. – С. 79.

кризисом нравственных стереотипов и стандартов классической эпохи, переосмыслением ее оснований, моральных установок отдельных индивидов и феноменов культуры, механизмов национальной самоидентификации. Возникает *потребность в институционализации общественной морали*, появляются новые институты морали – этические комитеты по этике и биоэтике, комиссии по экологии, комиссии по этической оценке и экспертизе научных проектов, советы по корпоративной и профессиональной этике и т. д. «Проблема институтов как фактора действенности морали с особой остротой, – замечает Р. Г. Апресян, – проявилась в связи с обсуждением более специального вопроса о функционировании корпоративных и профессиональных моральных комплексов, в том числе конфиденциальных»[15]. Формируется своего рода социальный заказ на разработку регулятивов общественной морали и нравственных норм в самых различных областях культуры.

Глобализация мировой истории, степень ответственности принимаемых на локальном и международном уровнях решений актуализируют сегодня необходимость *разработки принципов моральной регуляции общественных отношений, отношений между отдельными государствами, сообществами, социальными группами.* В рамках новой общественной морали формируются дискурсивные этики, позволяющие, в отличие от универсалистской этики, членам сообщества включаться в обсуждение с целью защиты своих интересов, поддержания своей идентичности и партнерского взаимодействия. В социальной этике весьма важно отношение общества к личности, к членам сообщества, к институтам власти.

Общественная мораль в своей исторической динамике и взаимодействии с различными феноменами культуры обогащается ценностными и нравственными регулятивами, задавая образцы и стратегии моральных стандартов социального действия и принятия решений в различных сообществах. На современном этапе возникает реальная возможность *синтеза различных подходов, наработанных в сфере осмысления нравственных поворотов, происходящих в политике, праве, науке, социальных мифологиях, национальных и глобализационных процессах с целью формирования фундаментальной общественной морали, задающей идеалы ценностного поведения личности и общества*[16].

Таким образом, философско-методологический анализ современного мирового кризиса и трансформационных процессов высвечивает, с одной стороны, *комплекс социально-экономических проблем в контексте глобализации,* связанных с переосмыслением роли государственного регулирования и «свободного рынка», статуса глобальных финансовых структур и глобального регулирования, с другой стороны, *проблему ценностно-революционного переосмысления современного мироустройства*, влекущего за собой поиск путей сосуществования в рамках альтернативных взглядов и подходов, решения глобальных проблем, воспитания человечества в духе толерантности, взаимоуважения, диалога культур и терпимости по отношению друг к другу, открытой коммуникации, веры в рациональное начало, плюрализма мнений, гибкой, а не силовой стратегии решения конфликтов, преодоления эгоизма и забвения общечеловеческих норм поведения и социального действия. Междисциплинарно-методологический синтез по осмыслению этих двух векторов экспансии мирового кризиса – экономического и ценностно-мировоззренческого – позволяет выявить его предпосылки, закономерности и регулятивы, разработать социально-экономические прогнозы и ожидания.

---

[15] Апресян, Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 14.

[16] Яскевич, Я. С. Философия и методология науки. – Минск, 2007. – С. 330.

ГЛОБАЛЬНО-СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС И МОДЕЛИ МИРОУСТРОЙСТВА
(круглый стол)

25 марта 2009 г. в Москве в рамках междисциплинарного семинара «Философско-методологические исследования глобалистики» состоялся круглый стол по теме «Пути выхода из глобального кризиса и модели нового мироустройства». Инициатором его проведения выступила редколлегия журнала «Век глобализации».

Открывая заседание, ведущий круглого стола, главный редактор журнала «Век глобализации» доктор философских наук, профессор **А. Н. Чумаков** отметил, что мировой кризис и порождаемые им проблемы находятся сегодня в центре внимания ученых, политиков, предпринимателей, широкой общественности. Однако за разговорами о причинах кризиса и путях его преодоления практически без внимания остаются вопросы, касающиеся устройства современного мира и принципов его управления. В этой связи, сказал он, важно обсудить не только и даже не столько природу разразившегося глобального кризиса, сколько архитектуру современного мира, которая в значительной степени и предопределила трудности, требующие преодоления. В процессе выхода из кризиса возможны как минимум два варианта развития событий: сохранение (не принципиальное изменение) экономической и политической мировой системы или кардинальное изменение основ сложившегося к настоящему времени миропорядка. Нас интересует, сохранит ли современный мир свой статус-кво или принципиально изменится? Какие варианты развития событий нас ожидают? Что произойдет в ближайшей и отдаленной перспективе, и какие последствия могут быть в том и другом случае?

Шеф-редактор журнала «Век глобализации» доктор философских наук **Л. Е. Гринин:** Некоторые причины кризиса известны, так как подобные действовали и в прошлом. Но сейчас появились новые моменты: 1) современный кризис есть оборотная сторона глобализации, 2) финансовый сектор экономики стал не просто сектором обращения, а наиболее активно развивающейся частью экономики. В развитых странах он составляет до 25 % от ВВП, а в США – до одной трети. Финансовый сектор развивался в последние десятилетия опережающими темпами, так как появились новые финансовые технологии, позволяющие ему быть фактически мотором современной экономики. В этом секторе сосредоточены многие тысячи корпораций, в наиболее крупных из них работают десятки и сотни тысяч менеджеров и других служащих. Сейчас сложилось особое разделение труда в мировой экономике. Запад специализируется на аккумуляции финансовых ресурсов мира. Свободные средства (деньги) аккумулируются на фондовых рынках развитых стран, особенно США. Здесь есть плюсы и минусы. Фактически в современной экономике происходит не только перепроизводство товаров, но и перепроизводство денег. Необходимо создать новые формы регулирования данных процессов.

Возникают новые, межгосударственные, часто параллельные официальным органы, например «восьмерка», «двадцатка» наиболее развитых стран и т. д. Новое мироустройство связано будет, видимо, не с формированием мирового правительства, а с созданием коалиций стран, близких по своим интересам. Поэтому ближайшую к нам эпоху предположительно можно назвать *эпохой новых коалиций*. В отличие от коалиций прежних эпох новые союзы и объединения могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые, наднациональные, формы. Но в процессе поиска этих наиболее адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения; а также начнут вырабатываться некоторые новые императивы мирового права. Новые идеи и организации будут возникать параллельно с функционированием старых структур. Их конкуренция в итоге может привести к созданию нового порядка в мире.

Профессор **А. Н. Чумаков:** Я хочу обратить внимание аудитории на то, что мы не должны сосредотачиваться только на экономический стороне кризиса. Это был бы узкий взгляд на проблему, затрагивающий только один из ее аспектов. Данный же кризис не просто глобальный, он еще и системный, так как им охвачены не только практически все страны, но и основные сферы общественной жизни: экономическая, социальная, политическая, духовная. Поэтому очень важным является вопрос об адекватном механизме управления мировой системой, в частности и посредством введения единой мировой валюты, о чем уже всерьез заговорили на самом высоком уровне. Однако, как бы то ни было, в центре данного механизма должна быть консолидированная воля мирового сообщества, как минимум его большинства. В противном случае серьезных столкновений, в том числе и военного характера с непредсказуемыми последствиями, избежать будет практически невозможно.

Политолог, кандидат политических наук, депутат ГД РФ **С. А. Марков:** Хочу высказать несколько идей. Создана глобальная экономика, но в ней многие страны не находят своего места, хотя там сосредоточено большинство ресурсов. Возникают сетевые структуры: глобальная безопасность, глобальная опасность (терроризм, наркотрафик), глобальная культура и т. д. Например, в разных странах, по сути, демонстрируют одни и те же фильмы, звучит одна и та же музыка. То же происходит и в финансовой сфере (деривативы, офшоры и т. д.). Главным лидером были США, но это плохой лидер. Американцы путают свой карман с карманом мирового сообщества. В политике они проявляют подростковый инфантилизм. Сейчас единого лидера в мире нет и, видимо, долго еще не будет. Китай и Индия решают внутренние проблемы. ЕС также занято своими проблемами. Мир находится в ауте, так как нет системы управления, поэтому он движется к хаосу. Хаос будет нарастать в силу отсутствия единого центра. Сейчас система управления развивается по пути формирования сетевых узлов («двадцатка», ЕС, Совет НАТО и т. д.). Но они действуют по принципу «кто во что горазд». Это рыхлые узлы, между ними отсутствует постоянное взаимодействие. Поэтому предстоят, возможно, жесткие события. Например, возможен хаос в странах ЕС, вокруг Пакистана и т. д. Альтернативных идеологий в мире нет. Социалистическая идеология устарела по форме, националистическая в эпоху глобализации очевидно ограничена. Современный кризис, по существу, объявил тендер на новую идеологию.

Произошли катастрофические изменения в системе потребления. Запад живет не так, как производит, работает. Он выкачивает ресурсы из развивающихся стран, за счет чего и живет. Например, представитель Запада покупает на фондовом рынке акции китайской компании. Китайцы производят товар, а 50 % прибыли забирает себе этот западный предприниматель. Но сейчас кредитный механизм фактически сломан. Производственный механизм также сломан. Рост производства вообще может остановиться. Возникнет реальная возможность понижения уровня жизни у работников западных стран, например, на 30 %. Все это требует нового общества. Гуманитарные технологии пытаются разработать новые системы потребностей. Эти системы уже есть, но они не осознаются. Перспективы рынка – в формировании таких новых систем потребностей и в формировании нового человека. Единство России, ЕС и США может помочь в разработке новой идеологии.

Кандидат биологических наук **Б. Г. Режабек:** У меня два тезиса: 1) сегодняшний общий кризис – это вызов человечеству. Поэтому необходимо объединяться против общего врага; 2) способ объединения должен быть ноосферным. Экономика, образно выражаясь, выполняет роль «кровеносной» системы и не более. Главный же выход из кризиса связан с «нервной» системой, то есть с информационными сетями, Интернетом и т. д. Формирование мировой «нервной» системы, мирового «мозга», требует от политиков объединять «мозговиков» (М. Жванецкий), а не силовиков. Б. Обама пытается сейчас осуществить такое объединение в США. Я призываю объединяться не против кого-то, а во имя общего дела.

Доктор экономических наук, профессор **Х. А. Барлыбаев:** Современный кризис – это проявление кризиса капитализма в целом. Капитализм существует около 300 лет, и сейчас он заканчивает свой исторический путь. Я не согласен с мнением Б. Г. Режабека, что Б. Обама правильно делает, привлекая интеллектуальных людей к управлению. Главное, что необходимо, – это, как сказал С. А. Марков, объявить тендер на новую идеологию. Но, на мой взгляд, такая идеология уже существует – это идеология устойчивого мирового развития. Миру просто необходимо перейти от неустойчивого к устойчивому развитию. Деятельность Б. Обамы должна быть направлена именно на реализацию такой идеологии.

Доктор философских наук, профессор **А. П. Гудыма:** Я хочу поддержать идею устойчивого развития. В мире есть постоянство и изменчивость. Устойчивое развитие дает равновесие между ними. XXI век – век синергетики. Управлять сейчас миром через единые структуры нельзя. Есть отсталые и передовые страны. Нельзя забывать, что прирост населения идет за счет стран третьего мира. Существует несправедливость между ними. Интересы отсталых стран не совпадают с интересами передовых. Централизованное управление может быть только внутри этих блоков стран. Нам следует переходить от «пиротехнической» энергетики (нефть, газ и т. д.) к новым видам энергетических ресурсов. В ЕС все более широко используется солнечная энергия. В новых видах энергии остро нуждаются отсталые народы. Именно новые виды энергии могут спасти эти страны от отсталости. Масштабы их применения следует значительно расширить. Нужна революция в энергетике. Следует отказаться от природных (сжигаемых) ресурсов.

Член союза писателей России кандидат философских наук **А. В. Кацура:** Ученик Эйнштейна Д. Уильер сказал: «Физику нельзя понять изнутри физики». Современный кризис также нельзя понять только изнутри экономики. Необходимо более широкое поле анализа. Я согласен с С. А. Марковым в том, что хаос будет нарастать. Люди будут заново задавать вопрос: что такое деньги? Доллар, судя по

всему, еще долго будет существовать, хотя он «подмочен». Китай этому способствует, его гигантские золотовалютные резервы в основном представлены в долларах. Кризис сетевой, и преодоление его возможно только через сетевое управление. Сколько лет будет продолжаться кризис, никто не знает. Синергетика провозглашает, что хаос рано или поздно сменяется созданием новых структур. В процессе преодоления кризиса может возродиться интерес к высокой культуре. Кризис дает этому шанс. Интеллектуалы должны заняться мироустройством.

Доктор исторических наук, профессор **А. Б. Вебер:** Данный кризис – особенный, и в нем можно отметить два момента: 1) перепотребление связано с перекредитованием; 2) это не просто экономический, а цивилизационный кризис. Экономический кризис скоро закончится, наметки для этого есть. А цивилизационный кризис будет продолжаться. Где выход из этого кризиса? Он в развитии сетевого управления. Элементы его уже существуют в судоходстве, в воздушном транспорте. По моему мнению, глобальное управление должно быть наднациональным. Я поддерживаю предложение Китая и России о создании наднациональной резервной валюты. США выступают против такой валюты. Управление должно быть не территориальным, соответственно национальным, а глобальным системным процессом. Национальное государство будет укрепляться через диалог, руководствуясь международным правом.

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор **В. И. Данилов-Данильян:** А. В. Кацура прав, отмечая, что причина кризиса не может быть понята изнутри экономики. Причина кризиса – в более широкой сфере. Вспоминаю старый анекдот. Разразился кризис в публичном доме. Хозяина спрашивают: «Что ты сделал для устранения кризиса?» Он отвечает: «Я поменял кровати, изменил обстановку». «Болван! Девочек менять надо, а не кровати!» Подобная ситуация происходит и в экономике. Она становится другой. Первичная экономика США составляет лишь 8 % ВВП: сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность, рыболовство, водоснабжение и т. д. Сельское хозяйство США составляет лишь 3 % ВВП, но оно не только кормит страну, но также дает 40 % мирового экспорта сельхозпродукции. В России первичная экономика, основанная на использовании природных ресурсов, составляет 35–40 % ВВП. США экспортируют в мировое сообщество прежде всего индустрию развлечений. Экономики К. Маркса уже давно не существует. Этот кризис есть кризис перепроизводства массовой культуры. Индустрия развлечений уже не срабатывает. Вот и доразвлекались. Последние 60–70 лет именно эта отрасль экономики США являлась доминирующей. Кейнсианская система работала. Сейчас она не срабатывает. Необходима новая экономика. Должно быть равномерное развитие отраслей экономики. Наступила новая эпоха и новая экономика. Выход России из кризиса состоит в развитии реального сектора экономики.

Доктор экономических наук **М. Б. Поднос** (США): На мой взгляд, нет глобального и системного кризиса. Есть экономический кризис, обусловленный перепроизводством и перекредитованием. Поводом для кризиса явился отказ Сената США дать средства среднему банку «Мерин Линч». Сенату надо было гарантировать межбанковские средства. Известно, что промышленность без кредитов не может развиваться. Перепроизводство сейчас сокращается, ситуация изменяется в лучшую сторону. США выйдут из кризиса или в конце 2009 г., или в начале 2010 г. Американцы, как и русские, совершили ошибку, раздав деньги банкам-

должникам. Рассуждения о новой мировой резервной валюте – это из области фантазии.

Доктор философских наук, профессор **А. А. Горелов:** Я согласен с позицией А. Б. Вебера и В. И. Данилова-Данильяна, что это кризис перепотребления. Причина его в том, что мы живем в обществе потребления. Сформировался человек потребляющий, он ориентирован на потребление. Общество потребления возникло в 60-е гг., а в 90-е – пришло к нам. Производство оказалось второстепенным для человека. Многими считается, что настоящая жизнь наступает тогда, когда мы потребляем. Если раньше герои труда мелькали на телевидении, то сейчас – герои потребления. Выход из этой ситуации состоит в ликвидации общества потребления. Это можно осуществить как посредством государственных решений, так и личностным отказом от чрезмерного потребления.

Доктор философских наук, профессор **А. Г. Пырин:** Нередко утверждается, что причина мирового финансового кризиса неизвестна. Но так ли это? Представляется, что основная причина вызвана назревающими противоречиями между возрастающими затратами и реальными результатами человеческой деятельности. В экономической сфере данное противоречие реализуется в конечном счете в несоответствии между спросом и предложением. Этот процесс выражается в законе пограничной пользы. Суть его состоит в том, что достижения человека растут в арифметической, а затраты на их получение – в геометрической прогрессии. Данный закон является по своей природе общесоциологическим. Он действует только в обществе. Всякая польза (результат) деятельности имеет свои границы. Закон пограничной пользы рано или поздно приводит к образованию «пузырей». Они выражаются в том, что экономические, экологические, физические, умственные затраты начинают значительно превышать тот результат (пользу), к которому стремился социальный субъект. Перегрузки неизбежно ведут к «схлопыванию», к истощению реальных ресурсов. В результате такого «схлопывания» затраты, расходы не окупаются достижениями.

Затраты в экономической сфере общества в нормальных условиях имеют свой эквивалент, выраженный в стоимости ценных бумаг. Однако в кризисные периоды данный эквивалент нарушается. Одной из причин такого нарушения в современных условиях является то, что значительная часть ценных бумаг приобретает виртуальный характер, обрастая деривативами. Но эти виртуальные услуги, естественно, имеют стоимость, которая накладывается в конечном счете на стоимость необходимого и реального продукта. Процесс «сдутия» финансового «пузыря» уже начался. Так, стоимость мирового валового продукта составляет примерно 50 трлн долларов. Стоимость ценных бумаг (включая деривативы), выражающих этот мировой продукт, составляет более 500 трлн долларов. В 2008 г. удалось сократить стоимость финансовых активов на 50 трлн долларов. Настает время осознать в полной мере закон пограничной пользы, что даст возможность выработать конкретные его индикаторы, особенно в финансовой и экономический сферах.

Доктор философских наук, профессор **Э. В. Гирусов:** Сократ говорил, что прежде чем спорить, следует выяснить исходные понятия. Кризис – это резкое несоответствие между товарной и денежной массой. Он носит системный характер. В основе его находится социально-природный, экологический кризис. Россия оказалась в центре этого кризиса и страдает больше всех, так как у нас развился не трудовой, а воровской, извращенный капитализм. Мы создали не просто потребительское общество, а потребительскую экономику. Следовало бы создавать производственную экономику. Наше существование последнее десятилетие держалось

на импорте природных ресурсов. Надо выходить на новый тип экономики. Это сделать сложно. Поэтому следует создать национальный комитет по преодолению кризиса, а в масштабах планеты – Всемирный комитет.

Доктор экономических наук, доцент **И. В. Ивахнюк:** Выходы из кризиса видны тогда, когда известны его причины. Что делать? Быстро предпринимать меры или не торопиться? Это противоречие. На какую перспективу ориентироваться: близкую или далекую? Идет сокращение производства, соответственно уменьшается количество мигрантов, их отправляют на родину. Резко сокращается поток денежных переводов. Все это может способствовать серьезным событиям в тех странах, где проживают мигранты. Отношение к мигрантам дошло до того, что ЕС хочет отказаться от принципа свободы перемещения. Больше всего мигрантов в Катаре – 92 %.

Член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор **В. И. Данилов-Данильян:** Кризис произошел не от того, что «Мерин Линч» не отдал кому-то деньги. Основа кризиса гораздо глубже. Она – в реальном секторе. Экономика неустойчива. Кризисы будут всегда. Так, например, ожидается водный кризис, который породит, как предполагается, до 600 млн мигрантов. Финансовая сфера слепа, она не видит реальных проблем. Она живет сама по себе и увеличивает перекосы в реальном секторе. Необходимо вкладывать в человеческий капитал, развивать культуру.

Доктор философских наук, профессор **И. К. Лисеев:** Я согласен с профессором Л. Е. Гининым: современный кризис есть оборотная сторона глобализации. Глобализацию можно рассматривать по-разному: и как объективный, и как проблемный процесс. Часто эти процессы путают. Ориентационные нормы и идеалы техногенной цивилизации во многом исчерпали себя. Современная цивилизация сводится к примитивному духовному потреблению, что низводит ее до нуля. Надо рассматривать эту ситуацию как цивилизационный кризис, а не только как экономический.

Заместитель декана факультета глобальных процессов МГУ кандидат биологических наук **А. И. Андреев:** Кризис фактически идет давно, примерно 8 лет. Он обусловлен тем, что происходит смена технологического уклада. Это всегда сопряжено с кардинальными переменами в общественной жизни. Так, Великая депрессия 1929–1933 гг. породила и тоталитарные режимы, и Вторую мировую войну. Есть и сейчас такая опасность как в развивающихся, так и в развитых странах. Наука устранилась от власти, от политики, от общественных процессов. Надо сблизить эти сферы. Следует создавать интеллектуальные сети, необходимо думать не о массе, не о среднем американце или русском, а о каждом конкретном человеке. Это иной способ действия, который формируется в процессе распространения интеллектуальных сетей.

Старший научный сотрудник Института Европы РАН кандидат философских наук **Е. В. Ананьева:** Я не могу согласиться с С. А. Марковым о необходимости мирового правительства. Если появится мировое правительство, то это будет «железная пята» для мирового сообщества. На данном этапе необходимо договариваться государствам. Кризис начался, и вскоре образовалась «двадцатка». Нужда заставляет объединяться государства. Но все-таки стоит вопрос: каким образом и за чей счет будет найден выход из кризиса? Сейчас важна не только военная, экологическая, энергетическая, но и экономическая безопасность. В жестокой борьбе между государствами будет найден выход из кризиса.

Кандидат юридических наук **С. А. Мозговой:** Мировая история показывает, что общество не всегда находит адекватный выход из кризиса. Профессор Х. А. Барлыбаев предлагает в качестве идеальной модели устойчивое развитие. Но оно может дать разные результаты. Приведу пример. Представьте себе, что США заложили фундамент и построили большой дом. США же являются в нем домоуправителем. Но дом построен давно, сменилась эпоха, фундамент и несущие конструкции прогнили. Поэтому необходимо строить новый дом, а США латают дыры в старом доме. Необходим диалог между жильцами (государствами), а его нет. 11 сентября 2001 г. политики не сделали правильные выводы, а это был сигнал. Наука говорит о том, что следует менять политику. Ее надо переформатировать, матрицу надо менять, а не перезагружать. Только в таком переформатировании можно найти выход из кризиса.

Член союза писателей России кандидат философских наук **А. В. Кацура:** Один поэт в 60-е гг. сказал: «Все прогрессы реакционны, если разрушается человек». Сердцевиной цивилизационного кризиса является проблема человека. Все остальное прикладывается к этой проблеме. Биосфера дала человечеству передышку, но алармизм, который во многом забыли, никуда не исчез. Биосфера «сражается» с человеком. Мировая валюта – золото. Мы забыли, что Россия была первой страной, где в период военного коммунизма отказались от золота и денег. В. И. Ленин говорил: «Из золота сделаем нужники». Выбраться из кризиса, уходя из контекста культуры, невозможно. Человечеству трудно составить план выхода из кризиса. Необходимы мировые структуры, и они есть, например ООН. Видимо, необходимостью станет мировое правительство. В мировых структурах что-то исчезает, а что-то проявляется.

Кандидат юридических наук **С. А. Бурьянов:** Основной вопрос сейчас: что делать? Случилась перезагрузка. Перезагружать или переформатировать? Ответ: необходимо переформатировать. На это уйдет 10–15 лет. Перезагружать уже поздно. Коренные причины кризиса находятся вне экономики. Знание, которое поможет осуществить переформатирование, – это глобалистика. Основным тормозом для переформатирования является политическая глобализация. Но от нее не уйти. Это слабое звено, которое тащит человечество назад. Справиться с этим звеном можно: 1) развивая национальные государства; 2) изменяя понимание национального суверенитета. Мешают этому процессу этноконфессиальные проблемы. Поэтому следует: 1) разграничить религию и политику; 2) акцент делать на развитии прав человека; 3) реализовывать реальную свободу совести (см. подробно: «Век глобализации». – 2009. – № 1).

Кандидат юридических наук **С. А. Мозговой:** Рассуждения о мировом правительстве во многом абстрактны. Кто будет его формировать? На каких принципах оно будет сформировано? Никаких предложений на этот счет пока нет.

Студент МГЮА **И. Пушкин:** На мой взгляд, основным толчком для кризиса являются чрезмерные интересы олигархов, их монополизм. В России лишь 10 % реальной экономики находится у государства, а остальное сосредоточено в частных руках. Чтобы разрешить кризис, следует передать часть собственности от частных владельцев государству. Тогда можно будет увеличить финансирование национальных программ и продлить сроки выплаты кредитов.

Старший преподаватель **В. В. Щекочихин:** Во-первых, семинар в форме круглого стола гораздо эффективней, чем многие другие заседания, когда делается доклад и его обсуждают. Аудитория гораздо активней выступает на круглом сто-

ле. Во-вторых, 2–4 апреля 2009 г. по необходимости соберется «двадцатка». Это прецедент в мировой системе. Создается, по сути дела, совет мудрецов мира, что является прототипом мирового правительства. Возникает вопрос: что будет после глобализации? На мой взгляд, появится планетарное мышление целостной цивилизации. Именно этому планетарному мышлению мы должны учить студентов. К сожалению, в процессе образования пока используются устаревшие методологии.

Аспирантка МГУ **И. И. Рудяк:** Современный кризис – это несоответствие между глобально новыми открытиями науки и старым сознанием человека. Вот только некоторые из них. Раньше производство происходило в макромире, а сегодня – в микромире (нанотехнологии). Раньше бензин делали из нефти, а сейчас из кукурузы и т. д. Раньше права человека имели не все люди, а сегодня испанский парламент дал некоторые из прав человека обезьянам. Список можно бесконечно продолжать. Экспериментально доказано, что шизофрения есть борьба правого (образного) и левого (логического) полушарий. «Шизофрения» человечества выражается в «войне» между культурой и цивилизацией. Например, взрыв башен-близнецов. Данный кризис приведет к созданию новой парадигмы сознания, соответствующей новому уровню науки, то есть сознание человечества будет перекомпоновано и станет новой системой связей. Это и будет разрешением кризиса, который является системным.

Декан факультета глобальных процессов МГУ кандидат геолого-минералогических наук **И. В. Ильин:** Сегодняшняя дискуссия проиллюстрировала «брызги» мысли. Семинар удался, он был насыщен интеллектуальным напряжением, духовным творчеством. Мир нуждается сейчас в прояснении «кристаллической решетки» мироздания. Мы живем в эпоху коэволюции интеллектуальной сферы и биосферы. Мир полицентричен, поэтому возможны разнообразные его модели. Достижение согласия между странами возможно не под «железной пятой», а в процессе интеграции, взаимодополнения. На круглом столе актуализировались разные подходы, что естественно в условиях междисциплинарного анализа. Я думаю, сейчас все дело не столько в кризисе, сколько в новом положении общества. Нам надо смириться с этим положением, осмыслить его и соответственно изменить мироустройство. Конечно, это не следует делать путем новой глобальной революции, о которой мечтают некоторые антиглобалисты. Еще хотел бы сказать о проекте «Кто есть кто в глобалистике?» и предстоящем Международном научном конгрессе «Глобалистика-2009», который состоится 20–23 мая сего года на базе МГУ, и пригласить специалистов принять участие в этих мероприятиях.

В подведение итогов профессор **А. Н. Чумаков** поблагодарил всех участников круглого стола и заметил, что перед собравшимися не стояла задача непременно найти окончательные решения или сформулировать конкретные рекомендации по столь сложной проблеме. Ценным является уже то, что жизненно важные проблемы мирового сообщества и России в частности рассматривались с позиции разных наук и людьми разного жизненного опыта и мировоззренческих ориентаций. Все это, несомненно, способствует лучшему пониманию мира, в котором мы живем, и поиску наиболее оптимальных путей его преобразования.

Записал доктор философских наук,
профессор МГЮА А. Г. Пырин

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

О ВОЗМОЖНОЙ КАТАСТРОФЕ 2030–2050-х гг.

Н. Г. Привалов

В статье исследуются вопросы нарастающих в индустриальной цивилизации проблем: истощение минерального сырья, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление, духовное отчуждение. Планы промышленного освоения Луны расцениваются с точки зрения духовного фактора. Ставится проблема формирования нового мировоззрения, нового типа общественного сознания с целью смягчения нарастающих противоречий и снижения степени ущерба от системного кризиса цивилизации, предполагаемого согласно различным социально-экономическим и климатологическим моделям в период 2030–2050-х гг.

Актуальность создания и изучения новой идеологии общественного развития объясняется кризисом индустриального способа производства и связанной с ним цивилизации и соответственно попытками его преодоления. Кризис проявляется в нарастании массы негативных явлений, усилении опасностей для существования человеческой цивилизации во всех сферах.

В 1970 г. ученый Массачусетского технологического института Джей Форрестер разработал первые глобальные модели развития мира «World-1» и «World-2». Группа его учеников под руководством Денниса Медоуза в 1972 г. в модели «World-3» проанализировала взаимосвязь переменных: промышленного производства, населения, производства продовольствия, природных ресурсов, загрязнения окружающей среды, продолжительности жизни, потребления товаров, продовольствия, услуг на душу населения.

Авторы проекта прежде всего исходили из расчетного объема минеральных ресурсов, имеющихся в мире на 1970 г. Так, по данным Бюро США по горному делу, при существовавших тогда темпах потребления алюминия в мире оставалось на 100 лет добычи, кобальта – на 110, меди – на 36, золота – на 11, железа – на 240, свинца – на 26, марганца – на 97, ртути – на 13, природного газа – на 38, нефти – на 31, серебра – на 16, олова – на 17, вольфрама – на 40, цинка – на 23, никеля – на 150 лет и т. д. Однако если учесть, что темпы потребления ресурсов ускоряются и через определенный срок происходит удвоение потребления, то есть происходит экспоненциальный рост, то ресурсы могут закончиться гораздо быстрее. Например, запасы алюминия истощатся уже не через 100 лет, а через 31 год. Если же предположить, что разведана пока только пятая часть мировых запасов алюминиевой руды, то она все равно должна закончиться к 2022 г.

Век глобализации 1/2009 63–69

Главный итог – вывод о том, что если объемы потребления материальных ресурсов останутся без изменений, коллапс производства и резкое снижение материальных стандартов жизни наступит около 2030–2050 гг.[1] Так, предполагалось, что к 2000 г. численность населения мира будет составлять 6–7 млрд человек, к 2050 г. – 10,9 млрд. Поэтому к 2050 г. производство продуктов питания на душу населения должно упасть до уровня 1900 г., производство промышленной продукции на душу населения – до уровня 1928 г., а аналогичное производство услуг – до уровня 1958 г.[2]

Прогнозы показали, что через сто лет экономический рост прекратится вследствие нехватки ресурсов и продуктов питания.

Во втором варианте прогнозов было удвоено количество доступных ресурсов, но при таком допущении экономика разрушалась вследствие роста отходов. При этом к 2050 г. производство продуктов питания на душу населения должно упасть ниже уровня 1900 г.

По третьему варианту, предусматривавшему уменьшение объемов загрязнения на три четверти, модель показала продолжение экономического роста, но сопутствующее ему расширение городов и отраслей промышленности поглотило сельскохозяйственные площади, и часто стали возникать перебои в снабжении продуктами питания. А когда в расчеты было заложено удвоение урожаев, имело место колоссальное расширение промышленности, за которым последовал новый крах экономики вследствие катастрофического загрязнения окружающей среды. Из всего этого следовал вывод, что общество должно ограничить свой рост.

Первый фактор назревающей катастрофы – это возможное истощение природных ресурсов. К примеру, по данным академика Львова, обеспеченность России полезными ископаемыми, исходя из уровня добычи 1991 г., выглядит следующим образом. Нефти хватит на 35 лет разработок, газа – на 81 год, угля – на 60–180, железной руды – на 42, ниобия – на 43, меди, никеля, молибдена – на 40, вольфрама – на 37, цинка – на 18, свинца – на 15, сурьмы – на 14, россыпного золота – на 12, коренного золота – на 37, фосфатов – на 52 года, калийных солей – на 112 лет[3].

По оценкам компании «British Petroleum», мировых запасов нефти остается на 40 лет, газа – на 65. В России пригодных для разработки углеводородов хватит до 2015 года[4].

По самым оптимистичным прогнозам Министерства природных ресурсов и экологии РФ, на 2002 г. в России было разведано всего 16 % от минеральных ресурсов страны. Однако, по словам замминистра природных ресурсов Петра Садовника, в 2010 г. ожидается дефицит разведанных запасов нефти, то есть до 2010 г. разведанных запасов не хватит для обеспечения энергетической стратегии РФ[5]. По прогнозам Минприроды, в ближайшие 5–10 лет основой для развития всего сырьевого сектора экономики страны станет ресурсная база арктических морей. Всего на шельфе сосредоточены ресурсы в объеме 135 млрд тонн условного топлива стоимостью свыше 300 млрд долларов[6].

---

[1] Левашов, В. К. Устойчивое развитие общества: парадигма, модели, стратегия. – М.: Academia, 2001. – С. 17–18.

[2] Медоуз, Д. Х., Медоуз, Д. Л., Рэндерс, Й., Беренс, В. В. Пределы роста. – М.: МГУ, 1991. – Рис. 35.

[3] Цит. по: Паршев, А. П. Почему Россия не Америка. – М.: Крымский мост-9д; НТЦ «Форум», 2001. – С. 60.

[4] Сколько в России осталось газа и нефти? // Аргументы и факты. – 2006. – № 49.

[5] Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.vsluh.ru/news/oilgas/10249.html

[6] Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.alpha.perm.ru/iaproject/txt.php?n=6310

Однако разработки континентального шельфа могут столкнуться с новыми трудностями, в частности с подъемом уровня Мирового океана в результате глобального потепления.

Так, Александр Данилов, заместитель директора по науке Арктического и антарктического НИИ Росгидромета, отмечает, что последние пять лет в Арктике стояли аномально теплые зимы. Площадь льдов и в марте – апреле, когда их количество максимально, и в августе – сентябре, когда ледовые поля активно тают, по сравнению с XX в. сократилась примерно на 10 %.

Доктор технических наук, заместитель Председателя Научно-аналитического центра Союза энергетиков Молдовы В. В. Пономарь в книге «Апокалипсис как следствие глобализации» утверждает, что единственной причиной глобального потепления, нарушения механизмов стабилизации климата планеты, усиления ураганов, наводнений, засух и землетрясений является глобальное истощение слоя озона из-за полетов сверхзвуковых самолетов и запусков ракет[7].

Имеется многочисленная статистика климатических изменений. С 1880 до 1990 г. произошло повышение температуры атмосферы в среднем на 0,5º и снижение температуры озонового слоя на 1º (это было обнаружено в 2005 г.).

Разница между средними температурами нижних слоев атмосферы и озоносферы возросла за последние годы на 1,5º.

В то же время отмечается выхолаживание атмосферы в Антарктиде в зимние месяцы до – 50 ºС.

С 1982 по 1988 гг. температура поверхностных вод Мирового океана повышалась ежегодно на 0,1º, а за последние 15 лет повысилась на 2º. Итальянские ученые-океанографы в марте 2005 г. сообщили, что температура поверхности воды средиземноморского бассейна поднимается ежегодно на 0,75º, в то время как поверхность всех остальных морей и океанов нагревается за тот же период на 0,15º.

За последние 9 лет скорость таяния ледников Гренландии возросла почти в три раза. Эти темпы близки к темпам роста числа катастрофических землетрясений – за последние 9 лет частота катастрофических землетрясений возросла более чем в 3,5 раза.

Глобальное истощение озона над экваториальными и среднеширотными областями в годы низкой солнечной активности приводит к дополнительному нагреву огромных масс воды как в Тихом, так и Атлантическом океанах. Даже в Северном Ледовитом океане средняя скорость потепления глубинных вод за счет атлантического слоя выросла почти в четыре раза за 20 лет.

Отмечается сильная положительная аномалия поверхностных вод в северных широтах вблизи берегов Западной Европы, например осенью 2002 г. на 2º и более (в низких широтах в районе Гвинейского залива аномалия тоже составила 2–3º).

В. В. Пономарь считает, что войны в Югославии, Ираке, Афганистане привели к резкому росту темпов глобального потепления климата, к резкому истощению озонового слоя в Европе, усилению стихийных бедствий и даже к усилению и учащению землетрясений. Аномально быстрое таяние льдов в Антарктике, Арктике и Гренландии стало причиной усиления катастрофических землетрясений[8].

В Интернете был размещен проект отчета I рабочей группы IPCC, которая занимается изучением научных физических оснований климатических изменений.

---

[7] Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/8269.html

[8] Там же.

В отчете сообщается, что температура может подняться на 2–4,5 ºС, когда уровень двуокиси углерода в атмосфере вдвое превысит доиндустриальный уровень, но указано, что 3º – «наиболее вероятный показатель» таких изменений. Повышение температуры на 3 ºС – это тот уровень, при котором произойдут опасные климатические изменения.

Сэр Дэвид Кинг, главный научный советник Великобритании, утверждает, что стабилизация уровня углекислого газа в атмосфере на этом уровне – 550 частиц на 1 млн – это максимум, на что можно надеяться, и его взгляд разделяют многие климатологи. Отчет, представленный сэром Дэвидом, показывает, что повышение температуры на 3 ºС поставит 400 млн человек перед угрозой голодной смерти из-за недостатка плодородной почвы и дефицита воды.

Средняя температура в мире выросла с 1900 г. на 0,65 ºС. В будущем миру грозит повышение температуры как минимум на 0,1 ºС в год, даже если все выбросы парниковых газов прекратились бы сегодня.

В известном метеорологическом центре в Великобритании, Хадли-центре, прогнозируют рост средней температуры Земли до 2100 г. от 1,7 до 4,4 ºС. Наиболее вероятно, что рост составит 2,8 ºС. Это приведет к таянию всех ледников мира, за исключением, возможно, Гренландии[9].

Происходит и резко усиливается разрушение окружающей среды. За последние 200 лет в мире в два раза сократилась площадь лесов. Леса вырубаются со скоростью 2 % в год. В мире ежегодно из-за эрозии теряется 24 млрд тонн почвы.

Другой важный фактор, опасно угрожающий существованию современной цивилизации, – это численность населения мира. В период между 1960 и 1990 гг. народонаселение земного шара почти удвоилось, достигнув 5,3 млрд человек, а к 2025 г. ожидается, что оно будет составлять 8,5 млрд.

По другим оценкам, удвоение численности населения (12 млрд человек, что также будет катастрофической величиной) произойдет к 2040 г.

В конечном итоге гонка за богатством в форме экономического роста привела, как это ни парадоксально, к победе в глобальном масштабе бедности над богатством. Происходит усиление контраста между бедными и богатыми странами.

По оценкам Всемирного банка, число абсолютно бедных составило в 1993 г. 1,3 млрд человек и продолжает увеличиваться. Пятая часть населения мира живет в странах, где уровень жизни в 80–90-х гг. XX в. заметно снизился, а условия жизни заметно ухудшились: 1,5 млрд человек не имеют доступа к безопасным источникам питьевой воды, 2 млрд находятся в антисанитарных условиях, более 1 млрд неграмотны, в том числе половина женщин в сельской местности[10].

Уже сейчас треть населения не получает необходимого количества калорий. Для обеспечения одного человека продуктами питания необходимо в среднем (в умеренных зонах) 0,5 га почвы. Сейчас в мире на одного человека приходится 0,14 га.

Мировое потребление как сырой нефти, так и газа в последние годы возрастало приблизительно на 8,5 % в год, что соответствует периоду удвоения в 8 лет. При таких темпах потребления легкодоступные ресурсы нефти и газа, по некоторым оценкам, будут исчерпаны к 2015 г.

Ресурсы при этом распределяются весьма неравномерно. Мир добывает природные ресурсы в основном для США, Японии, Англии, Германии, Франции.

---

[9] Дмитриева, О. Африку и Сибирь ждет потоп // Российская газета. – 2007. – 20 июля.

[10] Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. – М.: Весь мир, 1996. – С. 149.

В 1991 г. потребление нефти на одного жителя Земли составляло в среднем 554 кг. При этом на каждого человека приходилось в США – 2614 кг, Канаде – 2419, а в Индии – лишь 62, в Бангладеш – 10 кг и т. д. В мире лишь 8 % людей имеют автомашины, а в США в каждой семье – по 2–3. По расчетам, чтобы всем странам достичь уровня потребления США, необходимо увеличить годовую добычу железа в 75 раз, свинца и меди – в 100 раз, олова – в 250 раз, но этого не выдержит биосфера Земли.

В «Хронике ООН» за март 1992 г. сообщалось: «В течение последних двух десятилетий из-за опустошения, тягот и страданий, принесенных стихийными бедствиями, приблизительно 3 млн человек погибли и еще 800 млн пострадали». Это означает, что в среднем одного из каждых семи человек, живущих на Земле, непосредственно коснулось какое-нибудь бедствие или трагедия.

Отчуждение техники, как разновидность отчуждения средств производства, проявляется прежде всего в росте числа различных катастроф, связанных с ее функционированием. Обусловлено это возрастанием как на производстве, так и в быту роли технических средств большой мощности, управление которыми становится все более небезопасным.

К имеющимся социально-экономическим и природно-климатическим моделям развития будущего можно добавить некоторые другие. Например, в 2030 г. заканчивается 5-я информационно-компьютерная волна Н. Кондратьева. Известно, что на стыках волн Кондратьева происходили различные социальные потрясения – революции 1848 г. в Западной Европе, Первая мировая война.

В 2030 г. будет отмечаться примерно 2000 лет со дня казни Иисуса Христа.

XX век – век глобального *духовного отчуждения,* век тотального атеизма и бездуховности. Отрицание традиционной религиозности повлекло за собой возникновение, а порой специальное конструирование нетрадиционных религий – массовой культуры, светских форм религий и тоталитарных культов.

Феномен массовой культуры, своеобразного аналога обычного товарного рынка, либо является результатом коммерциализации духовной культуры, что имеет место в демократическом мире, либо выступает продуктом тоталитарного общества, что было в фашистской Германии и в странах социализма.

Тоталитарные культы – это чаще всего известные многим секты, ставящие своих сторонников и членов в жесткую зависимость от лидеров, подавляющие волю, наносящие не только материальный, но и духовный и душевный вред личности и здоровью. Это нечестный вид бизнеса, часто связанный с организованной преступностью или с разведками, например с ЦРУ.

В этом плане интересна и актуальна роль России в глобальных процессах, в формировании новой идеологии, которая может смягчить назревающий цивилизационный кризис.

Авторы коллективного труда о циклическом развитии России[11] утверждают, что перспективы развития России в открытом этими же авторами 80-летнем цикле (1998–2070-е гг.) будут во многом зависеть от внешних условий – прежде всего от того, по какой модели в мире будет продолжаться процесс глобализации – по жесткой, американской, проходящей в настоящее время, или по более мягкой, то есть демократичной. При жестком варианте прогнозируется ухудшение внутренней

[11] Кузык, Б. Н. и др. Россия в пространстве и времени (история будущего). – М.: Институт экономических стратегий, 2004.

обстановки, то есть обострение внутриполитической ситуации, приближение НАТО к границам России за счет стран Центральной Азии, Закавказья и Белоруссии, рост сепаратизма и мусульманского экстремизма, дальнейшее падение численности населения России, введение иностранных войск на территорию России для стабилизации конфликтов, отказ России от статуса ядерной державы, территориальные потери на востоке и юге страны и к 2030 г. закрепление за Россией статуса сырьевой базы ЕС и китаецентричной зоны свободной торговли, возвращение России к границам начала XVI в. и стабилизация статуса России на уровне третьеразрядной европейской державы.

Однако при более умеренной глобализации, то есть при меньших военно-политической активности и притязаниях США к России и при нахождении внутренних ресурсов для противостояния этим притязаниям, Россия имеет шанс усилить вертикаль власти, сохранить начавшийся рост экономики, осуществить стабилизацию численности населения России, продолжить интеграцию бывших союзных республик, выдвинуться на 5–6-е место в мире среди ведущих индустриальных держав по выпуску ВВП (сейчас мы занимаем примерно 10-е место) и к 2060 г. сформировать условия для возвращения России статуса одного из мировых центров экономики и военной силы. Второй вариант возможен при наличии в США экономического кризиса, усилении влияния европейских стран и ООН[12].

Важнейший проект, разрабатываемый в настоящее время в различных странах, – проект освоения Луны для добычи там лучшего термоядерного топлива – изотопа гелия-3. На Земле этого изотопа очень мало. Одного загруженного сжиженным гелием шаттла, как говорит директор Института геохимии и аналитической химии РАН академик Эрик Галимов, хватит на обеспечение энергопотребления США на целый год, двух шаттлов — на годовое обеспечение всей планеты[13]. В своей сенсационной речи, произнесенной в штаб-квартире НАСА в январе 2004 г. и взволновавшей общественность, Джордж Буш объявил о планах колонизации Луны и Марса в ближайшие 20 лет.

Международный проект термоядерного реактора ИТЭР, в котором наряду с другими ведущими в научно-техническом отношении государствами участвует и Россия, подошел к стадии определения площадки для строительства экспериментальной установки, вероятно, во Франции. США, которые вышли из проекта ИТЭР, пытаются не отстать от европейцев и россиян. Они вскоре приступят к строительству экспериментального реактора на базе Висконсинского университета. Срок сооружения реактора – 15–20 лет.

Глава российской ракетно-космической корпорации «Энергия» Николай Севастьянов, выступивший с российским проектом строительства к 2015 г. постоянной базы на Луне и начала там промышленной добычи гелия-3, уверен, что ядерные реакторы на гелии-3 скоро будут созданы. По их расчетам, одна тонна этого изотопа даст столько же энергии, сколько 14 млн тонн нефти. «Десяти тонн гелия-3 хватит на то, чтобы удовлетворить годовую потребность России в энергии», – сказал Севастьянов. Академик Эрик Галимов считает, что для того, «чтобы обеспечить на год все человечество энергией, необходимо лишь два-три полета космических кораблей грузоподъемностью в 10 тонн, которые доставят гелий-3 с Луны». Затраты же на межпланетную доставку существенно меньше, чем стоимость вырабатывае-

[12] Кузык, Б. Н. и др. Указ. соч. – С. 196–198.
[13] Энергетическая альтернатива // Коммунист. – 2006. – Декабрь. – № 95.

мой сейчас электроэнергии на атомных электростанциях. Извлекать гелий-3 из недр Луны российские ученые предполагают с помощью своеобразных «лунных бульдозеров», которые после нагрева грунта будут получать изотоп с поверхности.

Потянулись к Луне и китайцы, энергетические проблемы которых в последние годы обострились до крайности. Китай планирует открыть на Луне станцию по добыче гелия-3 к 2020 г. Об этом в интервью гонконгской газете «Саут Чайна Морнинг Пост» заявил инженер китайской программы по исследованию Луны Цзян Цзиншань. «Если все пойдет хорошо, первый китаец сможет ступить на лунную поверхность уже в 2020 году, – подчеркнул китайский ученый. – Измерив содержание гелия-3 на Луне, мы сможем понять перспективы промышленного использования этого вещества. По оценкам американских ученых, на Луне находится порядка 3 млн тонн гелия-3. Этого хватит на то, чтобы обеспечить потребности Земли в энергии на миллионы лет».

После длительных переговоров Федерального космического агентства России и НАСА выяснилось, что на деле американцы намерены, скорее всего, осваивать Луну без русских, и только несомненные успехи России смогут заставить США считаться и сотрудничать с нами в этом проекте.

Важное место в этих процессах должен занимать духовный фактор. По мере выхода в активную социальную жизнь в России людей, рожденных после 1980 г., религиозность обретает новые черты. Религиозное осмысление предстоящего преображения страны, духовная поддержка преобразований в политике, экономике, культуре с высокой вероятностью приведут в России к религиозному подъему[14].

По оценкам ведущих мыслителей прошлого и настоящего, назревает насущная необходимость в формировании нового типа мировоззрения, мировой идеологии, которая должна, по крайней мере на уровне политики ведущих стран, затормозить негативные тенденции и по возможности смягчить назревающий глобальный кризис. Это возможно только при введении жестких запретов на самые антиобщественные проявления индустриальной цивилизации, например безудержную рекламу (особенно носящую безнравственный характер), поощрение пороков (гомосексуализм, разврат во всех видах, особенно детей и молодежи, и т. п.), голословное отрицание мира сверхъестественного и Бога, погоню за прибылью в мировых масштабах и т. п.

Создание такой идеологии возможно на базе соединения лучших проявлений здоровых традиционных способов познания, прежде всего науки и религии. И такие попытки уже делаются очень давно. Философ Владимир Соловьев называл такую синтетическую идеологию на базе науки, православия и философии теософией. Я предлагаю назвать это учение «новой теософией», учитывая уникальные условия глобализации, перехода к постиндустриальному обществу и назревающего цивилизационного кризиса.

Соединение преимуществ науки и православия может многократно усилить возможности каждого из этих величайших способов усвоения жизни. В методическом плане это должно выразиться в коренной реформе преподавания ныне существующих общественных и естественных дисциплин, в укреплении междисциплинарных связей, в усилении воспитательной функции образования. Это в свою очередь может дать методологическую и нравственную основу для формирования национальной идеи.

---

[14] Кузык, Б. Н. и др. Указ. соч. – С. 232.

ОТ ОСМЫСЛЕНИЯ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕЙСЯ РЕАЛЬНОСТИ – К НОВОМУ ВИ́ДЕНИЮ ОБРАЗОВАНИЯ XXI ВЕКА

В. А. Колесников

Мировой экономический кризис, которому предшествовали мощнейшие структурные сдвиги в экономике стран, регионов, политике, культуре (что продолжает сопровождаться новыми мировыми тенденциями, в том числе глобализацией социального пространства и нарастанием ситуаций глобального риска, неопределенности для человеческого сообщества), явственно и неоднозначно свидетельствует о том, что пока еще человечество не в состоянии адекватно ответить на вызовы современности, на те принципиальные изменения, которые происходят в социальной реальности. Мы все более и более сталкиваемся с лавиной цивилизационных потрясений и свершений, которые кардинальным образом преображают наше социальное и культурное бытие. Люди вынуждены в большинстве своем либо неосознанно, неосмысленно включаться в темп не имеющих ранее место ошеломляющих для них ускорений, либо вообще утрачивают чувство реальности, оказываясь неспособными ориентироваться в жизни, что, скорее всего, вызвано страхом перед грядущим, перед быстро нахлынувшими на них переменами. Нас уже сегодня захлестнула технократизация всех сторон жизни, значительное отделение ее смысла от непосредственных достижений в области науки и техники, свертывание человеческой способности к осмыслению происходящего, отсутствие рефлексии по отношению к своим собственным действиям. Мы все чаще стали жить в условиях сиюминутности и навязываемых нам случайных, массированно давящих установок, что значительно снижает способность людей к самостоятельным действиям.

Подобная ситуация рассматривается мною как результат кризиса западной модели цивилизационного развития, определяющей превалирование индивидуалистических тенденций в становлении современного человека в условиях продолжающего набирать темп и раскручивающего «гонку потребностей» людей научно-технического прогресса (что противопоставляет человека окружающему миру и находит свое выражение в создании нынешнего «золотого миллиарда»).

Философское осмысление современной социальной реальности как основа понимания социума наших дней

Для анализа современного сложнейшего и глобализирующегося мира, в котором присутствует масса противоречивых тенденций, взаимозависимостей и взаимосвязей (стран, народов, культур, континентов), необходим новый концептуальный взгляд на его развитие: требуется поиск и обновление общей теории цивилизационного развития человеческого сообщества, нужна выработка новой цивилизационной стратегии, включающей наряду с научно-технологической и духовную, нравственную составляющую. К этому нас подталкивает кардинально изменившаяся за последние два-три десятилетия окружающая социальная реальность.

К факторам, оказавшим существенное влияние на ее изменение, следует отнести усиление массовой индивидуализации социума (или, точнее, высвобождение человека от традиционных жизненных взаимосвязей и взаимозависимостей) и массовое же проявление эгоистичности, противопоставление отдельного индивида другим людям, коллективам и сообществам людей, что отрицательно сказывается на обществе в целом, ослабляет устоявшиеся формы ограничений в нем, ведет к кризису общественных отношений, вседозволенности. Набирающий обороты в геометрической прогрессии информационный бум (инфомассив), усиливающий для человека ситуацию неопределенности, растерянности, стресса, как своеобразный показатель становления новой цивилизации (в которой информационные процессы органически входят в повседневность людей) в итоге вызывает трансформацию социальных связей – способов и форм коммуникации, формирует новые стили жизни, поведения, типы человеческой личности. Мы начинаем жить в мире социальной информации, в мире «социальных сетей», активно содействующих бурному инновационному развитию. Абсолютно новый фактор – активное вхождение в нашу жизнь (посредством прежде всего информационных технологий) Интернета, виртуальной реальности, создающей вероятностный (множественный) режим вариантов развития (или пространственной турбулентности), несоотносимый с логическим, рациональным просчитыванием ситуаций последующего осуществления событий. Это и глобализация параметров социального бытия, что во многом унифицирует человека, делает его массовым, однотипным, «одномерным» (по Г. Маркузе), безликим, лишая способности к осмыслению совершаемого. Одновременно (а скорее всего, как следствие глобализации социального устройства) в социуме наблюдается непрерывное снижение роли возвышенного, духовного и брутализация (огрубление) жизненных норм, поведения, взаимоотношений людей, заполнение человеческого социума серо-будничным «повседневом», не имеющим ничего общего с ценностными ориентациями людей. Мы имеем дело с культурным кризисом современности, когда духовное редуцируется к разуму. Опора только на «рацио», практическую целесообразность напрямую содействует деградации человеческого социума и «похищению» душ людей, обесчеловечиванию, «голоду человечности» (С. Кьеркегор), цивилизационному кризису.

На мой взгляд, именно философское осмысление социальных реалий современности – с позиции целостно-всеобъемлющего охвата действительности, включающего ретроспективный взгляд в единстве с перспективой развертывания новых формирующихся процессов, явлений как формы мироощущения и одновременно метода познания – позволит нам все-таки найти ответы на вопросы, актуальные для глобализирующегося мира. Предназначение философии как раз в том и проявляется, чтобы проникать в сущность бытия, и отсюда надо идти к анализу конкретной реальности (будь то реальность социальная или как ее часть – образовательная).

В чем заключается существенное своеобразие современной социальной реальности, активно трансформирующейся под воздействием научно-технического прогресса? В становлении глобально выраженной искусственной среды (это мегаполисы, Интернет, мобильная связь, компьютеризация производства и т. д.). Объективное содержание глобально воспроизводимой искусственной среды направлено на разрыв отношений между индивидом и коллективом. «Посредником» в этих отношениях сегодня выступает именно глобально выраженная искусственная среда. Данный «посредник» усиливает разрыв отношений между названными индивидом и коллективом. Содержание естественно воспроизводимого коллективизма

(жизненно необходимого для прогресса социума) в наши дни все более и более замещается содержанием искусственной природы. Это содействует усилению массовой индивидуализации социума и разлагает содержание той естественности отношений, которой определялась вся предшествующая жизнь вида Homo sapiens. Искусственная среда предстает в данном случае как тормоз в реализации естественно воспроизводимой диалектики; и ведущим началом в данном случае выступает не характерная для позитивной диалектики изменчивость, а «тормозящая» развитие человечества устойчивость. Она является выражением так называемой негативной диалектики, имеющей своей предметной основой содержание созданной человеком глобально выраженной искусственной природы. И сегодня мы наблюдаем эту противоречивую соотнесенность позитивной и негативной диалектик, что ранее в истории человечества не имело места. Как следствие, перед современной философией стоит важнейшая проблема: осмыслить этот конфликт, выявить характер данной соотнесенности и все-таки ответить на вопрос о том, выражает ли конфликт глобальное противоречие или же уже сегодня мы можем отнести его – конфликт в масштабах мира – к разряду тупиковых ситуаций. Если перед нами противоречивая ситуация в отношениях между позитивной и негативной диалектиками, то, следовательно, негативные аспекты глобализации могут быть нами преодолены и войдут в русло общечеловеческих установок. Но если обе эти диалектики связаны друг с другом тупиковой ситуацией («абсурдом» – по терминологии А. Камю), то человечеству угрожает жизнь контекстом «сизифова труда» (абсурдного труда, то есть началом конца социума). В этом плане современным философам предстоят глубокие осмысления, разносторонние дискуссии, размышления и вообще серьезная работа по выдвижению новых идей, поиску путей, векторов, возможных вариантов сегодняшнего и завтрашнего развития мира. Преодоление негативных факторов, отрицательно сказывающихся на развитии современного общества и человека, возможно лишь в том случае, если в начале XXI в. будут теоретически переосмыслены все ныне действующие социальные институты, в том числе новая миссия и новое предназначение образования как ведущего социального института среди рядоположенных с ним институтов. Образование действительно в этом контексте приобретает особое значение как составная часть культурно-цивилизационного развития человечества.

Институт образования как новая форма развития общества

Наступающая эра информатизированной коммуникации настоятельно требует становления философии образования, в границах которой осуществляется осмысление более высокого уровня становления общественного сознания, средоточием которого может выступить феномен образования. Восхождение к философским основаниям в наши дни служит «отправным пунктом» совершенствования образования.

Современная наука уделяет большое внимание изучению социальных институтов общества, которые складываются в условиях становления цивилизации с ее постоянно нарастающим прогрессом, рассматриваемым в качестве одного из путей выживания человечества в условиях современного динамо-неравномерного состояния социума. По мнению целого ряда исследователей (В. Ф. Анурин, В. И. Добреньков, Е. Т. Гайдар, Т. И. Заславская, В. Л. Иноземцев, И. М. Клямкин, В. Я. Нечаев, Б. В. Ракитский, А. Г. Фонотов и др.), современные социальные институты носят промежуточный, переходный (от индустриального к постиндустри-

альному, информационному обществу) характер. В этих условиях именно социальный институт образования призван выступить интегратором социоинституциализированных нововведений, новаций, определяющих, с одной стороны, цельновыраженную направленность в деятельности человечества, а с другой – возрастающую роль личностного начала во всех социальных институтах.

Институт образования сегодня приобретает широкую значимость и становится массовым явлением, связанным со стремлением уставшего от забот и внутренних противоречий человечества к гармонизации социальной жизни. Образование и есть способ достижения гармонии, то есть реализации единства в согласованном многообразии, когда развитие общества приобретает неискаженный, максимально органичный, целостный, эффективный характер, позволяющий преодолевать растущие в нем противоречия и обеспечивать реальный общественный прогресс. Это свидетельствует о том, что образование как социальный институт в наши дни получает возможность приобрести принципиально новое качество посредством диалогового взаимодействия собственно института образования с разнообразными инновационными гранями динамично меняющейся социальной реальности. Подобное диалоговое взаимодействие позволит рассматривать институт образования как способ осуществления и реализации общественного прогресса под углом зрения его ведущей роли по преодолению устоявшегося его ви́дения как формально действующей структуры. Институт образования призван стать сегодня всеобще значимой необходимостью, стилем жизни всего общества, новой формой его развития. Концептуальное переосмысление предназначения образования как качественно меняющегося социального явления может явиться одним из рычагов выхода из кризиса современного общества.

Значительная часть ожидаемых изменений в сфере образования связана с одной из особенностей информационного общества – увеличением удельного веса индивидуализированной производственной деятельности, оттеснявшейся техникой в индустриальном обществе. Развитая сеть компьютеризированных рабочих мест позволит многим специалистам принимать участие в общественном производстве. Как следствие, образование в результате использования новейших информационных технологий также станет в значительной степени индивидуализированным. Все это влечет за собой в значительной степени непредсказуемые социальные последствия, которые нуждаются в дальнейшем философско-методологическом осмыслении. В итоге общество получит возможность устремиться к более совершенному социообразовательному уровню.

Социальный институт образования в новых условиях по сути своей должен быть прежде всего направлен на духовное объединение сообщества, куда входят различные социальные институты. Следовательно, социальный институт образования идет по пути выхода и действия над рамками, границами социоинституализации, которая всегда ограничена определенными временны́ми рамками. Только в этом плане социальный институт образования будет развиваться как ответ на запросы времени. Время же настаивает на том, чтобы все социальные институты осуществляли полномасштабное преодоление глобальной динамо-неравномерности. Духовно-практическая составляющая нового качества образования – это прежде всего раскрытие иного ви́дения, понимания личности и становления личностного начала в индивиде; это также обоснование того, как в условиях массовой индивидуализации социума путем становления личностного начала могут складываться новые общественные отношения совершенно другого уровня.

Социальный институт образования способен приобрести и приобретает принципиально новое качество под влиянием достижений НТР и формирующегося на наших глазах информационного общества – того их среза, который в виде искусственной природы отделяет массово индивидуализирующегося индивида от его коллективистской основы. Природа социального института образования заложена жизненным противоречием, обусловленным все возрастающей – из-за усиливающейся искусственной природы – несостыкованностью между индивидом и коллективом. Если подобное состояние продолжится, то коллектив неизбежно обернется «безликой массой», индивид же в результате проявится, предстанет своеобразным монстром, имеющим мало общего с подлинной человечностью.

В современных условиях перед складывающимся социальным институтом образования стоит несколько общественно значимых задач. Прежде всего ему предстоит овладеть тактикой нейтрализации негативного воздействия искусственной природы на индивида и коллектив. Это может произойти только в том случае, если социальный институт образования свяжет, соединит деятельность по нейтрализации негатива со стороны искусственной природы с духовными потребностями индивида и придаст данному явлению личностную выразимость. В этих условиях искусственная природа начнет играть конструктивную роль как связующее звено между человеческим творчеством (которое всегда носит личностную направленность) и витальными потребностями, выражающими не только индивидуально, но и коллективно воспроизводимую сопричастность социума по выполнению стоящих перед ними требований, связанных со смягчением негативных последствий глобалистики. В данном случае искусственная природа явно будет тормозить расширение негативных последствий глобализации. И это произойдет за счет перевода энергии искусственной природы в факт расширяющейся интеллектуализации субъекта деятельности. Так, вся современная наука преимущественно занята обработкой инфомассива, чтобы смягчить нежелательные последствия НТР. Отсюда можно говорить о том, что эта научная практика способствует становлению кардинально нового социального института образования – важнейшего средства по предотвращению негативных последствий воздвигаемой в глобальных масштабах новой социальной реальности. Последняя вместе с тем (хоть она и приоткрывает образовательные перспективы) непосредственно зависит от социального института образования, занимающего все более прочное положение в структуре современных общественных отношений. По-новому определяемый социальный институт образования складывается в условиях динамо-неравновесного состояния, переживаемого человечеством. Особенно это относится к нынешней российской действительности, переживающей спад народонаселения, разрушение накопленных веками общечеловеческих ценностей, таких как непреходящая значимость семейных уз, диалектически воплощавшихся единством межпоколенческих отношений, а также утрата отдельных жизненно-обеспечивающих ориентиров в сфере местного самоуправления, которыми всегда выверялось единство центра и периферии. Социальный институт образования должен в новых условиях содействовать реальному усилению надстроечных явлений в границах упомянутого неравновесного состояния, куда все более втягиваются широкие слои населения.

Рассматриваемый вариант становления социального института образования является ответом на те вызовы времени, которые в нашем недавнем прошлом требовали силового – со значительными человеческими потерями – разрешения. Конечно, и нынешнее неравновесное, противоречивое состояние социума подлежит

революционному преобразованию – в этом не может быть никаких сомнений. Но оно должно осуществляться на качественно совершенной социальной основе, воплощением которой служит институт образования. Следовательно, данный институт по сути своей преисполнен прогрессивной энергией. И он прежде всего обеспечивает ею духовный потенциал нашего современника формированием в нем не разрушительной энергии, а энергии созидания.

Новое предназначение образования – прорыв к личностно-творческому «пику» человека

Можно с полным основанием сказать, что впервые именно в наши дни образование становится социальным институтом. И в этом его понимании кроется непреходящее значение данного феномена. Образование сегодня выступает как конструктивная установка в условиях массовой индивидуализации социума. Новизна понимания образования в начале XXI в. состоит в том, что оно способно охватить в цельном виде все три временны́х уровня – прошлое, настоящее и будущее. Со́циум, столкнувшийся с утратой строгого хронологического ритма, во временно́м отношении сжимается до мгновенности, до одновременностного развертывания прошлого, настоящего и будущего, что, очевидно, и становится способом познания действительности. Это самое ценное для образования – охватить сразу три проявления времени: прошлого как спрессованной информации, предстающей в виде памяти; сегодняшнего настоящего и будущего, которое становится нашим реальным днем за счет реализации целеполагания. Соответственно, на мой взгляд, знание в новом понимании есть умение человека оперировать информацией, перерабатывая ее, «сжимая», обобщая, подвергая критическому осмысленно; это и позволяет утверждать, что подлинное (рожденное на основе переработки человеческим мозгом информации) знание раскрывает содержание будущего. Как следствие, качественно новым средоточием образовательного процесса сегодня выступает умение индивида в снятом виде реализовывать память как спрессованную информацию и информацию как «отраженное разнообразие» (Д. А. Урсул) и вывести это содержание на уровень познания реальной действительности в ее опережающем воспроизведении.

Таким образом, главным в образовании уже в наши дни в данном онтологическом преломлении является умение направить содержание знаний на формирование нового человека. Другими словами, онтологическое преломление образования есть теоретическое воспроизведение его бытийного статуса. Познание всегда независимо от того, кто его осуществляет, реализует; это и есть онтологическая составляющая образовательного процесса.

На основании всего вышеизложенного можно сделать умозаключение о том, что современное образование является мощной предпосылкой для рассмотрения, анализа, осмысления отношений между позитивной и негативной диалектиками в духе необходимости понимания этих отношений как противоречий, а не тупика. И разрешение этого противоречия мы пытаемся, стремимся возложить на по-новому понимаемый образовательный процесс. Образование, рассматривая отношения противоречия двух диалектик, предлагает тем самым такой выход из складывающейся ситуации, согласно которому на индивидуальном, личностном, уровне легче вернуться к социально значимым коллективным реалиям, чем если бы это осуществлялось в рамках совместной деятельности этих индивидов, пытающихся преодолеть негативные последствия искусственной среды. Образование и осуще-

ствляет это за счет входа отдельно взятых индивидов (они же представляют коллектив) – под влиянием достижений НТР – на уровень ноосферной (по В. В. Вернадскому) реальности, в которой преобладает духовное, личностно-творческое начало, вытесняющее стихийное, неосмысленно-повседневное, сегодняшнее промежуточно-неосознанное состояние человека.

Как следствие, образование сегодня – это прежде всего индивидуально-штучная работа. Причем работа не один на один наставника и его подопечного, ибо уникальность каждого воспитуемого может и формируется только в коллективном окружении (в котором у нас сегодня ставка делается на усредненного ученика), а осуществление, преобразование прежней стандартно-стереотипной педагогической деятельности в философски аргументированный, теоретико-концептуальный, «поступочный» (по М. М. Бахтину) уровень, создающий условия для самосозидания, самостроительства, «образовывания» (Г. В. Ф. Гегель) вследствие рождаемых «изнутри» импульсов, всплесков, позитивных самодвижений. Для обеспечения подобного выхода образования на новое его состояние предстоит решить целый ряд практических и методологических проблем. Во-первых, нам предстоит изменить свои традиционные, устоявшиеся воззрения на образование как обучение и воспитание, которые в новых условиях следует рассматривать как предобразование, ибо сегодняшний школьный обучающе-воспитательный процесс с новой точки зрения есть предобразовательный процесс. Чтобы образование соответствовало своей сути («образовывало» индивидов), оно должно перерасти прежнее состояние, связанное с передачей и накоплением знаний, усвоением социокультурного опыта, традиций и выйти на принципиально новый этап, содержанием которого становится подготовка каждого молодого человека к реализации способности к самостоятельному жизненному выбору (выбору, по сути, себя индивидуального в жизни, своей позиции, убеждений, принципов действия, самопроявления, продуктивного самовыражения, успешной для себя и социума самореализации), возможности находить, обретать уникальные смыслы собственной деятельности в современной постоянно меняющейся, «текучей» (З. Бауман) реальности. Способность и реализация данного выбора и должны рассматриваться как исходный пункт образования (одновременно свидетельствующий о самостоятельно-индивидуальном обретении индивидом личностного начала). Отсюда вторая проблема: способны ли массово подготовленные педагогические кадры (учителя-предметники) решить новую для них вышеозначенную проблему? Их подготовка по-прежнему осуществляется в пределах «внутризамкнутой» педагогической системы, не взаимодействующей с другими социальными институтами общества (культуры, семьи, молодежи, социализации, искусства и т. д.). И потому подготовка кадров не ориентирована на рассмотрение нового предназначения образования как «производной основы от социальной реальности»[1]. Самое печальное состоит в том, что не только педагоги, но и профессорско-преподавательский состав, готовящий их к работе в школе, мы все не осознаем, что не понимаем меняющийся мир, не знаем социум, в котором живем. Как следствие, начинать надо с ликвидации нашей социальной неграмотности, необразованности, создавая заново педагогику уже новой эпохи. И подготовка педагогических кадров должна быть выведена на новый (преодолевающий психолого-педагогический, методический и технологический) уровень. Это – в условиях глобализирующегося мира – уже подготовка человековедов

[1] Брунер, Дж. Культура образования / пер. с англ. – М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук; Просвещение, 2006.

со знанием современных проблем обновляющейся теории цивилизации, становящегося информационного общества, вопросов экологического развития, регионоведения, политической регионалистики, социологии, социальной философии и психологии, синергетики, герменевтики (и в целом – широкого спектра гуманитарных наук), обладающих фундаментальной (а не узкопедагогической) образованностью, механизмом саморазвития, индивидуальной «механикой» личностного воздействия на обучающихся и становления личностно-творческого начала. Отсюда третья (глубоко научная) проблема – необходимость разработки вопросов гуманитарной методологии, владения ею педагогами-наставниками. Сегодня как никогда важно владение учением о методах познания процессов и явлений, ускользающих от любого, кто не владеет глубоко научными подходами к осмыслению происходящего. Информационный глобальный мир становится все более трудным для человека, обостряются вопросы приобретения и сохранения людьми своей идентичности. Это сложнейшая проблема, и решена она может быть с опорой на гуманитарную методологию, посредством которой можно конструировать совершенно иное образование, нацеленное на реализацию все новых и новых перспектив, которыми и должна определяться человеческая жизнь. Образование в новом веке должно стать актом свободного выбора, что требует от учителя способности к философской рефлексии в педагогической деятельности. Такое понимание образования предполагает, что его субъектом становится сам человек. Он не только получает образование, но и сам формирует мир – создает свое понимание и видение мира, теоретически осмысливая его. В подобном толковании образование есть проектирование человеком своей жизнедеятельности. Гуманитарно-методологическая подготовка новых поколений педагогов и позволит преодолеть прежнюю «зауженность», философско-концептуальную «слепоту» кадров, призванных в новых условиях исследовать антропологические возможности школьников, выявлять их творческий потенциал и заполнять «внутреннюю человеческую пустоту» («экзистенциональный вакуум» душ), содействуя рождению смысла, соотносимого с реальным социумом.

Названные проблемы ставят перед образованием широкий спектр вопросов разновекторной направленности, требующих инновационно-нестандартного осмысления, поиска путей и способов их разрешения.

Подобным образом осуществляемое философское осмысление нового предназначения образования позволяет представить его новую конфигурацию в начале XXI в. К компонентам философски осмысляемой конфигурации образования я бы отнес следующие из них. Это, во-первых, личностно представленное творчество (без становления которого можно говорить только об обучении и воспитании, но не образовании, которое сегодня должно быть направлено на становление личностного начала в человеке и более того – на личностную самореализацию человека в обществе). Убежден: мировоззренческой концепцией времени должно стать образовательное развертывание личностного начала в каждом из нас, адекватно соотносимое со становлением творческого начала. Без способности к творчеству становление личностного начала невозможно. Во-вторых, это, конечно же, типическое как социальный инвариант в индивиде (это и означает, что сама по себе уникальность личности невозможна без прочной основы, нарабатываемой человечеством десятками тысяч лет его развития). Речь идет о необходимости овладения каждым из нас достижениями многовекового культурного наследия, «выковывающего» из нас людей. В-третьих – и это принципиально новое, – появление виртуализированной модели постижения реальности (по существу, виртуальность

в начале нового века позволяет наиболее полно связывать индивида с социумом). Виртуальная реальность открывает новые горизонты для индивидуального самовыражения человека. В-четвертых, поступочная (по М. М. Бахтину), то есть самосозидающая субъекта, деятельность как «траектория» универсальной программы самовыражения личности в обществе. Называемая мною поступочность ничего общего не имеет с совершаемыми сегодня людьми действиями и поступками, зачастую не осознаваемыми ими, неосмысленными, неранжированными и неконтролируемыми с нашей стороны в силу того, что мы вступили в фазу эволюции, когда процессы, явления, действия происходят вне устоявшегося ранее нормального исторического и социального течения. Физическое время идет, физические процессы, действия происходят, но время не сводится только к физическим параметрам. Есть время социальное с осмысленными поступками сообразно меняющейся общей ситуации. И только такие поступки могут самосозидать, самотворить человека, мобильно думающего и развивающегося. В-пятых, это товарность образования как личностный капитал человека и человеческих сообществ (именно он обеспечивает подлинный прогресс общества и предотвращение противоречий, кризисных явлений в обществе). Без обладания личностно-творческими потенциалами, личностно-креативными ресурсами невозможно становление людей успешных, уверенно смотрящих в будущее. И, наконец, в-шестых, подчеркивая особую значимость личностного фактора, которым и определяется подход человека к другим людям, следует выделить завершающий элемент новой конфигурации образования – ценностную составляющую товарной выраженности образования, раскрывающую его толерантную направленность. Толерантность сегодня – главное стержневое содержание ценности образования.

Названные мною философские компоненты новой конфигурации образования одновременно есть и своеобразные концептуальные ориентиры на пути самостоятельной, творческой самореализации индивида, целеположенно трансформирующегося в личность.

Из всего сказанного очевидно, что сложившаяся жизненная ситуация требует иного концептуального подхода к осмыслению и обновлению понятийного аппарата как философии образования в целом, так и реальной противоречиво развивающейся практики образования. По большому счету, в начале XXI в. мы реально столкнулись с институциональным кризисом, настоятельно показывающим необходимость изучения и понимания того, что уже сегодня стоит за пределами традиционных очевидностей, за устоявшимися бюрократическими вертикально-иерархическими связями, отношениями, которые не способны в новых реалиях выстроить инновационную стратегию деятельности (в том числе в образовательной сфере) как ответ на вызовы сегодняшнего времени. Вслед за техническими преобразованиями нам предстоит осуществить как принципиальные трансформации организационных структур (преимущественное развитие здесь получают альтернативные горизонтально-сетевые связи, которые на данном этапе развития общества, уравновешивая организационно-вертикальную структуру, выступают серьезным средством становления инноватики), так и грандиозные трансформации нашего восприятия пространства. Все это открывает широкий простор для выдвижения новых, смелых и конструктивно-неординарных идей и действий, несущих в себе определенные риски и потому требующих глубокого научно-концептуального, методологического осмысления, что и позволяет снизить всегда проявляющееся в той или иной степени негативное сопровождение инновационной деятельности.

ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ОБЪЕКТИВНАЯ ТЕНДЕНЦИЯ МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

А. А. Горелов

Глобализация рассматривается в данной статье как объективная тенденция общественного развития, которую нельзя отменить по желанию кого-либо, а следует учитывать, приспосабливаясь к ней и используя ее в своих интересах. Глобализация продолжает общую тенденцию социальной интеграции человечества, которая началась с человеческого стада и продолжилась в объединении в роды, затем в племена, народности, нации, а в политическом отношении – в государства-полисы, государства-нации, империи. Зафиксированный социологами процесс интеграции человечества перешел в эпоху научно-технической революции в тенденцию глобализации, то есть объединения человечества в глобальное общество, или, как еще говорят, сверхобщество, имея в виду более высокий уровень социальной интеграции, чем достигнутый к настоящему моменту. Во второй и третьей частях статьи рассматривается развитие тенденции глобализации в XX в. и современные сферы глобализации.

1. Широкий шаг глобализации

Тенденция социальной интеграции действовала с первых шагов существования человечества и даже ранее. Рыбы и птицы объединяются в стаи, а высокоразвитые животные – в иерархические группы, как у пчел и обезьян. Первобытные люди жили небольшими группами, затем по ходу эволюции группы объединялись в роды, роды – в племена, племена – в народности. В конце концов тенденция социальной интеграции привела к образованию государств.

В Древней Греции и других регионах (в частности, в Индии) были города-государства, и между ними все сильнее проявлялась тенденция к объединению путем заключения соглашений и покорения. Древний Рим – город-государство – превратился в крупнейшую империю античности. Нашествие варваров приостановило на время интеграционный процесс в данном регионе, но он шел в других частях планеты. «Еще где-то 500 лет назад Европа являла собою смешение политических систем (больших и очень маленьких), жители которых часто не имели ни чувства гражданства, ни общей идентичности. Большинство людей, по-видимому, не имели практически никакого представления о политической системе, к которой принадлежали. Потом Европа превратилась в нечто вроде совокупности наций-государств, каждое из которых удерживало свой народ посредством общей иден-

тичности. Это произошло не случайно, действительно, правительствам возникающих наций-государств пришлось немало для этого потрудиться»[1]. Система европейских наций-государств сложилась в Новое время, и Вестфальский договор 1648 г. закрепил данный принцип политической организации Европы.

Тенденция глобализации является продолжением и современной формой тенденции социальной интеграции. Это качественно новая тенденция, соответствующая универсальному принципу интегративного разнообразия и тенденции социальной интеграции, поскольку объединяет новое содержание в структуры, выходящие ныне на глобальный уровень интеграции, что проявляется в различных сферах человеческой деятельности. Тенденция глобализации тесно связана с другими социальными тенденциями: с тенденцией рационализации, поскольку мир в целом изменяется по общим рациональным правилам; тенденцией социальной интеграции, поскольку мир становится все более интегрированным, хотя именно унификация мира является одной из причин кризиса современной цивилизации.

Предпосылки глобализации начали закладываться в XIX в. созданием мирового рынка производства и сбыта продуктов и становлением империализма как высшей стадии капитализма. Империализм распространил суверенитет национальных государств Европы за пределы их собственных границ. Параллельно экономическому империализму шло создание политических колониальных империй передовыми странами Европы. Мир был разделен несколькими европейскими державами. Самой могущественной после захвата Индии и проникновения в Китай стала Британская империя. Не отставали и другие европейские державы, создавая свои колониальные империи – Французскую, Испанскую, Нидерландскую. Первая мировая война стала войной, начатой Германией уже за колониальный передел мира.

Альтернативным вариантом глобализации стало объединение пролетариата европейских стран для борьбы с общим врагом рабочего класса – капитализмом. Во второй половине XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс создают Международное товарищество рабочих – Интернационал. Глобальность социалистического проекта предсказал немецкий социалист К. Каутский, который предвидел в будущем слияние всех отдельных социалистических ассоциаций в одну, охватывающую весь мир. Только тогда, по его мнению, социалистическое преобразование хозяйства достигнет своего естественного завершения.

Начало эпохи глобализма породила Первая мировая война (само название ее говорит об этом). Спусковым крючком мировой бойни стал западный империализм. Страны, проигравшие в Первой мировой войне, не успокоились – Германия развязала Вторую мировую войну, а в России произошла революция, и под руководством большевиков, поставивших своей целью мировую революцию, СССР включился в глобальную борьбу.

Во Второй мировой войне Германия опять проиграла, но остальной мир воспользовался этой войной для сбрасывания цепей колониализма. Затем началась «холодная война» между победителями во Второй мировой войне, которая закончилась победой США. Советский Союз распался, а победитель – страны Запада, прежде всего США – начал создавать систему неоколониализма.

После Второй мировой войны часть государственной власти перешла к наднациональным организациям. Стала создаваться единая Европа. Тому есть основа-

[1] Алмонд, Г., Пауэлл, Дж., Стром, К., Далтон, Р. Сравнительная политология сегодня. – М., 2002. – С. 23.

ния, кроющиеся в общем менталитете народов Западной Европы. Еще воспитатель Александра I М. Н. Муравьев писал, что «все европейские народы представляют некое соединенное общество, признающее некоторые известные правила в условиях мира и войны, сообразующиеся с одною общественною пользою посредством частных сношений и отличающиеся от всех других народов единым образом мыслить, просвещением, верою и вежливостью»[2]. Это единство в течение столетий укреплялось, дойдя до тех общих черт западного человека, о которых пишет А. А. Зиновьев.

В 1957 г. было создано Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), поставившее своей целью создать общую хозяйственную политику и «общий рынок» в Европе. Преемником ЕЭС стал в 1992 г. Европейский союз (ЕС) – не только экономическое, но и политическое объединение. Он включает в себя 400 млн жителей 15 европейских стран и в настоящее время расширяется за счет стран Восточной Европы, входивших в социалистический лагерь. Происходят выборы в общеевропейский парламент (Европарламент), функции которого все более расширяются. В перспективе Европарламент может стать верховным законодательным органом объединенной Европы, а Еврокомиссия – ее исполнительной властью. В 1999 г. введена общая валюта – евро, которая успешно соперничает с американским долларом.

На основе союза США и объединенной Европы закладывается глобальное общество. Две мировые войны действительно были таковыми, хотя театр военных действий находился главным образом в Европе, потому что это были войны за глобальное господство. После Третьей – «холодной войны» глобальное господство закрепилось за западными странами.

США, соединенные с Европейским союзом, противостоят имеющей тенденцию к объединению Азии, а между ними находится исламский мир и Россия. Отдельно остаются Африка и Латинская Америка. Австралия слишком мала и должна к кому-то примкнуть – к Азии или к США и объединенной Европе.

Тенденция социальной интеграции проявляется в других регионах. На американском континенте аналогичную роль в части функций играет НАФТА – Североамериканское соглашение о свободной торговле. В Азиатско-Тихоокеанском регионе ныне формируется единое экономическое сообщество. В 2005 г. состоялся учредительный саммит в Малайзии. Восточноазиатское сообщество (ВАС) объединяет государства общей численностью 3,5 млрд человек, имеющие ВВП 8,2 тлрн долларов (70 % от ВВП Евросоюза). России грозит, таким образом, оказаться между двух жерновов: ЕС и ВАС. А перед нею – Америка, Африка и Ближний Восток. Ближний Восток объединится не скоро, но Африка может начать этот процесс.

Глобальное общество создается на основе мирового рынка. Как «общий рынок» привел к созданию Европейского союза, так мировой рынок ведет к глобальному обществу. Западу как центру глобализации (благодаря техническому и экономическому развитию) противостоял весь мир, и СССР готов был возглавить поход против Запада. Это был альтернативный вариант глобализации под руководством СССР, основанный на международной солидарности трудящихся и увлекающий за собой весь остальной мир. Создание мировой колониальной системы

[2] Антология мировой политической мысли: в 5 т. / под ред. Г. Ю. Семигина. – М., 1997. – Т. 3. – С. 591.

и социалистического лагеря были соответственно капиталистическим и коммунистическим вариантами глобализации. С их распадом начался новый этап глобализации – создание единой мировой империи. Крушение СССР было крушением дела пролетарской глобализации. Благодаря этому резко пошли вперед дела капиталистической глобализации во главе с США.

Распад мировой колониальной системы, казалось бы, представлял собой поражение капитализма, но последнему удалось использовать это в своих целях. Прежняя колониальная система представляла собой совокупность империй во главе с отдельной европейской метрополией в каждой из них, что создавало напряжение внутри капиталистического мира. В результате освобождения стран Азии и Африки от колониальной зависимости перегородки были сломаны. Однако эти страны остались объектами эксплуатации со стороны бывших метрополий, эксплуатации не политической, а экономической, знаменующей собой неоколониализм. Империализм дошел до Империи как целостного сетевого глобального образования.

Социалистический лагерь прекратил свое существование после окончания «холодной войны». «Второй мир» – государства Восточной Европы и европейские государства бывшего СССР – ныне тянется к Европе и США. Туда же стремится по своим целям и «третий мир», представленный большинством стран Азии, Африки и Латинской Америки (отсюда и его определение – «развивающийся» сравнительно с «первым миром» – «развитым»). Лишь «четвертый мир» – остальные слаборазвитые страны – к этому не стремится.

Глобальный порядок не устанавливается спонтанно из взаимодействия разнородных сил «невидимой рукой» мирового рынка, но и не навязывается одной какой-либо властью. Его предыстория начинается с Вестфальского мира через Венский конгресс 1915 г. и образование Священного союза и тянется через Лигу Наций до Организации Объединенных Наций, выступающей как промежуточное звено в переходе от межправительственных структур к глобальным. «Благодаря нынешним изменениям, происходящим в наднациональном законодательстве, процесс формирования и утверждения империи прямо или косвенно воздействует на внутреннее законодательство национальных государств, перестраивая его, и, таким образом, наднациональное право в очень значительной степени определяет право внутреннее»[3]. Сейчас все знают, что гражданин Российской Федерации вправе обратиться в Европейский суд и тот, признав его правоту, может потребовать от России удовлетворить его притязания или выплатить компенсацию.

Кардинально изменяются основные политические понятия. Глобализация ведет к денационализации, то есть уменьшению суверенитета и роли национальных государств. «Суверенитет принял новую форму, образованную рядом национальных и наднациональных органов, объединенных единой логикой управления»[4]. Создается глобальный политический организм – Империя, «децентрированный и детерриториализованный, то есть *лишенный центра и привязки к определенной территории,* аппарат управления, который постепенно включает все глобальное пространство в свои открытые и расширяющиеся границы»[5].

---

[3] Хардт, М., Негри, А. Империя. – М., 2004. – С. 31.
[4] Там же. – С. 11.
[5] Там же. – С. 12.

В отличие от национальных государств Империя не имеет границ. Ее пространство – весь земной шар. Что касается временных рамок, то Империя символизирует собой конец истории в смысле территориальных изменений. Поэтому борьба против Империи может вестись не извне, а внутри ее. Империя «не только регулирует отношения между людьми, но также стремится к непосредственному овладению человеческой природой»[6]. На это нацеливались и прежние глобальные проекты (проблема воспитания «нового человека» в СССР, «потребительское общество» на Западе), но Империя представляет собой наиболее совершенную форму биовласти, то есть власти над жизнью и природой человека.

О тенденции глобализации заговорили в 70-х гг. XX в. То, что она должна была проявиться, есть следствие ее преемственности по отношению к более общей тенденции – социальной интеграции людей. Почему как качественно новое эта тенденция заявила о себе именно в 70-х гг.? Это связано, во-первых, с тем, что человечество вступило в новую эпоху своего существования – эпоху научно-технической революции, характеризующуюся: 1) созданием **ядерного оружия** как средства уничтожения и устрашения всего человечества; 2) широким распространением **транснациональных корпораций**, служащих экономическим базисом глобализации; 3) развитием **информационных поясов** массовых коммуникаций (спутниковая связь, Интернет); 4) созданием новых **средств передвижения** и транспортировки грузов, в том числе военных.

Обратной стороной НТР стали глобальные проблемы, внесшие свой вклад с тенденцию глобализации. Это проблема предотвращения мировой термоядерной войны и экологическая проблема в широком смысле (включающая в себя демографическую, ресурсную, продовольственную, проблему загрязнения природной среды продуктами техногенного производства).

Приоритет в анализе тенденции глобализации и в постановке и решении глобальных проблем принадлежит ученым. Это неудивительно, потому что именно наука изучает объективно систему взаимоотношений человека с окружающей его природной средой. Сама экология в основе своей – наука о взаимосвязи живых организмов со средой, и именно эта наука сформулировала основные законы, нарушение которых человеком вело к **глобальному экологическому кризису**.

В 70-е гг. XX в. появились ставшие широко известными концепции «**ядерной зимы»** и «**ядерной ночи»**, в соответствии с которыми мировая термоядерная война может привести в результате появления в атмосфере из-за пожаров большого количества взвешенных частиц к уменьшению доступа солнечных лучей и резкому похолоданию на всей планете, а в конечном счете – к гибели человечества; концепция «**парникового эффекта»** в результате увеличения количества углекислого газа в атмосфере, препятствующего рассеиванию отраженного света (молекулы углекислого газа действуют наподобие стекла в парнике, увеличивая температуру воздуха на планете); концепция «**демографического взрыва»,** в соответствии с которой население Земли растет по экспоненте, опережая прирост разведанных запасов полезных ископаемых и производство продуктов питания; и наконец, вытекающая из предыдущей концепция «**золотого миллиарда»,** в соответствии с которой биосфера в состоянии обеспечить полноценное существование только 1 млрд человек (а на Земле уже сейчас живет более 6 млрд).

---

[6] Хардт, М., Негри, А. Указ. соч. – С. 14.

Рост самого народонаселения, его экономической, коммуникационной и информационной связанности (динамической плотности) является объективным основанием тенденции глобализации человечества, его сгущения, уплотнения, возможно, превосходящего меру, которая позволяла социологам прошлого и позапрошлого столетия считать это явление фактором положительным, ведущим к росту человеческой солидарности и прогрессу экономики. Создается качественно новая социальная реальность, в которой дальнейшее увеличение плотности человечества в процессе глобализации порождает качественно новые коллизии между государствами, классами и народами, причем уже на глобальном уровне. В этой борьбе создаются различные идеологические и социально-политические варианты решения глобальных проблем, и отдельные из них в силу субъективных преимуществ их создания и распространения выходят на первый план и даже претендуют на исключительность.

Затем к решению экологических проблем подключились философы, хотя вначале многие не понимали, причем здесь философия: надо просто не загрязнять окружающую среду – вот и весь нехитрый рецепт. Наиболее интересные выводы были сделаны из философско-экологической **концепции ноосферы**, сформулированной П. Тейяром де Шарденом и поддержанной создателем учения о биосфере В. И. Вернадским, и **концепции «благоговения перед жизнью»** А. Швейцера, а также из работ крупнейшего философа XX в. М. Хайдеггера.

Только после этого к делу подключились идеологи, доселе ограничивавшиеся рассмотрением или вопроса об увеличении «жизненного пространства» (националистическая идеология), или вопроса о «неуклонном росте потребностей», главным образом материальных (коммунистическая идеология), или о развитии «потребительского общества» (капиталистическая идеология). Идеологи вдруг поняли (и первыми – капиталистические), что возникновение глобальной экологической проблемы делает нереализуемым создание глобального потребительского общества. Потребовалась кардинальная переориентация идеологического сознания. Сначала еще имели место варианты, относящиеся ко всему народонаселению планеты. Это **концепция «зеленого» анархизма**, в соответствии с которой государство как орган управления в принципе неспособно решить экологическую проблему, и необходим переход к самоорганизации по аналогии с той, которая господствует в природе. В противоположность данной появилась **концепция экологического тоталитаризма**, в соответствии с которой решение экологической проблемы возможно только при условии жесткого распределения природных ресурсов и экологических благ на всей планете.

И лишь затем стали развиваться концепции, ставящие во главу угла принцип неравного распределения экологических ресурсов – **концепции экологически благоприятных зон** и т. д. В конце концов, именно этот проект глобализма был принят за основу идеологами Запада как наиболее реалистический. Он хорошо увязывался с социально-политической картиной мира конца XX в., когда крушение Советского Союза привело к тому, что на земном шаре осталась только одна сверхдержава – США.

Итак, глобализация прошла три этапа: 1) классический колониализм XIX – начала XX в., приведший к закабалению развитыми странами Европы большей части других народов; 2) борьба за передел колоний в начале XX в.; 3) крушение коло-

ниализма и создание двухполюсного мира после окончания Второй мировой войны, одним из полюсов которого был западный мир во главе с США, а другим – социалистический лагерь во главе с СССР.

После распада СССР мир внезапно стал однополюсным с растущими точками влияния: Китаем, Японией, Индией, Латинской Америкой, исламским миром. Это можно представить в виде следующей схемы (рис. 1), учитывающей географическое положение различных стран.

Из схемы видно, что Россия, перестав быть одним из полюсов мира, по своему географическому положению продолжает находиться в центре мировой истории. Дело не только в том, что Россия – самое крупное государство и к тому же обладает примерно 30 % всех запасов полезных ископаемых на Земле. Само ее положение в мире является центральным с точки зрения геополитики. Отметим еще один интересный вывод из приведенной схемы. На ней, по существу, обозначены не государства, а цивилизации. Выдающийся английский историк XX в. А. Тойнби считал, что единицы истории – не государства, а цивилизации, которых на земном шаре было порядка 20. В развитие данной точки зрения С. Хантингтон говорит о современном этапе человечества как о столкновении цивилизаций. Цивилизационный подход более адекватен эпохе глобализма.

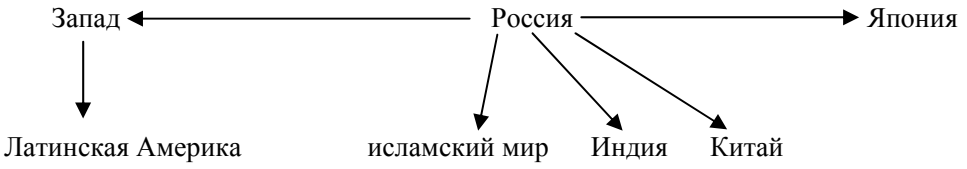

Рис. 1. Полюсы глобализации

Основную схему политического развития в современную эпоху можно представить следующим образом:

Национальные государства → Формирование частей глобальной социальной системы → Глобальная социальная система

Принцип интегративного разнообразия требует сохранения в процессе развития экологического, социального и культурного разнообразия. Это основной закон экологии, социологии и культурологии. Он требует мирного соревнования государств различных типов в процессе глобализации для сохранения устойчивости развития. **Концепция «устойчивого развития»**, сформулированная на Всемирной конференции в Рио-де-Жанейро в 1992 г. применительно к системе «человек – природа», справедлива и для системы «человек – общество». Ориентация на мирное сосуществование должна иметь место, потому что общечеловеческий прогресс – это не прогресс выдвинувшихся вперед обществ, а прогресс целого, и все его составные части должны сохраняться.

Соответствие типа общества мировым тенденциям определяет место данного народа на глобальной шкале. Так как это соответствие больше на Западе, то Запад лидирует в глобальной гонке. Тайна лидерства западной цивилизации – в подключенности к объективным социальным тенденциям, что позволяет ей с успехом экс-

плуатировать другие народы, достигая господства над ними. Но если уклад общества и способ хозяйствования максимально прилажен к типу общества, то можно, используя преимущества своего типа общества, догнать и перегнать Запад. К таким преимуществам относится, в частности, темп увеличения населения. За счет этих компонентов – роста народонаселения, соответствия способа жизни типу общества и стремления соответствовать мировым тенденциям – к Западу подбираются Китай, Япония и страны Юго-Восточной Азии. Их борьба с Западом может стать главной доминантой развития мира в XXI в. Лучше, если это будет мирное соревнование. Но Запад уже встал на тропу войны, напав на Югославию и Ирак и идеологически подготовив новые войны.

Глобальное общество, скорее всего, будет построено «огнем и мечом». Есть другой путь – через развитие социальных институтов типа ООН и ЮНЕСКО, но он имеет скорее подсобное значение фиксирования достигнутых в ходе насилия результатов. Главными двигателями глобальной социальной системы на государственном уровне являются западные страны. Для них это способ закрепить свои нынешние преимущества и стать во главе мира. В книге «Искушение глобализмом» А. С. Панарин раскрыл цель западного варианта глобализации, по существу неоколониального. Несомненно, западный мир будет стремиться построить глобальную социальную систему по своим правилам. Против этих попыток может объединиться весь остальной мир – и исламский, и дальневосточный, и африканский.

На личностном уровне двигателями глобальной социальной системы являются мигранты – люди, оторвавшиеся от своей родины. Воспринимающие мир как одно общее пространство, мигранты являются живым подтверждением необратимого фактора глобализации. Они являются субъектами новой мировой системы. «По мере продолжения процесса эволюции ослабляются узы, связывающие индивида с его семьей, с родной землей, с завещанными прошлым традициями, с коллективными обычаями группы»[7]. Опасности, связанные с появлением человека-мигранта, – это опасности субъективного забегания вперед. Развитие должно соответствовать объективной тенденции, но не опережать ее. Борьба с глобализацией имеет смысл, если эта тенденция начинает опережать объективные характеристики. Следует бороться не против глобализации как объективной тенденции, а против навязывания сильными мира сего своего решения встающих проблем.

Тенденция глобализации осложняется отсутствием глобальных этических норм. Этические нормы формировались в пределах малых групп, а в отношении других групп было дозволено все – война, убийство, захват и обращение в рабство противников. Тенденция глобализации актуализирует конфликт внутри- и межгрупповых этических норм. Возникает искушение объединить мир путем его завоевания, используя межгрупповые формы поведения. Это вызывает противодействие, как видим сейчас в Ираке.

Кант утверждал, что вечный мир наступит только тогда, когда будет всемирное правительство. В этом есть логика – с кем воевать, если на Земле одно государство? Но сколько столетий потребуется для объединения мира в единую политическую систему, социологи сказать не могут. В недавней истории имели место три глобальных проекта: Британская империя, советский коммунистический и нынешний американский. Два предыдущих закончились неудачей.

---

[7] Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. – М., 1996. – С. 408.

Современные государства уже не могут быть полностью суверенными, разве что претендующие на мировое господство США. О данных претензиях говорит то, что США включают в сферу своих национальных интересов, по существу, весь мир и осуществляют агрессию в любой точке земного шара, как бы далеко она ни находилась от Америки. Можно ли сказать, что американский проект овладения миром по «индейскому варианту» уничтожения противников успешно претворяется в жизнь? Неудачная попытка Британской империи завоевать Афганистан после покорения Индии свидетельствует о том, что делать здесь какие-либо выводы преждевременно.

Обратясь к древней истории, можно отметить, что демократию Греции и Рима погубила тенденция глобализации, выступившая в лице Александра Македонского и Юлия Цезаря. Не погубит ли эта тенденция современную западную демократию и демократию в мире в целом? Такая опасность также присутствует.

Тенденция глобализации таит в себе разные возможности. Глобализация дает возможность получить власть над всем миром, о чем не могли мечтать Александр Македонский и Наполеон. В то же время «…глобализация, собственно, и означает дистанцирование национальных элит от туземного населения и переориентацию их на вненациональные центры власти и влияния… Понятие национального суверенитета народа уступает место так называемым законам глобализирующегося мира, с которыми современные элиты должны считаться больше, чем с мнением собственного национального большинства»[8].

«Левое» видение тенденции глобализации дает книга Майкла Хардта и Антонио Негри «Империя» (2004 г.), которая исходит из непреложности данной тенденции и рассматривает перспективы решения социальных проблем внутри объединяющегося мира. Хардт и Негри предлагают не бояться глобализации и не бороться с ней, а взять ее под контроль «левых» сил, по существу постмарксистских. Нельзя сбрасывать со счетов и многочисленных антиглобалистов, которые активно противодействуют прежде всего западным попыткам глобализировать мир.

2. Сферы глобализации

Тенденция глобализации – это продолжение объединения, интеграции человеческих общностей, теперь уже на глобальном уровне. Глобализация проявляется в различных сферах действительности.

1. **Политической** – постепенное превращение государств в единую мировую политическую систему путем создания глобальных политических органов, служащих взаимосогласованию политических решений представителями различных стран. В XX в. образовались всемирные политические организации – Лига Наций, а затем ООН, созданная странами-победителями во Второй мировой войне – СССР, США, Великобританией и Францией – после ее окончания. В ООН входят ныне практически все государства земного шара с многочисленными ответвлениями, координирующими сотрудничество в различных областях: ЮНЕСКО – в культурной сфере, ВОЗ – в области здравоохранения и т. д. ЮНЕСКО – всемирная организация, решающая на глобальном уровне проблемы развития и сохранения культуры. Помимо ООН существуют другие всемирные организации, координирующие политику государств в разных сферах жизни: Всемирная продовольственная организация, Всемирный банк реконструкции и развития и т. п. Создаются

[8] Панарин, А. С. Народ без элиты. – М., 2006. – С. 260–261.

транснациональные партии (предвестником которых были I, II, III, IV Интернационалы), в которые может вступить житель любого государства. Важным шагом на пути глобализации являются региональные объединения типа Европейского союза со своим парламентом и судом. Снимаются границы между европейскими странами, вводятся единые визы (Шенгенские соглашения).

2. **Экономической** – появление транснациональных корпораций, которые охватывают, словно щупальцами, весь земной шар («Сони», «Филипс», «Самсунг» и т. д.). Вы покупаете цветной телевизор японской фирмы «Сони», но оказывается, что изготовлен он в Малайзии, на Тайване, в Венгрии или какой-либо другой стране. Появляются и глобальные финансовые организации типа МВФ и т. п. Возникает международное разделение труда с новыми зависимостями между государствами. Соответственно ослабевает суверенитет национальных государств.

3. **Информационной** – появление глобальных систем передачи информации типа Интернета, что создает вокруг Земли информационные пояса и служит подтверждением концепции ноосферы. Имеет место соединение тенденций глобализации и информатизации, усиливающее синергетический эффект. Информационные сети опутывают мир паутиной, в которую оказываются втянутыми люди во всех уголках планеты. Сейчас к Интернету подключено множество абонентов в нашей стране, и этот процесс идет с нарастающей скоростью, как, впрочем, и все другие из названной обоймы.

4. **Транспортной** – появление новых транспортных средств (самолета, а в недалеком будущем и космических), позволяющих быстро добраться до любой точки земного шара. Как писал Ф. Ратцель, «…во все времена интересы государства совпадали с путями сообщения». Ныне пути сообщения становятся глобальными, и интересы государства также.

5. **Экологической** – обнаружение ограниченности земных ресурсов и обострение борьбы за них, увеличение воздействия на природу в целом и отрицательные экологические последствия такого воздействия. Глобализация в экологической сфере ведет ко все большей интенсификации взаимоотношений с природной средой. С другой стороны, глобализация воздействия человека на природную среду сопровождается небывалой дотоле интенсификацией и глобализацией негативных последствий этого воздействия. Если раньше человечество испытывало локальные и региональные экологические кризисы, которые могли привести к гибели какой-либо цивилизации, но не препятствовали дальнейшему прогрессу человеческого рода в целом, то теперешняя экологическая ситуация чревата глобальным экологическим коллапсом, поскольку современный человек разрушает механизмы целостного функционирования биосферы в планетарном масштабе. Кризисных точек как в проблемном, так и в пространственном смысле становится все больше, и они оказываются тесно связанными между собой, образуя становящуюся все более частой сеть. Именно это обстоятельство и позволяет говорить о наличии **глобального экологического кризиса** и **угрозе экологической катастрофы.**

6. **Демографической** – резкое увеличение общей численности населения планеты, превысившей в 1999 г. 6 млрд, и растущие диспропорции распределения населения по поверхности Земли, увеличившие давление человека на биосферу и обострившие общую ситуацию на земном шаре.

7. **Военной** – создание средств массового уничтожения (атомное оружие), которые способны уничтожить не только человечество, но почти все живое на планете.

8. **Культурной** – развитие универсальной науки и глобальной массовой культуры. Обостряется борьба за господство и усиливается культурное давление. Особенно это присуще американской культуре. В нашей стране сейчас больше демонстрируется американских фильмов, чем отечественных, что заставляет перефразировать слова В. И. Ленина таким образом: «Из всех искусств для нас важнейшим является американское кино». Направлением глобализации в культурной сфере является тенденция интеграции национальных культур в единую всемирную культуру, утверждение в качестве международного языка общения английского. Серьезную проблему представляет образование множества международных сект типа «Аум Сенрикё» или объединения Муна, которые не менее активны в духовной сфере, чем ТНК – в материальной.

Новое направление в культуре – постмодернизм – также способствует глобализации. «Постмодернизм видит свою задачу в том, чтобы не позволять тушить в зародыше ни одной возможности, которую таит в себе неистребимая человеческая свобода, дабы жизненные шансы для людей не появлялись на свет мертворожденными и не произносили речей на похоронах этих шансов циничные насмешники и пассивные свидетели их уничтожения – вооруженные до зубов умственной диалектикой надзиратели и златоустые жрецы исторической, социальной, культурной и какой там еще необходимости»[9]. Центральным понятием постмодернистской парадигмы является понятие игры. Но когда глобализация завершится, на смену постмодернизму придет новый монизм.

Надо понимать, что помимо становящейся всемирной массовой поверхностной культуры существуют высокая культура и цивилизационные отличия, которые сохраняют свою специфику в разных обществах. Это язык, обычаи, традиции, религия, произведения мифологии, искусства, философии данного народа.

В целом значение глобального уровня возрастает. Создается единая иерархическая структура, которая из разряда фантазий в XXI в. переходит в разряд зримых и обсуждаемых. Процессы обмена, ассимиляции достигают такого уровня, что из многих организмов начинает складываться единый политический организм с одним мозгом, нервной системой, органами тела, причем прежние организмы превращаются в органы нового глобального тела. На роль мозга могла бы претендовать ООН, если бы ее значение, основанное на принципе паритета, не уменьшилось в XXI в. Роль нервной системы выполняет Интернет, позволяющий объединить все точки политического тела единым механизмом связи. Какими органами тела станут нынешние народы – за это сейчас и идет борьба. Вряд ли функции будут распределены между отдельными народами. Из каждого народа (из одного – больше, из другого – меньше) будут выделяться подходящие части для каждого органа.

Тенденция глобализации достигла такой стадии, что сейчас мы вступили в эпоху глобализма, пришедшую на смену эпохе Великих географических открытий. Последняя, начавшись открытием Колумбом Америки, продолжалась 400 лет, пока не закончились все Великие географические открытия. Теперь встала задача захвата того, что открыто. Сколько будет продолжаться эпоха глобализма, неизвестно. В предыдущую эпоху тоже говорилось о чем-либо всемирном, например всемирной миссии религии, но это были абстрактные разговоры. Сейчас подобные поползновения обрели конкретную основу.

---

[9] Бауман, Э. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. – 1994. – № 4. – С. 72.

Насколько осознается этот перелом эпох? Как писал Н. В. Устрялов, «у каждой группы людей есть свой географический горизонт сознания. Он тем шире, чем просвещеннее группа. Для современного цивилизованного человечества он совпадает с земным шаром, то есть месторазвитием всего человеческого рода»[10]. Несомненно, что цивилизованных людей, мыслящих глобально, будет становиться в мире все больше.

Что сменит эпоху глобализма? Возможно, эпоха космизма, то есть овладения космосом объединенным человечеством. Итак, намечается следующая схема геополитического развития: **Эпоха Великих географических открытий → Эпоха глобализма → Эпоха космизма.**

В эпоху глобализма государства-нации теряют часть своего суверенитета, и реальным становится столкновение более крупных образований, претендующих на мировое господство, – цивилизаций. В современном мире их осталось 5 основных: западная, исламская, китайская, индийская, православно-славянская. С. Хантингтон добавляет к ним японскую, латиноамериканскую и (со знаком вопроса) африканскую.

На глобальном уровне большое значение приобретают культурные различия. Чем в большей степени современные конфликты имеют глобальное измерение, тем более справедливым выглядит утверждение, что современные конфликты – это конфликты цивилизаций. Можно ли согласиться с Хантингтоном, что конфликт между цивилизациями придет на смену идеологическим и другим формам конфликтов в качестве преобладающей формы глобальных конфликтов, а также с тем, что главными осями международной политики станут отношения между Западом и остальным миром? Если первое утверждение весьма сомнительно, то второе утверждение подтверждается тем, что основное противоречие эпохи глобализма – противоречие между Западом и Незападом. Теракт 11 сентября 2001 г. – момент в этой борьбе, которому предшествовало нападение НАТО на Югославию и за которым последовало нападение США на Афганистан и Ирак.

Хантингтон предвидит то, с чем мы сталкиваемся уже сейчас в России: «...политические элиты некоторых расколотых незападных стран постараются включить их в число западных, но в большинстве случаев им придется столкнуться с серьезными препятствиями»[11]. Тенденция глобализации обостряет все межгосударственные и внутригосударственные проблемы, выводит их на глобальный уровень.

Сейчас требуется создание нового глобального порядка, и главный вопрос – как он будет построен: с позиции силы (что пытается осуществить США) или с позиций устойчивого развития. Возникает и такой вопрос: до какого момента тенденция глобализации, как и другие объективные тенденции, будет идти? Эволюция глобализации придет, по-видимому, к некоторому завершению, но когда это произойдет, неизвестно. Сколько столетий потребуется для объединения мира в единую политическую систему, ученые сказать не могут. Реальную тенденцию глобализации можно искусственно подтолкнуть, что и предпринимают США и их партнеры на волне распада СССР. Можно данный процесс и искусственно сдерживать. Конкретных путей реализации тенденции глобализации немало. Их изложению должна быть посвящена специальная статья.

---

[10] Устрялов, Н. В. Элементы государства // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://lib.rin.ru/doc/i/39670p4. html

[11] Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://n355317/narod.ru/lib/civil.htm

КИТАЙСКАЯ МОДЕЛЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Я. М. Бергер

В декабре 2008 г. в Президиуме Российского философского общества состоялась встреча с известным китаеведом, главным научным сотрудником Института Дальнего Востока РАН доктором исторических наук, профессором Я. М. Бергером, который выступил с докладом и ответил на вопросы.

В 1978 г. на 3-м Пленуме КПК Китай провозгласил политику реформ и открытости. 30-летний период этой политики позволил ему активно включиться в процесс глобализации, что породило широкое обсуждение проблемы китайской национальной модели развития. Лозунг «Социализм с китайской спецификой» вновь громко прозвучал на 17 съезде КПК, где заметно обнаружилась тенденция рассматривать все проблемы с учетом национальных особенностей. Следует подчеркнуть, что у Китая для этого есть все основания, так как он не только национальное государство, но и цивилизация, пережившая многообразные чужеземные влияния и даже вторжения. Заканчивалось все это тем, что данные влияния приобретали китайскую окраску. Процессы индустриализации, модернизации, глобализации всегда рассматривались с той позиции, в какой мере они могут быть переработаны применительно к китайским условиям.

Какова модель китайской глобализации сегодня? Я бы отметил три основные ее особенности.

Первая – отказ от шоковых терапий. Китайская глобализация осуществляется постепенно. Вначале образовали 4 территориальные экономические зоны на юге Китая, недалеко от Гонконга. Затем началась отраслевая постепенность, то есть открыли некоторые отрасли для иностранного капитала. Лишь через 5 лет после вступления в ВТО Китай открыл всю территорию и все отрасли для иностранного капитала. Последние преобразования произошли в финансовой сфере в 2007 г. Формы реализации программы глобализации также отличались постепенностью. Вначале создавались смешанные с иностранным капиталом предприятия. Затем формировались предприятия только с иностранными инвестициями. В настоящее время разрешены слияния и поглощения производственного и финансового капитала. Иностранные компании могут даже «захватывать» ключевые отрасли экономики.

Вторая особенность состоит в том, что Китай не раскрывается до тех пор, пока не проведены внутренние реформы. Иначе говоря, четко соблюдается органическая взаимосвязь внешней открытости и внутренних реформ.

Наконец, китайская модель глобализации пытается оптимизировать плюсы и минимизировать минусы политики реформ и открытости. За счет этой третьей особенности Китай, включаясь в глобализацию, тщательно охраняет свою суверенность.

Век глобализации 1/2009 91–97

Особенности китайской глобализации широко обсуждаются на Западе. Недавно в Лондоне вышла книга Дж. Рамо «Пекинский консенсус», в противоположность понятию «Вашингтонский консенсус», появившемуся в начале 90-х гг. XX в. В «Вашингтонском консенсусе» сформулировано 10 неолиберальных правил для преобразования экономики стран Латинской Америки. К ним относились: 1) снятие тарифных барьеров; 2) нерегулируемая государством экономика и др. Применение правил «Вашингтонского консенсуса» привело к краху экономики Аргентины, Индонезии, России и других стран. В «Пекинском консенсусе» правила противоположны: 1) стремление к инновациям в экономической, политической, социальной сфере, но с учетом китайской специфики; 2) социальная сфера должна развиваться параллельно с экономикой; 3) необходима асимметричность в развитии, то есть китайская модель может разворачиваться, не втягиваясь в гонку вооружений. Однако Китай при этом может парализовать США. Золотой запас первоначально нужен был для защиты от экономического краха, как это произошло в ряде стран в 1997–1998 гг. Затем он стал необходим для гарантии поставок сырья (прежде всего нефти) и энергии, чтобы бесперебойно росла промышленность. В настоящее время данный запас служит целям защиты суверенитета Китая. Золотой запас может способствовать финансовому сокрушению противника, если он попытается, например, начать ядерную войну.

В последние годы Китай развивается быстрее, чем другие страны, в различных сферах общественной жизни, но больше всего он выиграл от глобализации в сфере экономики. Он стал одним из крупнейших получателей финансовых инвестиций среди развивающихся стран. Одно время по этому показателю Китай даже вышел на первое место в мире. Сейчас он занимает 3-е место после США и Великобритании. Однако иностранные инвестиции составляют лишь 10 % от всех инвестиций. Основная их часть идет от государства и частных китайских предпринимателей. С инвестициями приходят новые технологии и новый технологический опыт. Сначала, в 80-е гг. XX в., инвестиции шли от китайских эмигрантов со всего мира. Это касалось, как правило, небольших предприятий. Однако эмигранты проложили путь для серьезных инвестиций, что привело к появлению крупных предприятий и целых производств, а также способствовало передаче новых технологий. Сейчас из 500 крупнейших транснациональных компаний мира 450 имеют свои филиалы и отделения на территории Китая. Все это было достигнуто благодаря включению Китая в глобальную экономику. Другой плюс китайской экономической глобализации состоит в том, что Китай стал одной из ведущих стран по экспорту своих товаров, которые доминируют во многих странах мира. Первоначально китайские товары были невысокого качества, но сейчас многие экспортируемые товары являются брендами и ничем практически не отличаются от товаров западных производителей, но они значительно дешевле, так как в Китае дешевая рабочая сила и практически бесплатное природное сырье. Наконец, третий плюс – это самый большой в мире золотой запас (более 2 трлн долларов), причем этот запас не учитывает золотовалютные резервы Гонконга.

Отмечая минусы включения Китая в процесс глобализации, следует отметить, что технологии, которые он получает вместе с инвестициями, далеко не всегда самые передовые. Это, как правило, сборочное, «отверточное», производство (производные технологии). Передовые технологии остаются в развитых странах. Например, в Шанхае хотели взять у Германии поезд для железной дороги, чтобы быстро доезжать до аэропорта, но получили отказ. Поэтому один из главных тезисов

17 съезда КПК ориентирует на собственные силы: строить собственные инновационные технологии с целью стать мировым лидером в области инноваций в экономике. Второй минус – зависимость от мирового рынка, так как Китай работает в основном на внешний рынок. Главная проблема сегодня – это развитие внутреннего рынка и социальной сферы. Ставится задача переориентировать китайскую экономику на растущий средний класс. Третий минус – это внешнеэкономические трения. Китай на внешнем рынке выступает очень уверенно, я бы сказал, агрессивно. Он теснит местных производителей в других странах, в частности в текстильной промышленности. Возникают антидемпинговые расследования. Правда, пока их немного – около 1 %. Четвертый минус – давление на китайскую валюту (юань). Она якобы слишком занижена, поэтому товары из Китая являются конкурентоспособными. Идет нажим на юань с целью понизить его курс до 4–5 за доллар. Китайцы долго этому сопротивлялись, но в последнее время пошли на уступки. Сейчас стоимость доллара примерно 6,7 юаней. С процессом девальвации доллара курс юаня тоже сокращается. Пятый минус – ухудшение экологии за счет огромного производства товаров на внешний рынок. Происходит также исчерпание природных ресурсов. Китай занимает сейчас 1-е место в мире по выбросу углекислого газа. Руководство Китая на 17 съезде решило навести в этой области порядок. Уже после съезда приняты десятки документов, в которых прописаны жесткие экологические меры. Директоров снимают с должностей за малейшие нарушения экологических нормативов, штрафы повышены в десятки раз. Это одна сторона решения проблемы. Вторая связана с быстрым ростом услуг. Раньше Китай в основном производил товары для внешнего рынка. Это прежде всего туризм, который стал серьезной отраслью и заметной статьей дохода: в Китай ежегодно приезжают десятки миллионов туристов. В настоящее время Китай все больше начинает оказывать консалтинговые и финансовые услуги.

Серьезным минусом Китая является большая эксплуатация китайских рабочих, прежде всего на иностранных предприятиях. Правда, повышается роль профсоюзов. Еще один минус связан с накоплением валютных резервов. Выкупаются ценные бумаги Народным банком, что ведет к росту инфляции. Сейчас инфляция составляет 6–7 %. Гигантская компания создана для закупки ценных бумаг крупнейших банков мира. Китай покупает активы финансовых компаний развитых стран.

Теперь об изменениях в социальной сфере. Первый плюс – в социальной структуре появляются новые слои общества, которые тесно связаны с современными технологиями. Второй плюс – многие китайцы едут учиться за рубеж. 80 % абитуриентов желают учиться за рубежом, прежде всего в 10 странах цивилизованного мира. Россия в число этих стран не попала. Китай – это не закрытая страна. Массовое изучение иностранных языков в разных формах – в школах, вузах, на курсах, по телевидению. Меняется внешне и внутренне образ и стиль жизни китайцев. Недавно была выставка фотографий за 30 последних лет. Раньше, по сути, было два цвета одежды: серый и синий, однотонные прически, со светлыми волосами людей практически не было. Сейчас в одежде и прическах буйство красок: рыжие, светлые волосы, завивки и т. д. Но присутствуют и серьезные вещи, средства коммуникации: мобильники, компьютеры есть практически у всей молодежи. Это дешево, просто, удобно. Раньше в Китае разводы встречались редко, сейчас они широко распространены. Третий плюс – стандарты образования резко выросли. Деловая женщина – это не забитая старая китаянка. Применяются наилучшие образцы

в образовании и здравоохранении. Что касается серьезных проблем в социальной сфере, то в китайском обществе они во многом похожи на те, что имеют место на Западе. Прежде всего это проституция, порнография, СПИД, азартные игры.

В любой отрасли культуры ощущается колоссальное влияние Запада, особенно в области архитектуры. Как классическая, так и поп-музыка получили широкое распространение. Больших успехов достиг кинематограф. В США, например, китайские фильмы по прокату, как правило, занимают первые места среди иностранных фильмов. Литература также достигла больших успехов. В 2000 г. китайский писатель Гао Синьцзян получил Нобелевскую премию. Литература сочетает в себе классический стиль с современным западным стилем. Происходит коммерциализация культуры – в кинематографе, на телевидении она особенно распространена.

В идеологии ощущается большое влияние Запада: идет процесс дифференциации идеологии. В Китае присутствуют и либерализм, и «новые левые», и консерватизм, и неоконсерватизм, и марксизм с китайской спецификой. Но главное – китайцы пытаются сочетать модерн с традиционными идеологиями, что хорошо передают слова бывшего премьер-министра Сингапура Ли Куан Ю: «Главное – сохранить национальную китайскую традицию и через нее переосмыслить весь современный модерн». В Китае широко обсуждается проблема глобализации и китаизации мира. Если будет создана своя модель развития, полагают китайцы, то она начнет распространяться по всему миру через пропаганду прежде всего идей Конфуция, боевых искусств и т. д. В этом, а также в опоре на традицию они видят будущее Китая.

В заключение Я. М. Бергер ответил на заданные ему вопросы.

Профессор М. Т. Степанянц: Как изучается конфуцианство в Китае?

Ответ: В Китае в вузах изучают историю философии, в рамках которой преподают и конфуцианство. Кроме того, конфуцианство преподается в школах. Многие представители китайской элиты, воспитанные на западной культуре, подчеркивают, что в Китае существует сяо-кан, то есть общество малого достатка. Поэтому целый ряд западных понятий не годится для китайцев. Китай – это не столько государство, сколько цивилизация, в которой конфуцианство глубоко проникло в межличностные отношения, в бытовой уклад. На 17 съезде КПК поставлена задача органично соединять марксизм с конфуцианством. Основные понятия конфуцианства необходимо изучать членам партии, прежде всего такие как гармония, гармоничный мир как традиционные понятия китайского общества.

Профессор Х. А. Барлыбаев: Как объективно живет основная часть населения Китая – хорошо или плохо? Какова численность городского и сельского населения Китая?

Ответ: В Китае и вне его давно рассматривается вопрос о вкладе китайской цивилизации в развитие человечества. 30 лет назад в Китае было 300 млн человек, живших на грани нищеты. Сейчас таковых в 10 раз меньше (30 млн). В основном это крестьяне из окраинных и горных районов. К ним можно добавить 60–70 млн человек, жизнь которых еще не обеспечена в основных параметрах. Они находятся на грани полуголодного существования. Формирует этот слой в основном безработица. В Китае не была уничтожена государственная собственность в результате приватизации, как это сделано в России. КПК постепенно реформировало госпредприятия, превращая их в акционерные компании. В результате количество рабочих мест на госпредприятиях сократилось на 30 млн. Работу теряли

прежде всего низкообразованные работники. Но они обеспечивались государством прожиточным минимумом. Таковых примерно 30–40 млн человек. В Китае большой разрыв между богатыми и бедными. Миллионеров среди китайцев примерно столько же, сколько их в США. В настоящее время меняется социальная политика. Недавно введен закон о необлагаемом налогом доходе, если он не превышает 2 тыс. юаней (примерно 250 долларов).

Образование в вузах платное, в школах – бесплатное. Численность населения Китая – 1350 млн человек, из них в городах проживает 700 млн, а в селе – 650 млн. Правда, очень много сельских мигрантов (150 млн), которые фактически работают и живут в городах, хотя числятся сельскими жителями. В селе они имеют свой участок земли, который их тоже кормит. В городах же они работают по удостоверениям, которые имеет все сельское население.

Кандидат философских наук А. В. Кацура: У меня к докладчику два вопроса. У Вас прозвучало не один раз словосочетание «суверенность Китая». Каково Ваше мнение, как это коррелируется с суверенной демократией и что можно брать россиянам, а что нельзя из понимания суверенности китайцами?

Ответ: В Китае, на мой взгляд, существует неоавторитарный строй (мягкий авторитаризм). На 17 съезде в докладе впервые не было речи о политической реформе. В Китае шли дискуссии, с чего начинать развитие демократии – с партии или с общества? Сторонники первой точки зрения победили. Решено постепенно развивать демократию, начиная с партии. Я считаю, что этот курс очень правильный. Сразу развивать демократию в обществе – это гибельный путь. Недавняя история России это хорошо показала. У нас фактически нет сейчас (как в Китае) правящей партии, хотя, возможно, она сформируется. Нам необходимо присматриваться к опыту Китая в этом отношении.

Профессор Э. В. Гирусов: Придерживаются ли сейчас в Китае провозглашенной раннее демографической политики?

Ответ: Демографическая политика сыграла колоссальную роль. Если бы она не проводилась, то население Китая приблизилось бы к 2 млрд человек. А так не появилось 300 млн лишних людей. Это сэкономило средства на образовании, обучении, здравоохранении и т. д. Но существуют два серьезных минуса данной политики. 1) Подсчитано, что к 2030 г. в Китае будет 400 млн стариков старше 60 лет. Быстро стареет население. 2) Наблюдается дисбаланс полов. На 100 девочек рождается 120–130 мальчиков. При помощи ультразвука сейчас определяют пол у эмбриона и часто делают подпольные аборты, если это девочка. Демографическая политика, провозглашенная в свое время, планировалась для одного поколения. Это поколение уже стало взрослым. Сейчас усиливается требование, чтобы один ребенок в семье, став взрослым, мог бы иметь двоих детей.

Профессор И. К. Лисеев: Слушая Вас, можно сделать вывод, что в Китае внутренняя экономика находится под контролем. Так ли обстоит дело? Второй вопрос: какова коррупция в Китае и станет ли юань резервной валютой?

Ответ: В Китае три главных игрока: государство, национальный капитал и иностранный капитал. Между ними идет конкуренция. Китай уходит от полного контроля государственного сектора. Раньше он составлял 60–70 %, сейчас 20–25 %. Государство остается в сфере обороны, социальной сфере и на тех предприятиях, где нет конкурентоспособности. Происходит, с одной стороны, сжатие го-

сударственного сектора, а с другой – наращивание его эффективности. Госсектор сокращается прежде всего путем акционирования предприятий. Собственность постепенно перестает быть чисто государственной, хотя часто контрольные пакеты акций принадлежат государству. «Социалка» все больше переходит от предприятий к муниципалитетам. Это повышает эффективность госпредприятий. Кроме того, быстро растет частный сектор.

Что касается коррупции, то Россия занимает примерно 120-е место в мире. Китай ранее был на 70-м, а сейчас поднялся на 60-е место. Меньше всего коррупции в мире в Сингапуре, Гонконге и в северных европейских странах. Краха экономики Китая, как предрекают многие поверхностные аналитики, не будет. Дж. Рамо справедливо пишет, что китайская модель – это контролируемый хаос. Что касается юаня, то он уже стал конвертируемым и в настоящее время претендует на резервную мировую валюту.

Кандидат биологических наук Б. Г. Режабек: За счет каких средств финансируется сегодня НИОКР в Китае?

Ответ: Раньше в Китае расходовалось из бюджета всего 1,5 % средств на НИОКР, в то же время в Южной Корее – 34 %. Сейчас финансирование НИОКР значительно выросло за счет как государственных средств, так и собственных средств частных компаний.

Доцент А. Д. Королев: В принципе китайцам не присуще чувство вины. В связи с этим есть ли в Китае диссиденты?

Ответ: Я бы не согласился с тезисом об отсутствии чувства вины у китайцев. У них есть своя иерархия ценностей. Прежде всего китайцам присущи приверженность к семье и привязанность к Родине. Китаец не мыслит себя вне Родины, где бы он ни находился. Поэтому свои реформы они начали с привлечения зарубежных китайцев и их капиталов в свою страну. Оппозиция есть и внутри Китая, как правило, консерваторы-догматики, и вне его. Особенно после событий на площади Тяньаньмынь в 1989 г. часть интеллигенции уехала на Запад и издает там диссидентский журнал «Пекинская весна». Но в Китае есть взаимопроникновение элит как внутренних, так и внешних. Идет открытый обмен идеями, так как у всех есть чувство гордости за свою Родину. К сожалению, у русских не всегда это чувство встречается.

Профессор А. Н. Чумаков: Есть ли в Китае оппозиция идеям Дэна Сяопина? Можно ли сказать, что авторитет Дэна выше, чем авторитет Мао? Скажите, может быть, китайцы нерелигиозны?

Ответ: Оппозиция Дэну Сяопину, конечно, есть, особенно среди консерваторов-догматиков. Однако его авторитет ценится выше, чем авторитет Мао Цзэдуна, практически всеми. Китайцы не привязаны жестко к какой-либо религии. Они очень прагматичны, религия второстепенна по отношению к прагматизму, хотя в Поднебесной существуют практически все конфессии.

Член РФО В. И. Долженко: Какие налоги платят граждане и предприятия в Китае?

Ответ: Индивидуальные налоги составляют примерно как у нас – 12–13 % («плоский» налог) при условии, если сумма дохода превышает 2000 юаней, до этой шкалы налоги вообще не берутся. Предприятия платят налоги, главный из них – НДС.

Кандидат философских наук А. В. Кацура: В начале 90-х гг. ходила шутка, что Украина разрабатывает свой глобус. Ваше выражение «китаизация мира» не означает ли претензию на глобальность экспансии Китая?

Ответ: «Тянь зянь» означает по-китайски «Вселенная», то есть мир, где распространено конфуцианство. Я не думаю, что китайцы хотят переделать на свой лад остальной мир. Они пропагандируют диалог культур, стремятся узнать другие цивилизации. Например, несколько десятилетий назад западный человек собирал вокруг себя толпу, которая ходила за ним, рассматривая его как чудище. Сейчас в городах никто на вас не обратит внимания. Лишь в отдаленных сельских районах такое еще возможно.

Кандидат биологических наук Б. Г. Режабек: Как Вы считаете, имеет ли смысл налаживать мосты между Китаем и Россией, чтобы сформировать единую идеологию, культуру и т. д.?

Ответ: Да, налаживать мосты необходимо. Конечно, мы стремимся понять, чего хочет Китай, какое место в мире он желает занять, как он добивается этого. Однако не могу согласиться с утверждением, в частности евразийцев, что Китай стремится сформировать единое целое из окружающего мира. Это утопия.

Писатель А. А. Зенкин: Владеет ли капиталом Ху Цзиньтао и его приближенные, сыновья, родственники? Если да и идет его наращивание, то, конечно, об обществе всеобщего согласия будущего не может быть и речи, потому что согласие – это честность.

Ответ: Перед 17 съездом КПК ставился вопрос: кто будет преемником Ху Цзиньтао? Этот преемник сейчас известен. В КПК фактически две фракции. Первая – фракция комсомольцев, но это не нашего типа комсомольцы, они серьезно образованы и будут занимать высокие посты в регионах. Вторая – «партия принцев» (тайцев), это дети и внуки бывших руководителей Китая. Они очень преуспели в разных сферах, в том числе финансовой. Идет процесс сращивания политических и экономических элит.

Профессор А. Н. Чумаков: В России существуют геополитические страхи по поводу заселения Сибири и Дальнего Востока. Насколько они оправданны? Не будут ли китайцы вынуждены объективными обстоятельствами (нехватка территории, пригодной к жизни) занять часть территории России?

Ответ: Такие опасения есть позавчерашний день. Китаю не нужна чужая территория. Он усиливает свое влияние через развитие собственной экономики. В территориальной экспансии руководство Китая не заинтересовано, хотя на обыденном уровне есть представление, что данные территории когда-то принадлежали Китаю. Рост населения в Китае продолжается, и к 2020 г. оно составит 1,5 млрд человек. Для Китая всегда была одна главная задача – прокормить население. Сейчас они кормят себя за счет собственных ресурсов. Экономика Китая к 2020 г. вырастет примерно в четыре раза. Земля освобождается в результате миграции из села. Пустыни начинают преобразовываться в леса. В Китае 110–120 млн га пахотной земли. За последние 30 лет она сократилась на 1,5 % за счет прежде всего роста промышленности. Сегодня эту территорию пытаются очистить и рекультивировать с целью пригодности для сельского хозяйства. Итак, рост населения просчитан, а рост экономики значительно опережает увеличение населения.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОЕКЦИЯ ГЛОБАЛИЗАЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

К. А. Валиева

Статья посвящена анализу европейского варианта процесса глобализации. По мнению автора, политическим проявлением глобализации в европейском пространстве является ставший реальностью проект Европейского союза и протекающий в его рамках процесс многоуровневой интеграции, которая привела к трансформации традиционного восприятия государственного суверенитета. В современной Европе изменение роли государств-наций под воздействием глобализации и усиления наднационального фактора проявилось с особой силой в двух направлениях. Во-первых, наблюдается процесс усиления надгосударственной федерализации в рамках ЕС, когда государства, его составляющие, фактически «делятся» частями своего суверенитета с наднациональными органами ЕС. Во-вторых, развитие регионализации, то есть параллельно и вследствие процесса «размывания» государственного суверенитета «сверху» в рамках ЕС наблюдается та же тенденция, протекающая уже «снизу», со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств-членов ЕС.

Глобализация «по-европейски»

Современный мировой политический процесс развивается в тесном соотношении и взаимодействии тенденций интернационализации, глобализации и международной интеграции. Если глобализация как непрерывный исторический процесс есть пространственная характеристика интернационализации экономического, политического, культурного и других аспектов жизни общества, усилившейся на том историческом этапе (вторая половина XX в.), когда интернационализация приобрела всемирный охват и достигла предельного развития, то международные интеграционные процессы представляют собой наивысшую на сегодняшний день ступень интернационализации и глобализации хозяйственной жизни. Интеграция как подсистема глобализации есть нарастающая экономическая взаимозависимость двух или нескольких стран, перешедшая в сращивание национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного полигосударственного социально-экономического организма с единой валютно-финансовой, правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики государств-членов. По многим причинам такой уровень достижим пока лишь в наиболее развитых регионах мира и, следовательно, ограничен региональными рамками. Таким образом, если глобализация – это стадия предельно возможного развития интернационализации вширь, то интеграция – наивысшая ступень развития ее вглубь[1].

[1] Шишков, Ю. В. Европа и процессы глобализации экономики // Современная Европа. – 2000. – № 1 // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ieras.ru/journal/journal1.2000/4.htm

Развитие и углубление вышерассмотренных тенденций мирового политического процесса придало современному миру совершенно новое качество. В наши дни основой мировой политики уже не являются исключительно отношения между государствами. Многообразие участников, видов и каналов взаимодействия между ними вытесняет их из центра международного общения, способствует трансформации такого общения из «интернационального» (межгосударственного) в «транснациональное» (осуществляющееся помимо и без участия государств). Таким образом, в реконструкции традиционной системы международных отношений и трансформации роли ее доминирующих субъектов – государств-наций – проявляется политический аспект глобализации. Меняется традиционное восприятие роли государства и значения его формального атрибута – государственного суверенитета. В этих условиях в современной политической науке отмечается резкий подъем интереса к проблеме трансформации («кризиса» или «девальвации») государственного суверенитета.

Политическим проявлением процесса глобализации в европейском пространстве является ставший реальностью проект Европейского союза и протекающий в его рамках процесс многоуровневой интеграции. В современной Европе изменение роли государств-наций под воздействием глобализации и усиления наднационального фактора проявилось с особой силой в двух направлениях. Во-первых, наблюдается процесс усиления надгосударственной федерализации в рамках ЕС, когда государства, его составляющие, фактически «делятся» частями своего суверенитета с наднациональными органами Евросоюза. Во-вторых, развитие регионализации, то есть параллельно и вследствие процесса размывания государственного суверенитета «сверху» в рамках ЕС наблюдается такая же тенденция, происходящая уже «снизу», со стороны административных и исторически сложившихся регионов внутри национальных государств ЕС.

Федерализм и регионализм в Европе

Многообразие факторов, влияющих на интеграционный процесс в Европе, определяет его диалектическую природу. Подчиняясь центробежным и центростремительным силам, процесс европейского объединения демонстрирует внешне противоречивое явление одновременной наднациональной федерализации и внутригосударственной регионализации (в ряде западноевропейских государств протекающей в форме внутригосударственной федерализации). Это исключительно западноевропейский феномен, возможность и необходимость появления которого вероятны только при условии существования высокого уровня внутренней интегрированности.

В современной Европе сложилась многоуровневая политика, которая включает три относительно самостоятельных центра власти: «наднациональный» (Евросоюз), «национальный» (государства-члены) и «субнациональный» (органы регионального управления). При этом если федерализация на европейском уровне – это модель интеграции, то на внутригосударственном уровне – это форма дезинтеграции. В этой связи существенен вопрос о перспективе евроинтеграции: насколько реальна концепция «Европа регионов», не заменяют ли регионы национальные государства в условиях общей надгосударственной федерализации Европы?

Регионализация в Европе не проходит сама по себе. Она тесно связана с базовым по отношению к ней процессом надгосударственной федерализации и во многом является ее внешне парадоксальным последствием. То есть европейская поли-

тика федерализации в значительной степени стимулирует процесс внутригосударственной дезинтеграции в государствах-членах. Во многих из них регионы требуют и добиваются юридического закрепления и фактического предоставления большого круга полномочий и предметов ведения внутри государства, в том числе относительно финансовых, налоговых и бюджетных вопросов, а также права выхода на международную арену. Это приводит к тому, что регионы как субнациональные единицы евроинтеграции, превращаясь в относительно самостоятельные акторы европейской политики, стимулируют рост тенденций к региональной автономизации и федерализации унитарных государств[2].

В целом, говоря о тенденции к внутреннему обособлению, образованию автономий в государствах, можно выделить три категории западноевропейских стран. В первую входят собственно федерации: Германия, Австрия, Швейцария и Бельгия. Во вторую группу включаются государства, содержащие в своем составе автономии, или государства федерализирующиеся. В свое время этот термин употреблялся в отношении Бельгии, где процесс федерализации прошел основные стадии и был завершен реформой 1994 г. К таким «региональным государствам» относятся Испания и Италия, в которых полномочия законодательной власти по некоторым вопросам были переданы на более низкий государственный уровень. Более того, испанские провинции Каталония, территория басков, Андалузия и другие обладают частичным суверенитетом как субъекты федерации и могут принимать участие в межрегиональном сотрудничестве с другими европейскими государствами, в том числе и с субъектами федерации. Наконец, в третью группу входят унитарные государства, проводящие политику децентрализации. К ним относятся Франция, Португалия, Великобритания[3].

Началом масштабной региональной политики ЕС следует считать создание в 1975 г. одного из основных инструментов региональной политики – Европейского фонда регионального развития, занимающегося распределением вкладов членов ЕС в общий бюджет между проектами, реализуемыми в наиболее отсталых регионах. Маастрихтский договор 1992 г. задекларировал политику выравнивания состояния регионов в странах ЕС как один из главных приоритетов Европейского союза наряду с общим рынком и валютным союзом. Кроме того, в этот период были окончательно сформированы финансовые инструменты для политики регионов, которые включали в себя структурные фонды и специализированные программы (ISPA, SAPARD, PHARE и т. д.).

Учреждение Комитета регионов, утверждение принципа субсидиарности[4] в соответствии с Маастрихтским договором и новые меры по развитию межрегионального сотрудничества, финансируемого из структурных фондов, стали важными шагами в развитии политики регионализации[5]. В связи с усилением регионализма новым (субнациональным) содержанием наполняется и принцип субсидиарности, закрепленный Маастрихтским договором и лежащий в основе внутренне-

---

[2] Китинг, М. Новый регионализм как возможность // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4 // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.globalaffairs.ru/numbers/33/997.html

[3] Косов, В. В. Процесс федерализации в Западной Европе: миф или реальность? // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.unn.ru/rus/books/vestnik3/stat18.htm

[4] Принцип субсидиарности подразумевает, что управление осуществляется на возможно более низком уровне, когда это целесообразно; при этом европейский уровень выступает как дополнительный по отношению к национальному.

[5] Kazım, T. Federal Avrupa veya bölgelerin Avrupası // Yerel Yönetim ve Denetim. – 2005. – Ağustos. Cilt 10, Sayı 8. – S. 23–25.

го устройства Евросоюза. Следует отметить, что в сфере управления принцип субсидиарности значительно легче и полнее воспринимается в федеративных, чем в унитарных государствах. Следовательно, отношение к его применению в значительной степени зависит от правовой и управленческой культуры, традиций европейских государств и общего подхода того или иного государства-члена к интеграции и прежде всего наделению институтов ЕС наднациональными полномочиями[6]. Поэтому для Германии и Франции субсидиарность означает возможность сделать центр достаточно эффективным, действенным проводником общей политики. В свою очередь Великобритания усматривает в принципе субсидиарности возможность ограничить развитие наднациональных начал, подчеркнуть приоритет суверенных прав государств-членов.

Важно отметить, что в Маастрихтском договоре, утвердившем принцип субсидиарности, региональный уровень вообще не упоминается, речь идет лишь о европейском уровне и государствах-членах. Несмотря на это, на основе этого принципа решаются прежде всего региональные проблемы. Регион является важным уровнем в многослойной структуре Евросоюза, поскольку на каком бы из этажей власти союза ни принимались решения, реализуются они непосредственно в том или ином регионе. Таким образом, «принцип субсидиарности способствует развитию наднациональной федерализации. То есть применение принципа субсидиарности делает национальные и субнациональные границы более “проницаемыми” для наднациональных политических решений, преодоление границ происходит “сверху” – со стороны Евросоюза и “снизу” – со стороны европейских регионов»[7].

Кроме того, единый рынок позволяет внутригосударственным регионам ЕС играть более активную и самостоятельную роль во внешнеэкономических связях. Одновременно происходит и процесс освобождения политических сил регионов от контроля со стороны национальных правительств. Укрепляется идея необходимости внедрения налогового федерализма во всех европейских государствах, в том числе и унитарных. Кроме того, благодаря Комитету регионов ЕС и Конгрессу региональных и местных властей Европы регионы имеют свой постоянный форум, посредством которого их голос и позиция могут быть услышаны на общеевропейском уровне и получить широкий резонанс[8].

Центробежные тенденции сохраняются и в сегодняшней, казалось бы, стабильной Западной Европе, где есть более десятка тлеющих сепаратизмом регионов. Что касается Восточной Европы, здесь распад многонациональных государств в начале 90-х гг. (Югославии и Чехословакии) спровоцировал резкое оживление центробежных тенденций, местами сопровождавшихся кровопролитными войнами. В целом дезинтеграция охватывала отдельные государства и выражалась в юридическом оформлении их распада. Примером может служить судьба Чехословакии, которая в результате так называемого «бархатного развода» («velvet divorce») распалась на два государства.

Примером радикального и неуправляемого конституционного конфликта стал распад Югославии. Он был обусловлен тем, что в условиях отсутствия однородно-

---

[6] Özcan, M. Subsidiarite ilkesinin AB'de uygulanması // The Journal of Turkish Weekly // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.turkishweekly.net/turkce

[7] Хохлов, И. И. Наднациональность в политике Европейского Союза. – М., 2007. – С. 64–64.

[8] См., например: Бусыгина, И. М. Регионализация в странах Западной Европы: Великобритания и Франция в сравнительной перспективе // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.kazanfed.ru/publications/kazanfederalist/n21-22/4/

го гражданского общества при наличии различных и противостоящих друг другу исторически идеологических и социокультурных традиций процесс национального самоопределения приобрел форму межгосударственного противостояния. Эти тенденции нашли выражение в создании партий по этническому признаку. Конфликт между Сербией, с одной стороны, Словенией и Хорватией – с другой, нашел выражение в войне в Хорватии (1991 г.), затем Боснии и Герцеговине (1992 г.), вооруженных действиях в Косово (1988 г.), бомбардировках Сербии, а затем распространении вооруженного конфликта на Македонию[9].

Учитывая наличие в современной Европе центробежных и центростремительных процессов, можно задаться вопросом: не стимулирует ли региональная политика ЕС трансформацию «Европы государств» в «Европу регионов», удастся ли удержать тенденцию регионализации в мирном русле, или она вызовет рост сепаратизма и экстремизма? Не получится ли так, что регионализация в какой-то момент перерастет в создание новых государственных образований, опасных для стабильности как Западной, так Восточной Европы? Существует серьезная опасность того, что региональные движения потребуют перекройки государственных границ или как минимум большей федерализации с фактической независимостью от центра. Так, под угрозой может оказаться территориальная целостность многих стран Западной Европы. Помимо испанских провинций это Северная Ирландия, Шотландия, Бретань, Падания, Канарские и Азорские острова, Сардиния и Корсика. Их «центробежность» не настолько сильна, чтобы вылиться в настоящую национально-освободительную борьбу, но достаточно живуча, чтобы подпитывать сепаратистов-террористов.

В Восточной Европе же, в частности после провозглашения Косово своей независимости, все чаще говорится о проектах Великой Албании и Великой Сербии (главная цель которых заключается в объединении своего народа, разделенного между пятью странами), которые могут стать прообразом агрессивных режимов и источником новых войн на Балканах.

Следует отметить, что региональная политика ЕС не провоцирует, а наоборот, в значительной степени создает экономические и политические предпосылки для урегулирования существующих этнотерриториальных конфликтов. Именно Европа с множеством ее «проблемных» регионов вырабатывает сейчас некий алгоритм цивилизованного решения проблемы сепаратизма. И есть определенные результаты, например недавно Ирландская республиканская армия сложила оружие. Это не значит, что сепаратисты отказываются от борьбы за отделение Северной Ирландии от Великобритании, но ИРА официально объявила о переходе к чисто политическим методам деятельности. К такому же решению, по всей видимости, склоняется и ЭТА – террористическая организация, борющаяся за независимость Страны Басков от Испании. По крайней мере, недавно она объявила перемирие и по некоторым вопросам даже вступила в контакт с правительством Испании.

Почему такая тенденция возникает именно в Европе? Очевидно, потому, что в ЕС у регионов (будь то субъекты федераций или даже просто административно-территориальные единицы государств) особый статус. В частности, благодаря расширяющейся региональной политике ЕС европейские регионы входят в трансграничное политико-правовое пространство – «Европу регионов» – и обладают правом вступать во взаимоотношения со всеми прочими субъектами европейской

[9] Медушевский, А. Европейская интеграция: механизмы взаимодействия // Вестник Европы. – 2006. – № 17 // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/vestnik/

политической системы, практически минуя национальное правительство (в Восточной Европе эта тенденция пока еще недостаточно сильна). Создаются также «еврорегионы» – экономико-политические объединения нескольких регионов из разных государств Европы. Все эти возможности предоставляет регионам складывавшийся веками европейский федерализм. И это неспроста, ведь многие регионы Европы (как части государств) имеют более древнюю историю и прочную общность, чем сами государства, в состав которых они входят. Их границы, политическое устройство и этнокультурное пространство более постоянны, чем государственные.

Итак, несмотря на кажущийся антагонизм понятий наднациональности и субнациональности, интеграции и дезинтеграции, в европейской интеграционной политике они являют собой противоречивое единство. Однако отсутствие четкого разграничения компетенций между тремя уровнями (европейским, национальным и региональным), стремление государств-членов сохранить за собой приоритет в определении полномочий институтов Евросоюза и понимание того, что регионы в полной мере не в состоянии взять на себя функции государства, делают маловероятным то, что будущая Европа будет состоять из многочисленных самостоятельных регионов[10]. Так или иначе, процесс интеграции и регионализации в Европе уже необратим, и поэтому актуальным является поиск приемлемых моделей сотрудничества, учитывающих интересы всех трех сторон – регионов, государств и надгосударственных институтов ЕС.

Евросоюз – не «федерация государств»

Федералистские идеи и сам дух федерализма всегда были частью европейской конструкции. Тем не менее, исходя из классического понимания федеративного устройства, можно однозначно утверждать, что ЕС – не «федерация государств».

Жак Делор, бывший председатель Европейской Комиссии, выдающийся архитектор европейской интеграции, определил ЕС как «неопознанный политический объект». Действительно, любые попытки четко классифицировать институциональное выражение европейского интеграционного процесса как федерацию, межгосударственное объединение или международный режим весьма уязвимы для критики. Среди европейских политиков и экспертов не прекращаются споры по вопросу, какие же черты в конечном итоге приобретет Европейский союз – федеративные или конфедеративные. Как пишет исследователь Бургас, «конфедеративные черты, присущие ЕС, очень подозрительно напоминают черты федерализма». Другой исследователь, Вальтер Хольштейн, свое мнение о ЕС высказывает еще более определенно: «ЕС не федерация и не конфедерация. Это законодательный и конституционный гибрид».

Неоспоримы достижения европейской интеграции на пути к «федерации государств», но все более очевидно состояние системного кризиса проекта Евросоюза, который может привести к качественным изменениям всей политико-экономической модели. Этот кризис, разразившийся после провала проекта Конституционного договора для Европы на референдумах, в значительной степени обусловлен отсутствием единой ориентации и общего видения единой Европы. Системный кризис, в котором оказался проект европейской федерации и который не дает нам основания четко классифицировать ЕС как полноценное федеративное

[10] Хохлов, И. И. Субсидиарность как принцип и механизм политики Евросоюза // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.nationalsecurity.ru/library/00018

образование, можно охарактеризовать с точки зрения концептуальных, внешнеполитических и внутриполитических аспектов.

Начнем с концептуального аспекта, который в первую очередь связан с расхождением в идеологических подходах Франции и Германии к европейскому строительству. Следует признать, что объективно ключ от будущего «объединенной Европы» находится в руках Парижа и Берлина. Успех интеграции на протяжении всей истории объединения зависел от интенсивности и глубины немецко-французской кооперации. И сегодня без «концерта» своих первых держав объединенная Европа не сможет стать самостоятельным полюсом силы, не сможет выстроить достаточно сильную и эффективную политическую, экономическую и социальную систему, не сможет добиться успеха ни в одном из направлений своей деятельности. То есть необходимы «конвергенция двух стран, прежде всего в политических и социально-экономических вопросах, нахождение общности в сфере идеологии, сближение подходов к внутренней и внешней политике, национально-государственному строительству»[11].

Исходя из проводимой нынешним правительством Германии интеграционной политики, можно отметить, что немецкий подход к дальнейшему евростроительству заключается в стремлении к последовательному усилению структур Евросоюза, проведению достаточно гибкой и сбалансированной политики, нацеленной на строительство «общеевропейской Федерации», интегрирующей существующие региональные и национально-территориальные общности на основе принципа «единства в многообразии». То есть проект объединенной Европы, развивающийся в направлении к «федерации государств», по большому счету есть немецкая модель. Действительно, сегодняшняя Германия все активнее предлагает объединенной Европе базовые принципы собственной федеративной модели, среди которых – реальное самоуправление территорий, кооперативный характер отношений центра и регионов, субсидиарность, учет исторически сложившейся культуры и специфики и другие.

В противоположность этому Франция предлагает «рестриктивный подход» к процессу евростроительства, заключающийся в поддержке вертикальной и жесткой концепции политики и унитаризма в устройстве объединенной Европы.

Весьма болезненным оказывается расхождение двух стран во внешнеполитической сфере, что ясно проявилось в отношении двух правительств к ряду международных военных конфликтов. Взвешенный и разумный подход Германии во внешней политике, при внешней лояльности «атлантистской системе» последовательно продвигающей свои европейские интересы, существенно контрастирует с проамериканской внешнеполитической стратегией Франции, вызывающей неоднозначную реакцию во всей Европе[12].

Европейский федерализм и внешняя политика являются одной из серьезнейших проблем, на которой необходимо остановиться. Вопрос об общеевропейской внешней политике высвечивает проблемы, нерешенность которых не позволяет ЕС стать действенным политическим союзом государств. «Многоуровневый» ЕС также предполагает «многоуровневую» внешнюю политику с вытекающими из этого слабостями – множественностью центров принятия решений и конкуренцией приоритетов и национальных интересов государств-членов. С точки зрения системного анализа внешняя политика ЕС может быть представлена как сочетание

---

[11] Бирюков, С. Германия и Франция в объединенной Европе // Агентство политических новостей. – 2008. – 23 ноября // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.apn-nn.ru/pub_s/1567.html

[12] Там же.

трех подсистем: европейских сообществ (внешнеэкономическое измерение), Евросоюза (политическое измерение) и политик государств-наций, входящих в ЕС. Внешняя политика ЕС в ее нынешнем виде является не единой, но именно общей. Если первая предполагает полную интегрированность и наднациональность, «единый голос» и автоматическое согласование позиций в международных отношениях, то вторая – координацию и гармонизацию внешних политик, генерируемых различными политическими системами, входящими в ЕС. Даже учреждение поста Верховного представителя ЕС по внешней политике не придало ей одно лицо и один голос[13].

Существенным является механизм принятия внешнеполитических решений ЕС. Так, еще в 90-е гг. в соответствии с Маастрихтским договором вопросы внешней политики и политики безопасности, а также сотрудничество в области внутренней политики и юстиции были оставлены за пределами полномочий европейских структур. Если вопросы общего рынка находятся в ведении ЕС, то есть суверенитет (в смысле принятия решений) уже передан на наднациональный уровень, то внешнеполитические вопросы и политика безопасности разрабатываются и осуществляются на принципах межгосударственного сотрудничества, решения принимаются в большинстве случаев единогласно, так что любая страна-член ЕС может заблокировать решения. Суверенитет, следовательно, остается на уровне национальных государств, в то время как политический союз (федеративное объединение) предполагает отчуждаемость внешнего суверенитета государств-членов в пользу союзных институтов. Отсутствие у государств-членов ЕС согласованной политической воли сделать конкретные шаги в этом направлении очевидно.

Парадокс глобализации «по-европейски» заключается в том, что масштабность подхода к глобализации, декларируемая США, не приводит в действительности к сколько-нибудь существенным трансформациям современных социальных отношений, оборачиваясь банальной гегемонией страны-лидера. При этом именно интегрирующаяся Европа хочет показать себя некой территорией «жизненного мира» человека, пространственной формой, остающейся последним прибежищем «внутреннего мира» человеческого существа, географической областью, где и поныне господствуют мораль, право и культура[14].

Важно отметить, что довольно критическое по отношению к американской модели глобализации восприятие общеевропейских процессов рождается в континентальной Европе и представляет собой своеобразную континентальную альтернативу англосаксонским представлениям о всемирной интеграции, целиком укладывающимся в схему нового мирового порядка. Именно поэтому важным аспектом данной проблемы является геополитическая разобщенность Европы: европейские страны, будучи объединенными в пределах ЕС, не едины, Европа фактически разделена на «старую», исходящую из европейских интересов (Германия, Франция и в меньшей степени Италия), и «новую» Европу (Восточная Европа, примкнувшая к Великобритании), придерживающуюся проамериканского вектора.

Серьезным является и внутриполитический аспект системного кризиса ЕС, ставший на сегодняшний день наиболее болезненным и труднопреодолимым препятствием в построении Европейской федерации. Внутриполитическое измерение

---

[13] Закржевская, О. Г. Мировой порядок: однополярность или многополярность? Взгляд из Европы и США // Казахстан-Спектр. – № 2(28). – 2004. – С. 45.

[14] Gürlesel, C. F. Avrupanın 2050 geleceği: bir çöküş hikayesi mi, gücün yeniden keşfi mi? // Global Politik. – 2005. – Cilt 179, Sayı 168. – S. 75.

кризиса заключается как минимум в четырех проблемах стратегического характера, решение которых пока не просматривается:

– существенное ослабление качества и эффективности управления на уровне ЕС. В результате беспрецедентного по масштабам расширения 1995–2007 гг. общие институты (Совет ЕС, Европейская Комиссия, Европарламент) перешли пределы собственно эффективности в качестве инструментов согласования интересов стран-членов;

– отсутствие даже приблизительного общего видения стратегических целей развития европейского проекта (ЕС достиг всех основных целей, не вступающих в противоречие с базовыми суверенными правами стран-членов, тогда как официальная декларация «федерации государств» в качестве конечной цели евроинтеграции означала бы неизбежность лишения национальными государствами суверенитетов);

– низкая экономическая эффективность превалирующей ныне модели развития большинства европейских стран;

– снижение уровня доверия в отношениях между странами-членами, с одной стороны, странами и наднациональными органами ЕС – с другой. Одним из проявлений этой тенденции является «дефицит демократии» – отстраненность граждан ЕС от процесса принятия все большего спектра политических и экономических решений[15].

Одной из болезненно проявляющихся проблем ЕС является то, что принятие решений на наднациональном уровне происходит не в рамках демократической процедуры, установившейся в отдельных европейских государствах, то есть представительная демократия в странах-участницах союза не воссоздается на общеевропейском уровне параллельно с перемещением на данный уровень политических прерогатив. Жан-Поль Фитусси, поднимая вопрос об агентуре суверенитета, отмечает, что понятие национального суверенитета выхолащивается, а концепт европейского суверенитета не заполняется должным содержанием. В результате управление Европой осуществляется как «управление по правилам», а не как «управление по выбору», то есть власть практически переходит к бюрократии. При этом, как утверждает Фитусси, «независимость экономической политики ЕС от всякого демократического процесса полностью порывает с политической традицией европейских народов и вредна для экономической эффективности ЕС в целом»[16].

Важным аспектом является проблема европейской идентичности. Пока трудно говорить о какой-либо европейской идентичности как сформировавшемся и устоявшемся явлении. Без сомнения, миллионы граждан Евросоюза ассоциируют себя с Европой и осознают культурные, психологические, политико-правовые и прочие отличия своих обществ от исламских стран, дальневосточного мира или США. Однако, во-первых, европейцами считают себя и многие из живущих за пределами ЕС – некоторые народы стран СНГ, Балкан и даже Турция. Евросоюз вряд ли вправе претендовать на монополию «европейскости», хотя в массовом сознании понятия «Европа» и «Евросоюз» в последние годы стали почти синонимами. Во-вторых, даже «стопроцентные» европейцы вроде французов и немцев или голландцев по-прежнему ассоциируют себя скорее своими государствами, народами и культурой, нежели с наднациональными институтами ЕС[17].

---

[15] Мир вокруг России: контуры недалекого будущего / отв. ред. С. А. Караганов. – М., 2007 // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.mideast.ru/384/37093

[16] Кустарев, А. Кризис государственного суверенитета // Интернет-газета «Полит.Ру» // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.polit.ru/research/2006/10/30/kustarev.html

[17] Шимов, Я. Евроутопизм и еврореакция. Будущий облик ЕС определится в ближайшие недели // Интернет-газета «Полит.ру». Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.polit.ru/analytics/2005/05/04/europa.html

Тем не менее, «еврооптимисты» по-прежнему считают возможным создание Европейской федерации – мечты подавляющего большинства сторонников «единой Европы» в 1940–1950-е гг., в том числе Монне, Шумана и Аденауэра. Идея федерации незримо присутствует и в проекте Европейской конституции: здесь зафиксирован официальный статус «европейского гражданства», учреждена должность министра иностранных дел Евросоюза, значительно расширена сфера, в которой решения принимаются не консенсусом, а большинством голосов. Но при всем при том, исходя из общего состояния интеграционного процесса в Европе, можно заключить, что вероятность возникновения Европейской федерации с общим правительством, парламентом, общеевропейскими политическими партиями и избираемым президентом в обозримом будущем низка. Не исключен вариант, что ЕС будет эволюционировать в сторону торгово-экономического (включая валютный союз) объединения с элементами политического сотрудничества между странами и группировками. При этом социальная политика, энергетика и оборона останутся на сугубо национальном уровне. Бывший заместитель председателя Европейской Комиссии Леон Бриттен несколько лет назад открыто заявил, что не верит в «миф Европейской федерации» и надеется на эволюцию «в направлении свободных рынков и свободной торговли». Таким образом, появляется теоретическая возможность дальнейшего политического раскола ЕС при сохранении общего экономического пространства в базовых областях интеграции.

Существует и другой формат дальнейшего функционирования ЕС – «Европа разных скоростей», заключающийся в политико-организационном размежевании участников расширенного ЕС на две группы. Один из авторов этой теории Жак Делор выдвинул идею «европейского авангарда» в составе «шестерки основателей» плюс Испания, Португалия и Греция. Этот «авангард» создаст внутри Европейского союза «федерацию национальных государств», которая потянет за собой остальных участников. Реализация данных концепций означала бы разделение участников ЕС на тех, «кто равны», и тех, «кто равны больше других».

На самом деле, «Европа разных скоростей» уже существует. Единая валюта – евро – распространяется на 12 стран ЕС из 27, Шенгенская зона – на 14, а ограничения на рынке труда для граждан новых стран-членов союза сняли только 3 из 15 «старых» членов ЕС. Таким образом, степень интеграции европейских стран уже неодинакова, и это естественно, учитывая сохраняющиеся глубокие различия между ними[18]. Именно поэтому ускоренная федерализация ЕС, о которой мечтают сторонники евроконституции, в ближайшей перспективе маловероятна.

Очевидно, что корректировка идеологии европейской интеграции должна переосмыслить такие параметры и проявления кризиса, как идентичность, суверенитет, федерализм, центр и регионы, взаимоотношения между регионами[19]. В целом проект европейской интеграции не является статичным, абсолютным, он постоянно эволюционирует, и существующие интерпретации «гибридности» европейской конструкции на самом деле показывают необходимость формулирования совершенно новой дефиниции. Возможно, ЕС в его нынешнем облике можно было бы назвать конфедерацией нового типа, которая в ближайшей перспективе будет развиваться в конфедеративно-федеративном дуализме и континууме.

---

[18] Шимов, Я. Указ. соч.

[19] Медушевский, А. Указ соч.

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

«ВСЕМИРНАЯ ОТЗЫВЧИВОСТЬ», ИЛИ РУССКИЙ ПУТЬ К ГЛОБАЛИЗМУ*

А. В. Кацура

Российское возрождение: третья волна

> Для меня остается тайной, как на первый взгляд столь апатичные люди за какие-то четыре столетия от непроходимых равнин вокруг Москвы дошли до Эльбы на Западе и до Владивостока на Тихом океане, покрыв расстояние в шесть тысяч миль; как они достигли статуса сверхдержавы и на протяжении большей части нынешнего столетия приковывали к себе внимание всего мира. И тем не менее, так было на протяжении всей истории. Необычайную отсталость России отмечали все наблюдатели лишь для того, чтобы их мнения были опровергнуты небывалыми успехами, достигнутыми за счет неожиданного сочетания энергии, дисциплины и героизма. Россия, будь она коммунистическая или нет, идет вперед в своем, не похожем ни на чей, темпе.
>
> *Генри Киссинджер*

> Русь, куда ж несешься ты? дай ответ.
>
> *Николай Гоголь*

Россия осознала себя мировым фактором давно. И впервые, о чем выше говорилось, высказала это устами псковского инока Филофея. И ни разу не усомнилась в своем великом предназначении: ни во времена царей, ни во времена вождей. Почему перестройка так быстро развалила коммунистическую империю? Произошла подмена смысла, удар был не столь уж силен, но нанесен в единственно слабое место – в зазор между всемирной миссией и обывательским счастьем. И рядовой пассионарий растерялся. Вдвойне он растерялся, когда ему вновь (как 60 с лишним лет назад) шепнули: «Обогащайся!»

Что главнее – собственный дом и сад (особняк в пригороде или, на худой конец, квартира в многоэтажке), воспитание детей, мирная жизнь, почти обывательская, – или все же показать всему миру кузькину мать? Что главнее – воровать (по-русски, с размахом) или же в худой шинелишке и обмотках освобождать мир

* Окончание. Начало см. в журнале «Век глобализации». – 2008. – № 1. – С. 144–153; № 2. – С. 129–141.

(опять же с русской истовостью)? Вот это последнее не есть ли подлинный русский масштаб? Так нет ведь, все уводят народ куда-то в сторону, поют какие-то невнятные песни!

У России отняли главную и лелеемую игрушку – мессианскую идею, мечту о завоевании (освобождении, спасении) мира. Надежду предложить миру собственный (и, естественно, лучший) мировой проект. Мечту, о которой в самой России в явном виде давно никто не говорит (кроме нескольких маргиналов-лжеевразийцев и фантазеров, вещающих, что славяне породили и древних египтян, и античных греков). У публики образованной она вытеснена в глубокое подсознание, и об ее присутствии можно судить лишь по многочисленным оговоркам, опискам и проговорам политиков и разного рода культуртрегеров (пресловутые поиски русской идеи, поиски исторических персон – *лица России,* в число которых словно бы по недосмотру затесался усатый тиран, бьющий все рекорды любви народной), по множеству иррациональных поступков действующих политиков. Чечня в недавнем прошлом и Грузия сегодня – далеко не единственные, хотя и наиболее заметные ныне, примеры.

Существуют ли методы психоаналитического лечения целых наций? Хотим ли мы подобного исцеления? Принесет ли оно нам давно алкаемое блаженное спокойствие? Когда, отказавшись от химер, мы попробуем выстроить достойную жизнь для сограждан (*гражданское общество*) на тех *скромных* территориях, в которые загнала нас злая судьба в 90-е гг. ушедшего века? (Леонид Баткин иронически воскликнул по этому поводу: *допустимо ли России быть такой унизительно маленькой*? Действительно – от Кунашира и Уэлена до Печенги и Дагомыса каких-то 17 миллионов квадратных километров! Всего-то два Китая. Или две Америки – что вам больше нравится.) Итак, способны ли мы строить нормальное человеческое общество без коррупции и вранья, без масштабного национального надувательства, но и без претензий на возжигание мировых катаклизмов?

Казалось бы, как все просто. Однако вопросы остаются.

Неужто полмира действительно точит на нас зуб, и кабы не обновленное ядерное оружие да подводный атомный флот, а при нем авианосцы, песенка наша была бы спета?

Пассионарные волны

Внезапное сочетание энергии и героизма, о которых толкует бывший американский госсекретарь, напоминает нам примерно то, что Л. Н. Гумилев называл *пассионарным толчком*. Оригинальный историк-этнолог, развивая свои взгляды, любил ставить вопросы такого рода: почему норвежцы в одни времена были крутыми варягами, а в другие столетия превращались в мирных ловцов селедки? Вопрос вполне законный и требует ответа, тем более что наплывы пассионарных волн (толкающих племена к воинственным походам и прочим свершениям) испытали многие народы, большие и малые. Гумилев пытался это связать даже с миграцией биотической энергии, для чего серьезно интересовался учением Вернадского. Гумилевские теории не слишком восприняты консервативным сообществом историков и этнографов, поэтому мы вправе считать их всего лишь гипотезами, однако это никак не препятствует разглядеть в русской истории последних столетий отчетливые периоды «внезапного сочетания энергии и героизма». Это отно-

сится и к 1612, и к 1709, и к 1812 гг., и к многочисленным русско-турецким войнам, а уж к XX столетию – в полной мере.

Возникает нешуточный вопрос: сохранилось ли хотя бы немного русской пассионарной энергии, достанет ли ее на XXI в.?

Вопрос этот, безусловно, связан с тем историческим явлением, которое в некоторых работах получило название *российского Возрождения*.

Волны российского Возрождения

Красивое и столь привычное слово *Возрождение* (*Ренессанс*) на самом деле не является строгим и точным применительно даже к тому, что случилось в Италии в эпоху от Дученто до Чинквеченто, от Джотто и Данте до Микеланджело и Леонардо. Ибо в пространстве от Рима до Флоренции и Венеции реально происходило не столько возрождение античной или какой-либо иной культуры, сколько становление совершенно новой культуры (гуманистически-творческой), действительно порожденной и вдохновленной столкновением на малом пятачке животворящих культур прошлого, прежде всего христианской личностной этики и античного греческого наследия. Существенно, что это столкновение (один из характерных его моментов: Филиппо Брунеллески, реставрируя Рим, откопал античные статуи, что вызвало культурное потрясение) произошло на фоне характерной итальянской пассионарной волны, которая удерживала процесс становления гуманистической культуры на должном уровне до той поры, пока волны новой культуры не оплодотворили иные пространства Европы.

До России эти волны дошли лишь к XVIII в. Связано это было с хорошо известным нам обстоятельством – с прорубленным Петром окошком. В хлынувшем культурном потоке можно выделить любопытный момент, напоминающий Рим XV столетия: в Россию стали прибывать античные скульптуры (в основном слепки), прежде никогда не виденные. Немалая их часть украсила знаменитый Летний сад, который стал для жителей Петербурга не столько местом отдыха, сколько пространством эстетического откровения («Слегка за шалости бранил и в Летний сад гулять водил»).

В России с невиданной скоростью начала складываться гуманистическая культура, окрашенная характерной славянской чувственностью (что позже и приведет к возникновению мифа о русской душе). Это было становление новой, небывалой культуры, но мы, следуя традиции, вправе использовать привычное и такое славное слово – *возрождение*. Как и в иных землях, русское Возрождение шло волнами, приливными и убегающими. В российской истории они отчетливо заметны. Пик первой волны обозначил Золотой век (блистательную эпоху Александра Пушкина и Николая Гоголя). Пик второй волны подвел страну к удивительному Серебряному веку. Его нередко трактуют зауженно, а это было волнующееся культурное море почти без границ. Россия, недавно отсталая, вышла на мировой уровень почти по всем направлениям, а во многом и превзошла его (поэзия, театр, балет, музыка, живопись, архитектура, авиастроение и проекты космических аппаратов, радио, физиология, системные теории, генетика, учение о биосфере…). И все это, подчеркну, на фоне пассионарного прилива. Именно эту творческую волну оседлали революционные утописты-большевики, выдавая ее свершения за результаты своих ура-революционных побед. Но на самом деле именно этой волне они (по-средневековому кровожадные и схоластически тоталитарные), предвари-

тельно ее изнасиловав, умело скрутили голову, так что ко второй половине века XX она почти полностью перестала плодоносить. Символом и рубежом гибели этой великой волны можно считать: в поэзии – убийство Мандельштама, в театре – убийство Мейерхольда, в науке – убийство гениального Николая Вавилова и расцвет лысенковщины, хотя на самом деле была срезана и растоптана почти вся верхушка российского интеллекта. Преодолеть это опустошение мы не в силах по сию пору.

И вот возникает тревожный и даже страшный вопрос: можем ли мы ожидать прихода третьей волны? Вправе ли мы ожидать ее? А если вправе (сын за отца не отвечает), то должны ее ждать с пассивным смирением или же обязаны предпринять неординарные культурные (увы, и политические – в сторону подлинного народовластия) усилия по ее приходу? Возможны ли такие усилия в принципе? Чувствительны ли пассионарные и культурные волны к людским копошениям и надеждам?

Лично я полагаю, что нынешняя правящая элита России далека от понимания подобных проблем и концентрирует свои взоры лишь на близлежащих горизонтах, окрашенных скудными интересами групп и группировок.

О вертикали власти

Ах, эта пресловутая вертикаль, на эффективность которой уповают ориентированные на прошлое власти. На деле это призрачная иллюзия и старая западня. Теории управления, достаточно глубоко развитые в XX в., не интересуют иных правителей, а зря. Например, в кибернетике известен закон Эшби (доказанный как строгая теорема о необходимом разнообразии). Смысл закона довольно прост – разнообразие (количество информации) управляющей системы не может уступать разнообразию системы управляемой. В противном случае неизбежны застой и деградация. В экономике это противоречие (между ограниченным знанием управленца и морем проблем) снимается игрой свободного рынка (пусть и с кейнсианскими поправками, но не с авторитарным госпланом), а в политике – реальным народовластием. Иных выходов не существует. Вот почему в истории с неизбежностью развалились все авторитарные режимы. Только в прошлом это шло в замедленном темпе, а сейчас все летит стремительно. В управляющей верхушке накапливается неизбежный дефицит информации, сдобренный хорошей порцией дезинформации или попросту вранья. Наиболее характерный пример в истории – быстрая гибель многомиллионной империи инков при натиске пяти сотен головорезов-конкистадоров. Просто все решения – и большие, и малые – не могли миновать верховного инки (никакой самодеятельности на местах не предполагалось!), что и предопределило паралич армии и инкского чиновничества.

На нас никакие конкистадоры нападать не собираются, даже из «агрессивного» блока НАТО (вопреки дежурным воплям профессиональных запугивателей доверчивых народных масс), однако при сложившейся системе управления паралич все равно неизбежен. Вопрос лишь в одном: что случится раньше – разумный пересмотр системы управления страною (одновременно с возвратом к выборной системе) или же сползание к гниению и последующему развалу с непредсказуемым финалом?

Но всех лучше о «вертикали власти» сказал упомянутый мною Гоголь. Ему уже было ясно то, чего не слишком понимают наши нынешние правители (хотя

такое якобы непонимание их самих до поры устраивает): нарастающей пирамидой чиновников никакого серьезного дела не решишь и ничего не поправишь. Лишь что-то временное можно соорудить, пока не все разворовали.

Гоголь пишет именно по этому поводу: «Дело в том, что пришло нам спасать нашу землю; что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управления, образовалось другое правление, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия; все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстания народов, вооружался против… неправды.

…Как русский, как связанный с вами единокровным родством, одной и той же кровью, я теперь обращаюсь к тем из вас, кто имеет понятие какое-нибудь о том, что такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку».

Это заключительные строки из сохранившихся отрывков второго тома «Мертвых душ» (сожженного), фактически это завещание Гоголя нам.

Глобализм по-американски

> Подлинный мир наступит лишь тогда, когда жизнь на нашей планете станет более совершенной, более безопасной и более свободной. Вот почему мы помогаем афганцам и иракцам в построении представительской системы управления государством. Такая система будет служить лучшим чаяниям этих народов. Вот почему мы привержены идее создания глобальной, все более и более свободной системы мировой торговли, с тем чтобы в зону процветания вошли Центральная и Южная Америка, Африка и Ближний Восток.
>
> *Кондолиза Райс*

Госпожа Райс ушла вместе с Бушем. Однако мысль, ею высказанная, в значительной мере будет разделяться и нынешней администрацией. Вернемся в этой связи к проблеме полярности. Путь России к мировому господству с негодными средствами, путь с «недоуровня истории», как говорилось выше, был обречен. Вправе ли мы полагать, что путь американский – с «уровня истории» (кому-то могло недавно казаться, что даже с уровня «сверхистории») – оказался не просто эффективней, но, что важнее и принципиальнее, являет собою единственную и подлинно историческую альтернативу? Ни о каком антиамериканизме здесь речи нет. Вопрос ставится в чисто теоретической и историософской плоскости. Мне думается, что Карл Маркс, доживи он до наших дней, уже не назвал бы Америку (при всех ее достижениях) страной «на уровне истории». Кое-что в векторах американского развития вызывает настороженность. Случившийся финансовый кри-

зис эту настороженность резко усилил. Я не ставлю под сомнение их славную демократию, их высочайшие технологии, уровень жизни широких масс, их эффективность, даже то, как они решили проблемы национальных отношений. Скажу о другом. Можно считать доказанным, что американский путь развития плохо совместим (если вообще совместим) с экологическим будущим планеты. То есть сейчас-то американцы – лидеры в экологических технологиях: они очистили Великие озера, у них самые строгие в мире стандарты на питьевую воду и т. п. Но если похожим путем за ними двинутся другие народы, экологический коллапс неизбежен. Причем в не слишком отдаленном будущем. Поэтому речь должна идти уже не о некоей абстрактной демократии, а о новом и сложном синтезе демократического устройства с технологической функциональностью и экологической устойчивостью общества. А как решить этот вопрос? И можно ли его решить вне поиска новых культурных траекторий, новых духовных и нравственных ориентиров?

Если другие народы пойдут американским путем, то... Но что нам до них? Мы здесь, в России, твердо хотим достичь такого же материального благосостояния, как в Америке. Нам обидно видеть иное после стольких жертв и свершений. И цель сия открыто провозглашается (правда, уже не в виде старой формулы «догнать и перегнать», скромнее), однако некоторые трезвые головы считают, что мы объективно и на скромный вариант не способны. Между прочим, развал нашей промышленности имеет одну светлую сторону. Мы перестали тотально и варварски загрязнять несчастную окружающую среду. Но что дальше?

Существуют ли особенности у американского империализма (имперскости)? Давайте возьмем последнее слово, ибо предыдущее слишком отравлено. Что имеем? Были империи старого типа – военное доминирование, поддерживаемое относительной культурной и экономической экспансией. Ныне мы имеем возможность лицезреть имперскость нового типа – экономическое доминирование, подстрахованное военными силами и сопровождаемое культурным (отчасти идеологическим) наступлением. И что? Это путь к всемирной цивилизации?

Устойчив ли однополюсный мир? Определенно неустойчив, непременно развалится как минимум на два. Биполярный – устойчив? До поры до времени устойчив, и пример известен. Возможен ли многополюсный?

На самом деле этот вопрос открыт. Теоретически, разумеется, возможен. Это можно представить как вполне доказуемую теорему – с трендами, закономерностями и прочим. Другое дело, что многополюсный мир, по всей видимости, тоже не слишком устойчив и проявляет тенденцию скатывания к той или иной устойчивой конфигурации двухполюсного мира с непременным балластом «неприсоединившихся». Но теоретикам (политологам, геополитикам, глобалистам) достанется рабочее поле – выяснять критерии устойчивости и количество полюсов (центров силы и влияния) той или иной конфигурации, ее жизнеспособность, приемлемость, конкурентные тенденции и т. п. Во всяком случае, одну из комбинаций мы знаем из истории: Восток, Запад, а между ними протяженное поле транзита, мост длиною в десять тысяч километров (каковым и является Россия).

Если объединение мира (становление глобальной цивилизации) понимать как позитивный процесс, то это прежде всего значит – без потери культурного разнообразия, без тенденции к унификации и нивелировке (то есть через *свободу, свое-*

образие культуры и развитое *личностное начало*). Свобода, кстати, – это тот системный принцип, который объединяет все три вышеупомянутых этапа: христианское учение, искусство Возрождения, науку XVIII–XX вв. Отсюда и вопрос к веку XXI: не получается ли, что демократии как устроению общества больше всего отвечает христианство? А если так, то тогда какое – католическое, православное или протестантское? По сложившемуся мнению можно думать, что последнее (отмеченная связь протестантской этики с духом капитализма). Так это или нет, но в любом случае интересен реальный опыт Америки: свобода конфессий, мирное существование церквей и сект. Там нет единой государственной религии. При этом президент не преминет сказать: «С нами Бог!»

Кстати, о личностном начале, о человеке. Что ценнее – общий «бентамовский» успех (наибольшее счастье для наибольшего числа людей) или прорыв в точке, творческий прорыв единиц (пусть даже на фоне голода и военного разорения)? Это вопрос о выборе между ценностями элитарного или же усредненно-демократического устройства жизни. В начале III тысячелетия ответ на этот вопрос не столь однозначен.

Россия в глобальном контексте

> Два философа из гусар, начитавшиеся всяких брошюр, да не докончивший учебного курса эстетик, да промотавшийся игрок затеяли какое-то филантропическое общество, под верховным распоряжением старого плута и масона и тоже карточного игрока, но красноречивейшего человека. Общество было устроено с обширною целью – доставить прочное счастие всему человечеству, от берегов Темзы до Камчатки.
>
> *Н. В. Гоголь*

Непонятно, кого имел в виду Гоголь, описывая гусарских философов да масонов. Ну ведь не большевиков же! Откуда он мог о них (действительно, ничего толком не окончивших, но брошюр начитавшихся) знать? Ну откуда? А откуда о двухполюсном мире мог знать Алексис де Токвиль?

Мы возвращаемся к началу статьи, к удивительным пророчествам и странным совпадениям. Нам ясно, что Токвиль даже в снах своих не ведал о двух чудовищных мировых бойнях, об иссушающей мозги и сердца почти полувековой «холодной войне». Предсказывая великое будущее двух народов, француз, разглядевший в заокеанской демократии что-то очень важное, смотрел вперед легко и весело. Вообразить будущую войну между этими народами – при всей их разности – он никак не мог. И действительно, соревнование имело место, но прямого столкновения не было, не могло быть, да уже и не будет. Оно невозможно. Тогда зачем столько риторики и столько оружия? Вполне ли вменяемы политики и там, и тут? Вопрос выглядит предельно наивным, но на деле не все так просто. Время от времени слышны слова о необходимости улучшить отношения. Сейчас об этом говорит новый американский президент. Неужто все кончится благими намерениями и парой второстепенных соглашений?

А ведь США и Российская Федерация должны не холодно взаимодействовать, они должны дружить. Возможно ли это? А почему бы нет? Чего им, в сущности, делить? Зато подобная дружба могла бы устранить раздвоенность Европы, могла бы отрезвить и по-хорошему встряхнуть весь мир. Вот уж когда о процессах глобализации (объективных и исторически неизбежных) можно будет говорить не с помощью угроз и проклятий, но с позитивным историческим чувством, с ощущением надвигающихся великих перемен. (О многом в этой связи можно было бы сказать, но я упомяну лишь одно будущее мероприятие, могущее стать великим символом, – совместный полет на Марс. Это означало бы, что человечество не деградирует и не собирается осесть в болоте примитивного *обывательского счастья*, банального потребления *вещей и слов.*)

Тертый политик здесь усмехнется: все это отдает наивной утопией. Но я, проскакивая тяжкие этажи политики и геополитики, гидравлики сил и процедурной дипломатии, скажу о другом. Пространство взаимодействия, среда для связи существуют давно – это поле высокой культуры. Как часто подчеркивают различия между Россией и Америкой и как редко говорят о сходстве! Например, почему-то мало замечают глубинное родство литературы двух народов. Николай Гоголь и Эдгар По родились в один год. Лев Толстой и Марк Твен в один год покинули наш мир. Практически современниками были Фолкнер и Платонов, Хемингуэй и Пастернак, Стейнбек и Солженицын. Великая американская литература вторила великой русской. Это говорит о многом, если глядеть непредвзято. В прекрасном духовном поле давно уже все готово для сотрудничества.

Не стану здесь размышлять об американской позиции, скажу о другом. На мой взгляд, нынешняя политика России важной исторической тенденции, связанной с возможной третьей волной *российского Возрождения*, увы, не соответствует. Почему?

О чем мыслят руководители страны?

Я не знаю, о чем они думают, а речам их доверяю не слишком (уверен, в этом я не оригинален). Более того, если эти строки случайно попадутся на глаза кому-либо из руководства страны, то они не очень удивятся критическому настрою автора. Они сами и знают, и чувствуют, что их прилюдные речи отражают лишь часть реальности, что неизбежно влечет искажение общей картины (не станем употреблять такое неприятное слово, как «вранье»; политика умеет деформировать действительность даже без всякого вранья, одним, скажем, умолчанием). Но ведь это вовсе не означает, что они не хотят улучшить ситуацию. Несомненно, хотят. Только как это сделать? Как понять, какая траектория отвечает духу истории? Хор галдящих и шепчущих советников (явных и тайных) насыщен энтропией, его результирующая близка к набору банальностей, окрашенных псевдопатриотизмом и групповыми интересами, то есть близка к нулю. Как в этом случае осмыслить и определить стратегию страны? Как подняться над диктатом групповых, ведомственных и частных интересов? Какая нужна ясность взора и какая воля!

Замечательный писатель и философ-мистик Даниил Андреев писал в середине прошлого века: «Знаменательно, что именно религиозные конфессии, раньше всех провозгласившие интернациональные идеалы братства, теперь оказываются в арьергарде всеобщего устремления ко всемирному. Возможно, в этом сказывается характерное для них сосредоточение внимания на внутреннем человеке, пренеб-

режение всем внешним, а ко внешнему относят и проблему социального устроения человечества. Но если вглядеться глубже, если сказать во всеуслышание то, что говорят обычно лишь в узких кругах людей, живущих интенсивной религиозной жизнью, то обнаружится нечто, не всеми учитываемое. Это возникший еще во времена древнеримской империи мистический ужас перед грядущим объединением мира, это неутолимая тревога за человечество, ибо в едином общечеловеческом государстве предчувствуется западня, откуда единственный выход будет к абсолютному единовластию, к царству “князя мира сего”, к последним катаклизмам истории и к ее катастрофическому перерыву». Он писал эти слова в сталинской тюрьме, и режима страшнее, неукротимее и непобедимее, нежели безбожная коммунистическая тоталитарная империя, он и вообразить не мог.

Но если бы Даниил Андреев вглядывался в современный мир, в том числе и во все еще богатую и деятельную, но уже весьма проблемную страну за океаном, он все равно повторил бы эти суровые слова – о мистическом ужасе перед грядущим объединением мира. Такова вечная диалектика жизни.

И если мы здесь, в сегодняшней России, по-прежнему ощущаем где-то в глубинах какой-то древний завоевательский порыв, то ведь мы смотрим на него куда как мягче и деликатней, нежели нахмуренные глаза наших ближних и дальних соседей. И как убедить этих типов, что мы их завоевать хотели для их же пользы, а вовсе не для своей? Нам, вечным вселенским пролетариям, разве чего-нибудь надо? Кроме цепей, разумеется.

РОССИЯ В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИНЯЛА. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОССИИ ЗА СИТУАЦИЮ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ*

Г. Ю. Ситнянский

Россия является становым хребтом так называемой евразийской общности славянских и степных народов. Однако нынешние процессы этнических миграций в Евразии, так называемый «переток с юга на север», создают угрозу для будущего этой общности. Трудовые мигранты из расположенных южнее стран Средней Азии прибывают в Россию, Казахстан и Киргизстан, вытесняя попутно титульное население Казахстана и Киргизстана далее на север, в Россию. Помимо всего прочего, есть опасность проникновения в Евразию в составе трудовых мигрантов носителей радикально-исламских идей. Эта опасность отчасти уже реализуется в Казахстане, Киргизстане и в ряде российских регионов. Автор предлагает комплекс социальных, экономических, политических, демографических и т. д. мер с целью остановить этот процесс, который угрожает необратимыми демографическими и цивилизационными сдвигами в Евразии.

Россия – становой хребет Евразийской славянско-степной общности народов. Об этом писали авторы-евразийцы еще в 1920-х гг., и при всем неприятии их антизападной, антилиберальной и антидемократической риторики (впрочем, характерной не для всех из них – такие авторы, как П. М. Бицилли[1], Р. Я. Евзеров[2], Ф. А. Степун[3], Г. П. Флоровский[4], доказывали, что приверженность европейским ценностям вполне совместима с представлениями о России как об органическом славянско-степном синтезе) автор полностью согласен с их взглядом на Россию как на таковое единство и сам неоднократно призывал к евразийской интеграции России, Украины, Белоруссии, Казахстана и Киргизстана[5].

Между тем нынешние миграционные процессы в Евразии могут иметь серьезные геополитические последствия для ее будущего. Примерно с 2000 г. обозна-

* Статья написана при поддержке РГНФ, грант № 06-01-00134а.

[1] Бицилли, П. М. Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская – М., 1993. – С. 279–291.

[2] Евзеров, Р. Я. Евразийские идеи в контексте эволюции СНГ // Переходные процессы. Проблемы СНГ / отв. ред. Т. Т. Тимофеев. – М., 1994. – С. 122–139; Он же. Евразийский выбор России // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.evraz-info.narod.ru.

[3] Степун, Ф. А. Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – М., 1993. – С. 307–327.

[4] Флоровский, Г. П. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. – С. 237–265.

[5] Ситнянский, Г. Ю. Проблемы реинтеграции бывшего СССР в свете исторических судеб Евразийской цивилизации // Вестник Евразии. – 1996. – № 2(3). – С. 161–170.

чился громадный геополитический процесс, который можно охарактеризовать как «переток с юга на север». Он настолько серьезен, что все его составляющие нуждаются в отдельном рассмотрении.

Так, с юга в Южный Киргизстан (а теперь отчасти и в Северный) «перетекают» узбеки и таджики, они теснят киргизов. Правда, первоначально они приезжают как гастарбайтеры, нанимаясь к киргизам, например, на уборку хлопка, но постепенно многие из них оседают совсем.

Так, в одном из сел Ляйлякского района Баткенской области (население села – 11 тыс. человек) уже обосновались 66 семей (то есть 300–400 человек)[6], и это только постоянно обосновавшиеся – гастарбайтеров зачастую вообще никто не считает.

Вызвано это тяжелыми (даже по сравнению с очень бедным Югом Киргизстана) условиями жизни в Узбекистане и Таджикистане, по крайней мере в сельской местности, и густонаселенностью соседних с Южным Киргизстаном районов. Так, в узбекской Фергане плотность населения еще десять лет назад составляла 140–150 человек на км^2 – самый высокий показатель в СНГ и один из самых высоких в мире[7], а в соседнем с упомянутым выше селом Ляйлякского района таджикском селе живет 54 тыс. человек примерно на такой же территории – в пять раз больше, чем в этом селе[8]. Кстати, и в России, по крайней мере в Пензенской области, до 40 % всех узбекских гастарбайтеров составляют выходцы из Ферганской долины, а сами узбеки – 53–56 % всех приезжих из стран СНГ (здесь и далее сведения, на которые автор ссылается без указания источников, основаны на материалах поездок автора в Саратовскую область в 1999 и 2006 гг., в Пензенскую область в 2007 г. и в Киргизстан в 2000, 2004 и 2007 гг. – *Г. С.*).

Самая высокая заработная плата в Узбекистане, по сообщениям узбекских гастарбайтеров (осень 2007 г.) – 125 000 сум (2500 р.). Это в Ферганской долине, в Хорезме еще меньше – 1400–1500 р. Но главное – режим Каримова в Узбекистане не дает дехканам (крестьянам) реализовать свою продукцию по рыночным ценам, заставляя сдавать ее по фиксированным, а продажа плодов своего труда в соседний Киргизстан карается жестокими санкциями, причем не только государственными, но и общественными, а именно – махаллинским (махалля у узбеков – нечто вроде старого русского «мира») судом с последующим публичным позором. При этом материальное положение «виновного» значения не имеет – автору рассказывали, например, о матери-одиночке с пятью детьми, с которой обошлись таким образом. Не имеет значения и то, что при этом все необходимое для себя, от продуктов до горюче-смазочных материалов, дехкане приобретают по рыночным ценам. Стоит ли удивляться, что многие фермеры бросают свое фермерство, так как с каждым годом зарываются в долги, чтобы расплатиться, уезжают опять-таки на заработки?[9]

Например, регистрация собственности в Киргизстане в среднем занимает 15 дней, тогда как в Узбекистане – 97 (это, конечно, в среднем, попадались мне и в Киргизстане случаи, когда собственность регистрируется по десять лет. – *Г. С.*). Вообще, по западным данным, ВВП на душу населения в Узбекистане упал за

---

[6] Пожарский, В. Юг, который мы теряем // *Дело №...* – 2007. – 5 декабря. (Здесь и далее курсивом выделены использованные автором киргизстанские издания, незнакомые российскому читателю. – *Г. С.*)

[7] Затулин, К. Ф., Грозин, А. В., Хлюпин, В. Н. Национальная безопасность Казахстана: проблемы и перспективы. – М., 1998. – С. 14.

[8] Пожарский, В. Указ. соч.

[9] Куда катится Узбекистан, или несколько слов о ситуации в кишлаках Ферганской долины. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 23 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/ article.php?id=5420

1999–2003 гг. с 650 до 420 долларов, тогда как в Киргизстане за те же годы вырос с 300 до 330 долларов[10]. В 2005 г. душевой ВВП Киргизстана составлял уже 500 долларов, в 2007 г. – 590, тогда как Узбекистана – соответственно 530 и 730[11]. Таким образом, если киргизстанский душевой ВВП почти удвоился, то узбекистанский вырос на 12 %. При этом «скачки» узбекистанского ВВП вверх и вниз заставляют относиться скептически к официальной статистике, из которой, очевидно, и почерпнуты эти сведения.

Среди тех, кто ищет заработка в киргизстанском государстве, преобладают, как и следовало ожидать, жители Ферганской долины – самого близкого к Киргизстану региона. Но дело не только в географической близости, но и в особо тяжелых социально-экономических условиях. Если в Узбекистане в целом уровень безработицы, вопреки официальным данным, составляет 20 %, то в Ферганской долине – все 30 %. Вот еще одно сообщение о жизни в Ферганской долине, приведенное агентством «Фергана.ру». Некто Мухтар, побывавший в одном из кишлаков Ферганской долины («Названия кишлака не скажу, хотя во всех кишлаках одинаковая ситуация»; вообще, анонимность среди узбеков, сообщающих о тяготах жизни – нормальное явление), «не смог удержаться и решил написать». Приводим выдержки из его письма:

«…Сами кишлаки превращаются в развалины, напоминают отдельные аулы в степях, в то время как в городах вовсю строятся ненужные объекты. Проблема с водой, газом, электричеством, хотя вовсю кричат, что мы – самая газифицированная страна в СНГ. Когда-то во всех кишлаках был клуб, общественная баня, общественная библиотека и здание сельского совета. В данный момент все эти здания проданы, снесены, чтобы продать стройматериалы. На их местах – развалины…

Смертность среди населения растет, люди умирают от сердечных приступов часто. Растет количество самоубийств, часто мужчин, у которых много долгов и они никак не могут прокормить семью… Сколько людей умерло за полгода, когда население кишлака не такое уж большое…» Неудивительно, что в мечети, куда рассказчик зашел на молитву по случаю религиозного праздника, он встретил только стариков и детей, остальные уехали на заработки в Россию и Казахстан[12].

Не все, конечно, уехали из кишлаков, ищут узбеки работу и дома: группы поденных рабочих (мардикоров) можно встретить во всех городах и селах Узбекистана. С раннего утра, готовые к любому, самому тяжелому и низкооплачиваемому, труду, они выстраиваются по обочинам дорог, поджидая заказчиков. Но если дневной заработок мардикора в Узбекистане составляет максимум три-четыре доллара в день, то на киргизских полях (а в Киргизстан едут в основном работники сельского хозяйства) – 7–8 долларов. Не российские, конечно, заработки (в той же Пензе на стройке можно заработать до 600–700 долларов в месяц), но все же… Кроме того, киргизские фермеры обеспечивают узбекских гастарбайтеров бесплатным горячим питанием. Раньше последнее было и в Узбекистане, наемных работников полагалось кормить если не трижды в день, то хотя бы обедом, но вот уже лет десять как этого нет.

---

[10] Мы и они. Узбекистан // Вестник ИСИТО. – 2004. № 2. – С. 12–13.

[11] Интернет-ресурс. Режим доступа: http://web.worldbank.org/WBSITE/EXTERNAL/ DATASTATISTICS/0,, contentMDK:20535285~menuPK:1192694~pagePK:64133150~piPK:64133175~theSitePK:239419,00.html

[12] Куда катится Узбекистан, или несколько слов о ситуации в кишлаках Ферганской долины. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 23 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/ article.php?id=5420

Основной источник заработка для узбекских сельскохозяйственных рабочих в Киргизстане – хлопок. Так было и в 2007 г. При этом, в то время как Узбекистан уже громогласно заявил о выполнении плана по сдаче хлопка, в сельских районах горной Киргизии в середине октября только приступали к его сбору. Недавно фермеры Базар-Коргонского района Джалал-Абадской области направились в Узбекистан, чтобы набрать наемных работников для сбора урожая, с которыми они сотрудничают уже не один год. Многие из них уже нанимали граждан Узбекистана начиная с ранней весны.

Однако теперь, похоже, им придется собирать урожай без умелых рук узбекских хлопкоробов: по прибытии на границу киргизским фермерам официально сообщили, что администрация Пахтаабадского района Андижанской области запретила гражданам Узбекистана участвовать в сборе урожая хлопка в соседней Киргизии.

И Пахтаабадский район – не исключение. По информации работодателей из Киргизстана, а также источников из Ферганской и Андижанской областей Узбекистана, узбекистанцам, которые игнорируют требования властей и все же отправляются на заработки за границу, местные власти отключают электричество и газ. Для фиксации подобных «незаконных» передвижений на пограничных постах кроме милиции и таможенников присутствуют и представители местных хакимиятов (администраций). Из сказанного ясно, что инициатива явно не местная, а, скорее всего, исходящая из центра. Кстати, для борьбы с «незаконными торговцами», едущими в Киргизстан, еще с 2004 г. помимо милиции использовались отряды «краснопалочников», то есть дружинников, только название заимствовано из 1920-х гг., из эпохи борьбы с басмачами.

Мотив запретов: Узбекистан – региональная «великая держава», бесспорный лидер, так что зазорно его гражданам ехать зарабатывать в какой-то Киргизстан. Непонятно, правда, почему же это «великий» Узбекистан не может обеспечить своим гражданам доходы хотя бы такие, как в «каком-то» Киргизстане (где поденщики – «мардикеры» – получают в среднем в полтора-два раза больше узбекских).

Все это происходит в то время, когда официально продолжает действовать утвержденное правительствами обеих стран соглашение о безвизовом пересечении границы. Граждане обеих республик могут, согласно этому соглашению, легально и беспрепятственно находиться на территории соседнего государства до 60 дней.

«Если и дальше к нам не будут пропускать людей (рабочих из Узбекистана. – *Г. С.*), то наш урожай просто пропадет, а соседи не смогут заработать денег», – беспокоились осенью 2007 г. киргизские фермеры[13]. Однако куда хуже другое, и не только для Киргизстана.

Если подобная политика получит дальнейшее развитие, например применительно к России, Казахстану и т. д., то что станут делать гастарбайтеры? Едва ли они останутся дома, поскольку необходимость заработать никуда не исчезнет, а дома явно много не заработаешь. Скорее, будут декларировать при пересечении границы какие-то иные цели, как делает уже и сейчас большинство среднеазиатских мигрантов в России. Так, в Сердобском районе Пензенской области из приехавших за январь – сентябрь 2007 г. 115 узбеков ни один официально не заявил, что приехал с целью работы, а в Нижнеломовском районе это сделали только семеро

[13] Власти Узбекистана запрещают поденщикам подрабатывать на территории Киргизии. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 16 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.fergana.ru/article.php?id=5405

узбеков из 41. В Кузнецком районе из 36 узбеков и таджиков, приехавших работать, конкретная работа указана только у 9 и т. д. А еще больше гастарбайтеров будут просто вынуждены оставаться в России, Казахстане, Киргизстане навсегда.

Уже в 2004 г. отдельные узбеки перебирались в южнокиргизские области насовсем – они арендовали участки у киргизов, которые, будучи по менталитету скотоводами, не всегда склонны сами обрабатывать землю. Пока этот процесс не принял массового характера. Так, в 2002–2006 гг. в три южнокиргизские области (Баткенскую, Джалал-Абадскую и Ошскую) прибыло на ПМЖ 1555 человек из Узбекистана и Таджикистана, а в г. Бишкек и Чуйскую область – 1944[14], причем неясно, все ли они узбеки и таджики (о переселении из Таджикистана киргизов я еще скажу). Но, во-первых, как мы уже видели, далеко не все мигранты учитываются, даже в России с ее неизмеримо большими возможностями учета и контроля, а что говорить о Киргизии!

А во-вторых, как уже говорилось, в связи с упоминавшимися изменениями в политике Узбекистана в отношении трудовых мигрантов ситуация может и измениться, и не только в Киргизстане. Во многих российских областях, как уже говорилось, тоже узбекские мигранты преобладают. В качестве примера – опять же Пензенская область.

Так вот, что будет, если число «невозвращенцев»-узбеков возрастет? А оно и сейчас немаленькое. Мне пришлось осенью 2007 г. в Пензенской же области сталкиваться с узбеками, которые, проработав много лет в России, решили вернуться домой. Эпопея с их возвращением достойна романа в стиле Кафки, однако более интересно то, как они устроились на родине. Вот рассказ одного из них.

Сначала, пока он распродавал оставшиеся от работы в России автозапчасти, жить было можно. Но вот запчасти кончились, а работы нет. Одно время он устроился заместителем директора издательства, но это – «одна слава, что замдиректора» – оклад, эквивалентный 1200 российским рублям. Зато два месяца в году необходимо было отработать на хлопке при дневной норме сбора 10 кг. Пожилые женщины, которых было большинство среди сотрудниц, не могли выполнить ее, за что рассказчик неоднократно получал нагоняи в хакимияте.

Вообще это норма – женщины работают в полях с 8 до 17 часов за 3–3,5 тыс. сумов (60–70 р.) в день (данные опять же по Фергане, в других регионах Узбекистана по приводившимся пропорциям плата может быть ниже, поскольку, как уже говорилось, в Хорезме, к примеру, заработная плата составляет примерно 60 % от ферганской). Когда одна семья, нанявшая четырех женщин, пожалела их и немного переплатила, это вызвало нарекания соседей: зачем, мол, подняли ставку. Работают в поле и пенсионеры (получая 74 сума, то есть 1 р. 48 коп. за килограмм), и дети («хотя б один килограмм собрал – хоть что-то»). Дети уже забыли, что такое игры – кто-то отвечает за баранов, кто-то за совсем маленьких братьев и сестер и т. д.[15]

Но больше работать просто негде: в Коканде стоят все предприятия, кроме нескольких молочных заводов и одной швейной фабрики, совместных с Россией. В соседнем Андижане, например, легче – там функционирует филиал фирмы «Daewoo». А зарабатывать надо. Так, у матери рассказчика пенсия 28 000 сум (560 р.), при этом день в больнице стоит 17 000. А в бесплатной больнице – «заболеешь еще больше», например зимой простудишься. Женщина сама выписалась

[14] Демографический ежегодник Кыргызской Республики. – Бишкек, 2007. – С. 351–352, 356, 359.

[15] Куда катится Узбекистан, или несколько слов о ситуации в кишлаках Ферганской долины. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 23 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/ article.php?id=5420

пораньше, еще не поправившись, чтобы не разорять сына. Для сравнения: в России он, хоть и иностранец, получил страховой полис и 24 дня пролежал в больнице с воспалением легких. «В Узбекистане я за 24 дня, наверное, без дома бы остался!» – восклицает он. И действительно, упоминавшийся нами Мухтар говорит о могиле дочери школьного учителя 1985 г. рождения, у родителей которой не оказалось денег на ее лечение от желтухи[16].

В итоге рассказчик вернулся в Россию. «И хочется домой, – говорит он, – но что там делать, где работать?» Вернулся без денег, без машины, квартиру его уже сдали другим. Но и тут без вида на жительство тяжело – своего предприятия не откроешь, приходится на других оформлять. Он сам, например, оформил так индивидуальное частное предприятие по пошиву чехлов для мебели. Он очень признателен местной жительнице, согласившейся оформить его на себя, и друзьям-армянам, которые помогли ему.

Короче говоря, узбекам приходится перебираться к северным соседям на более или менее далекие расстояния – от соседнего Южного Киргизстана до далекой России. В результате уже есть угроза, что узбеки, составляя большинство в Южной Киргизии, со временем возьмут ее «в пользование». Уже сейчас на юге Киргизстана постепенно растет доля узбекского населения – это единственная нетитульная этническая группа, доля которой в населении Киргизстана неуклонно возрастает с 1959 г. Так, с 1959 по 1989 гг. по данным соответствующих переписей населения доля узбеков выросла с 10,4 % в 1959 г. до 12 % в 1989 г., а в настоящее время уже находится на уровне минимум 15–16 %, превысив долю русских. Вопрос о том, в какой мере этот рост связан с естественным приростом, а в какой – с притоком мигрантов из Узбекистана, остается открытым.

В прессе Киргизстана уже обсуждается «косовский» вариант для юга. Правда, тут же следуют две оговорки. Во-первых, киргизстанским политикам, дескать, не свойственно разыгрывать карту сепаратизма в своих интересах. Ну, это возражение из серии «не может быть, потому что не может быть никогда». Второе возражение серьезнее: проживающие на юге узбеки совсем не хотят присоединяться и себя с Узбекистаном не ассоциируют[17]. Это действительно так, автор сам неоднократно в этом убеждался, но останется ли это обстоятельство в силе, если власть в Узбекистане поменяется?

А ведь последнее весьма реально. Вышеописанный произвол каримовского режима и его отдельных чиновников толкает узбеков в объятия исламских радикалов. Помимо чиновничьего произвола, в Узбекистане имеет место – и толкает народ туда же – и преследование верующих. Так, в Навоийском областном управлении СНБ (КГБ) в первой половине октября 2007 г. недели две допрашивали всех местных жителей, посещающих мечеть Косим Шейх, после того, как в священный месяц Рамазан несколько десятков человек провели в мечети «ночь могущества и предопределения». При этом допрошенным «советуют» не ходить в мечеть, а молиться дома. Каждая машина, припарковавшаяся в эти дни возле мечети, фиксируется сотрудниками компетентных органов, многих пришедших вычисляют именно по номерам машин[18].

---

[16] Куда катится Узбекистан, или несколько слов о ситуации в кишлаках Ферганской долины. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 23 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/ article.php?id=5420

[17] Малеваная, Д. Территория «икс» // *Моя столица – новости*. – 2007. – 2 ноября.

[18] Узбекистан: проведя ночь в мечети, верующие рискуют оказаться в СНБ. Сообщение информагентства «Фергана.ру» от 19 октября 2007 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.ferghana.ru/ news.php?id=7441&mode=snews

В Пензенской области мне довелось слышать рассказ ферганского узбека (по понятным причинам опять-таки не представившегося) о том, как режим Каримова преследует своих подданных и обвиняет в «исламском экстремизме», например, за пятикратное посещение мечети, и тогда я счел это преувеличением. Но после прочтения сообщений агентства «Фергана.ру» мне ясно, что если это и преувеличение, то не очень большое.

Набирает силу «Хизб ат-Тахрир аль ислами» (далее – ХаТ) – организация, созданная еще в 1953 г. и ставящая своей задачей ни много ни мало свержение всех без исключения мировых правительств как «шайтанских» и создание «Всемирного Исламского Халифата». Правда, они формально выступают за мирные методы борьбы и даже осуждают других исламистов (того же бен Ладена, например) за насилие, но одна только форма их организации – каждый ее рядовой член знает только свою пятерку и непосредственного начальника – наводит на совсем иные мысли. Да и сотрудничество с формально осуждаемыми ваххабитами, как одно время неправильно было принято называть сторонников бен Ладена, налажено у них в Южной Киргизии по крайней мере до уровня областных духовных управлений.

Так вот, еще в 2000 г. ХаТовцы говорили мне, что у них 10 000 сторонников в Джалал-Абаде и «треть всего узбекского населения» (то есть тысяч тридцать) в Оше (областные центры Юга Киргизстана). С тех пор процесс продолжает развиваться. На конец 2007 г. в Ошской области насчитывалось около 70 человек, искавших политического убежища, по большей части из Узбекистана. Это официально, неофициально их, по данным правозащитных организаций, в разы больше, просто они не обращаются в миграционные службы, так как одни не верят, что можно получить статус беженца, а другие надеются скоро вернуться. Но, немного «придя в себя», перебежчики с Юга спешат на Север Киргизстана, подальше от границы и поближе к инстанциям, в том числе и международным[19]. Сколько среди них ХаТовцев, неясно, но, думается, немало.

Удивительно ли, что с 2000 г. они существенно усилились и сейчас активно действуют в Киргизстане в целом. Уже в 2001 г. из 2000 действовавших мечетей только 921 прошла официальную государственную регистрацию, и вообще традиционный ислам в Киргизстане постепенно сдает позиции ХаТ и им подобным. Сплошь и рядом красивые новенькие мечети строятся рядом с «разваливающимися от бесхозяйственности» школами, а то и на их месте, и это рассматривается многими в Киргизии как вызов светскому просвещению. Сплошь и рядом арабские, например, инвесторы в экономику Киргизстана ставят в качестве условия возведение в районе приложения инвестиций N-ного числа мечетей[20]. И больше половины из них – неофициальные. А чьи же?

Итак, уже в 2004 г. ХаТ разбрасывал листовки в Караколе (центр Иссык-Кульской области), значительно возросла его активность в Токмаке (столичная Чуйская область). Рассчитана эта активность в основном – ввиду упоминавшейся уже относительной слабости ислама у киргизов – на местное уйгурское и дунганское население. Держатся также упорные слухи о подготовке исламистами боевиков: например, по некоторым сведениям (проверить которые у меня не было возможности), в Григорьевке (северо-восточное побережье Иссык-Куля) исламисты обучают местную молодежь восточным единоборствам. Причем если в 2000 г.

[19] Приютили – и на том спасибо // *Вечерний Бишкек*. – 2007. – 19 ноября.
[20] Чериков, С. Беспроцентный ислам // *Слово Кыргызстана в пятницу*. – 2007. – 30 ноября.

«Хизб ат-Тахрир» в своих листовках открыто критиковал только правительство Каримова в Узбекистане, то в 2004 г. впервые появились открытые выпады и против руководства Киргизстана. «Эй, киргизстанские начальники, – так буквально было написано в одной из их листовок, – вы с кровопийцей Каримовым одной веревочкой повязаны!»

Идут аресты ХаТовцев и в Таласской области. А накануне выборов 16 декабря 2007 г. (на момент написания статьи еще не состоявшихся) ХаТовцы начали внедряться в те или иные политические партии, говоря, например, кандидатам от них: «Если ты хочешь, чтобы за тебя голосовала наша махалля, то обещай проводить в жизнь исламские принципы». Пресса отмечает и совпадение интересов части киргизстанской оппозиции с ХаТ[21]. Не гнушается последняя и прямыми провокациями. Так, недавно в Бишкеке, Караколе и ряде мест Юга кем-то были разбросаны листовки с призывом проголосовать за партию «Эркин Кыргызстан» («Свободный Киргизстан») и установить исламское государство. Лидер этой партии отмежевался от листовок, сейчас идет разбирательство[22].

Весной 2005 г., как известно, состоялось восстание в Андижане. Специалист-исламовед Ширин Акинер из Лондона при опросе самых разных людей, от по определению не симпатизирующих режиму Каримова местных правозащитников до работников тюрьмы, которую атаковали повстанцы, пришла к выводу, что это был не спонтанный бунт, а хорошо организованное выступление[23].

Восстание было подавлено, но причины, толкающие народ в объятия ХаТа, с тех пор никуда не делись, скорее усилились. Так вот уже тогда ХаТ разбрасывала листовки в Павлодаре, русском по преимуществу городе Северного Казахстана, обвиняя Каримова в зверском подавлении восстания и гибели 10 000 человек при официальной цифре погибших 250 (по данным самих повстанцев – 1500), причем Ш. Акинер, на мой взгляд, достаточно убедительно доказывает, что первая цифра ближе к истине. О росте религиозного экстремизма говорит и нападение весной 2007 г. на баптистского пастора киргиза Сарыгулова в Джалал-Абаде.

Все эти процессы вызывают и «переток» киргизов с Юга на Север, каковой начал вызывать опасения у киргизстанского истеблишмента еще с 2000 г.[24], а после «тюльпановой революции» 2005 г. значительно усилился, что прослеживается по областям в данной таблице.

Таблица

Год	Ошская область	Джалал-Абадская область	Баткенская область
1	2	3	4
2002	866 человек (425 киргизов, 441 узбек)	610 человек (265 киргизов, 344 узбека, 11 таджиков)	429 человек (265 киргизов, 138 узбеков, 26 таджиков)
2003	641 человек (331 киргиз, 310 узбеков)	438 человек (183 киргиза, 249 узбеков, 6 таджиков)	347 человек (153 киргиза, 176 узбеков, 18 таджиков)

[21] Груздов, Ю. Не следует недооценивать религиозных экстремистов // *Моя столица – новости*. – 2007. – 2 ноября.

[22] Он же. Черная грязь… // *Моя столица – новости*. – 2007. – 7 декабря.

[23] Иванова, А. Андижан: взгляд британского эксперта // Сообщение информагентства «UzReport.com» от 19 июля 2005 // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://news.uzreport.com/andijan.cgi&lan=r&id=20465

[24] Акимов, Т. Язык в аспекте безопасности // *Московский комсомолец в Кыргызстане*. – 2000. – 7–14 декабря.

Окончание табл.

1	2	3	4
2004	756 человек (404 киргиза, 352 узбека)	687 человек (337 киргизов, 344 узбека, 6 таджиков)	413 человек (279 киргизов, 111 узбеков, 23 таджика)
2005	1799 человек (1236 киргизов, 563 узбека)	1501 человек (895 киргизов, 598 узбеков, 8 таджиков)	1093 человека (800 киргизов, 164 узбека, 129 таджиков)
2006	3318 человек (2557 киргизов, 761 узбек)	3404 человека (2032 киргиза, 1361 узбек, 11 таджиков)	1482 человека (1180 киргизов, 226 узбеков, 176 таджиков)
Всего	7380 человек (4953 киргиза, 2427 узбеков)	6640 человек (3712 киргизов, 2886 узбеков, 42 таджика)	3654 человека (2667 киргизов, 715 узбеков, 272 таджика)

Всего за 2002–2006 гг. с Юга выехало 17674 человека, из них 11332 киргиза, 6028 узбеков и по двум областям 314 таджиков[25].

А теперь сопоставим эти данные с данными по Таласской области, откуда в 2006 г. официально выехало 566 человек на ПМЖ[26] и 2000 на заработки (в том числе 900 в Казахстан, а остальные – в Россию), а в 2007 г. на заработки, по моим подсчетам, выехало 4–5 тыс. человек. Получается, что при таких пропорциях в 2002–2006 гг. на заработки должно было выехать из трех южных областей примерно 70 тыс. человек, из них 30 тыс. за один 2006 г., а в 2007 г. – от 60 до 80 тыс. При этом при росте оттока представителей всех этносов среди выезжающих непрерывно растет доля киргизов – от 45–60 % в 2002 г. до 60–80 % в 2006 г.

Помимо России и Казахстана, южане перебираются и на Север Киргизстана. Еще тогда, в 2000 г., высказывались опасения, что этот приток населения не может не осложнить положение и на Севере[27]. И действительно, немалую роль в известных событиях конца марта 2005 г. в Бишкеке сыграли как раз выходцы с Юга – неприкаянные, не имеющие в значительной части ни нормального жилья, ни нормальной работы, они стали весьма удобным «человеческим материалом» как для «тюльпановой революции», так и особенно для связанных с ней погромов. Сейчас же, по некоторым данным, начался захват этими переселенцами с Юга участков земли под Бишкеком. При этом надо учесть, что выходцы с юга более исламизированы, чем северяне, хотя по меркам оседлой Средней Азии тоже слабо.

Так вот, по некоторым данным, в 2005–2006 гг. в селах Чуйской области действовали официальные или полуофициальные разнарядки, сколько переселенцев с Юга должно принять то или иное село (в среднем по одной семье на 100–150 дворов). Так что в прессе Киргизстана южан уже сравнивают с Кокандским ханством, завоевавшим Северную Киргизию в 1820–1830-х гг., – так, мол, и они завоевали «окультуренный русскими Север». Во всяком случае, недвижимость в Бишкеке и окрестностях теперь покупают в основном южане[28]. Растет их влияние и во властных структурах, да и как бы иначе могли действовать установки на прием такого-то числа южан северными селами?

[25] Демографический ежегодник Кыргызской Республики. – С. 366–367, 371.
[26] Там же. – С. 372.
[27] Акимов, Т. Указ. соч.
[28] Чериков, С. И от родичей не спрятаться, не скрыться… // *Дело №…* – 2007. – 14 ноября.

Уезжают киргизы и из Таджикистана. Например, из контролировавшегося в 1990-х гг. исламистами Джиргатальского района (где киргизы составляли большинство) еще до 2000 г. выехало 11 000 лиц киргизской национальности, причем причины выезда достаточно прозрачны: контролировавшие этот район силы Объединенной таджикской оппозиции (то есть исламистов), например, заставляли киргизов молиться по пять раз в день, а их женщин – носить паранджу. Так вот, из них 7000 перебрались на север и только 4000 поселились в окрестностях Оша.

Это все, в свою очередь, нарушает и без того хрупкий этнический баланс между киргизским и «русскоязычным» населением и в Северном Киргизстане. Численность русских, украинцев и немцев только с 2001 г. по начало 2006 г. сократилась с 611 до 528 тыс.[29], к началу 2007 г. – до 510,5 тыс., а, например, в Таласской области осталось чуть более 6 тыс. (менее 3 % населения), в Джалал-Абадской – чуть более 12 тыс. (чуть более 1,2 %), в Ошской – вообще 0,15 % (2 тыс. из 1,3 млн)[30].

И оттоком европейцев дело не ограничивается. Едут на заработки в Россию и Казахстан и сами киргизы. В странах СНГ их официально насчитывается 700–800 тыс.[31], а, например, в одной Москве – до 150 тыс.[32] А только с января по апрель 2007 г. гражданами России стали 30 000 киргизстанцев[33]. При этом надо учесть, что не все уехавшие попадают в статистику.

Едут дунгане – например, после дунганских погромов весной 2006 г. в с. Искра Чуйской области несколько сот их переехало в Россию, в основном в Саратовскую область, и в Казахстан.

Однако «переток» в Россию тюрков-степняков в рамках евразийского единства – дело обычное. Уже во времена Владимира Мономаха кипчаки в массовом порядке переселялись на Русь, крестились и т. д. А вот массовый «переток» оседлых мусульманских народов, дунган в том числе, – явление необычайно новое. Раньше они переселялись только в отдельные регионы, например бухарцы (узбеки и таджики) в Западную Сибирь в XVI–XVIII вв.

Сейчас в Пензенской области 14 000 выходцев из СНГ, 53–56 % из которых, как уже говорилось, составляют узбеки. В Татарстане 36 000 среднеазиатских мигрантов, в Башкирии – 30 000, а в Самарской области каждый 14-й житель – мигрант, в основном из Средней Азии.

Уже сейчас поступают сообщения о зачистках органами ФСБ организаций ХаТ в Татарстане, Башкирии, Чувашии, Оренбуржье (а также украинскими силами безопасности в Крыму. – *Г. С.*) или о том, что еще одна радикально-исламская организация – «Исламский Джамаат» – готовила взрывы на праздновании тысячелетия Казани в 2005 г.[34]

Напомню, что огромные пространства Поволжья ниже Нижнего Новгорода, Причерноморья, Предкавказья, Южного Урала, Южной Сибири геополитически

---

[29] Социальные тенденции Кыргызской Республики. – Бишкек, 2007. – Вып. 2. – С. 23.

[30] Демографический ежегодник Кыргызской Республики. – С. 103–107.

[31] Сушкова, Ю. Маркус Мюллер: Границы исчезают // *Моя столица – новости*. – 2 ноября. – 2007.

[32] Мешкова, Е. Раимкул Аттокуров: Соединяем интересы страны и людей // *Моя столица – новости*. – 2007. – 9 ноября.

[33] Каландаров, В. Как удержать человека с чемоданом // *Слово Кыргызстана в пятницу*. – 2007. – 2 ноября.

[34] Ульянов, В. Точка невозврата уже близка // Земляки (приложение к журналу «Социальная защита»). – 2007. – № 8. – С. 34–36.

представляют собой единое евразийское степное целое с Казахстаном и плавно переходят в него, четкой границы между славянской и степной частями евразийской общности нет и никогда не было. Тем опаснее, если эта территория окажется во власти чуждых евразийской общности сил. На российско-казахстанской (скажем) границе они не остановятся.

Автор еще десять лет назад предупреждал о геополитических последствиях такого сценария развития событий, о том, что в предельном варианте от России может остаться только то, что было до взятия Иваном Грозным Казани. Правда, тогда в качестве главной причины такого возможного сценария я указывал не «переток» узбеков и таджиков, а угрозу настоящей, глубокой исламизации казахов и киргизов[35]. Но, во-первых, с геополитической точки зрения результат будет тот же, а как именно произойдет смена слабо исламизированного евразийского населения на настоящее мусульманское, не суть важно, а во-вторых, второй процесс тоже идет: «перетекающие» на Север южные киргизы более исламизированы по сравнению с северными, хотя все равно недостаточно по сравнению с узбеками и таджиками. И вот уже на намазе Орозо-Айт в Бишкеке в 2007 г., по неофициальным данным, присутствовало от 110 до 123 тыс. человек, вдвое больше, чем в 2006 г.[36] Ну а рост за последние три года на улицах киргизских городов числа женщин в хиджабах, мужчин в фесках и с бородами и т. д. виден и невооруженным глазом, хотя их доля все равно невелика по сравнению с основной массой киргизского населения.

При этом надо еще учесть, что США и их союзники пока хоть как-то удерживают талибов в Афганистане, и вспомнить, что в 1999–2000 гг., до оккупации Афганистана странами НАТО, исламисты с каждым годом все активнее вторгались и в Ферганскую долину, включая и киргизскую ее часть, и в Южный Узбекистан, и на 2001 г., по ряду данных, планировалось еще более масштабное вторжение. Надо учесть, что диктатура П. Мушаррафа сдерживает исламистов в Пакистане – стране, население которой превышает российское. Нетрудно просчитать последствия падения светского правительства в Пакистане и весьма возможного ухода войск НАТО из Афганистана для Евразии. Последствия крушения евразийского пространства «до Казани» примут характер глобальной геополитической катастрофы.

Между тем проблема не только в том, что подобный вариант развития событий привел бы к весьма негативным последствиям для самой России, хотя с точки зрения прагматического подхода к политике эта причина, безусловно, должна быть главной. Но кроме того, Россия, как страна, цивилизовавшая эти народы, европеизировавшая их, повязанная с ними огромным количеством экономических, культурных, этнических, цивилизационных и т. д. уз, – Россия, перефразируя известную фразу Сент-Экзюпери об «ответе за тех, кого приручили», отвечает за тех, кого она к себе приняла. Речь идет, понятно, не обо всех народах бывшей Империи, но о тех, кто в свое время вошел в ее состав добровольно, то есть о евразийских народах, к каковым относятся и казахи, и киргизы.

Что же делать?

Во-первых, надо обратить самое серьезное внимание на то, что евразийское пространство «пустеет» своими исконными обитателями – славянами и степняка-

---

[35] Ситнянский, Г. Ю. Откуда исходит угроза единству России // Азия и Африка сегодня. – 1997. – № 12. – С. 36–39.

[36] Маликов, К. Религиозный фактор – опасность или подпорка в государственном строительстве? // *Слово Кыргызстана в пятницу*. – 2007. – 26 октября.

ми. Не только русское население в том же Киргизстане сокращается – во многих районах сокращается и киргизское. Так, в Чуйском (Токмакском) районе Чуйской области многие села опустели, только за первые 9 месяцев 2007 г. из района выехало на заработки 2500 человек, в том числе 1676 из самого Токмака, тогда как за весь 2006 г. – 933 (из них 254 – в Россию и 650 – в Казахстан; по району за 2006 г. данных нет). В Араванском районе Ошской области в селах остались только те мужчины, у которых нет денег доехать даже до Казахстана, а в основном – женщины, дети и старики. Рабочих рук осталось так мало, что во многих районах Юга даже некому косить сено, и его возят с Севера. Пустое место занимают, как мы уже видели, таджики и узбеки, они наряду с выходцами из Китая (сами китайцы, дунгане, уйгуры), турками и курдами составляют те группы нетитульного (некиргизского) населения, доля которого в общем населении страны растет, а не сокращается.

Так вот, необходимо повышать рождаемость в самой России; пока она низкая, процесс «перетока с юга на север» будет продолжаться. Как это сделать, автор уже писал, здесь повторю вкратце. Поощрение рождаемости без ограничений необходимо только в регионах с очень низкой рождаемостью, скажем, со средним количеством детей в семье менее двух, а в других регионах – только до третьего ребенка, тогда как в регионах с избыточной рождаемостью, скажем, со средним количеством детей в семье более четырех (хотя эти цифры берутся здесь условно, в реальности их должны определять профессиональные демографы), за «избыточных» детей, напротив, должны вводиться санкции, аналогичные китайским[37].

Из этого не следует, что Россия не должна, ***во-вторых***, делать все от нее зависящее, чтобы поддерживать стабильные и обеспечивающие нормальное развитие режимы в странах региона. Тот же Казахстан как раз дает пример такого режима, в результате в страну возвращаются многие казахи из России и других стран, включая тех, кто, например, в Саратовской области жил еще в советское время. Возвращаются и многие уехавшие русские, – та же Саратовская область еще в 1999 г. была забита уехавшими из Казахстана, теперь эта проблема куда менее актуальна. В перспективе Казахстан в принципе может даже перехватить у России лидерство в Евразии[38].

А вот с каримовским Узбекистаном надо быть посдержаннее. После подавления восстания исламских радикалов в Андижане в мае 2005 г. Россия и Узбекистан резко улучшили свои отношения. Да и раньше Россия многое прощала Каримову как борцу с исламским экстремизмом, как прощает ему сейчас многое (например, изгнание американских военных баз со своей территории) и Запад – по той же причине.

Но как бы ни был настроен режим Каримова бороться с исламскими радикалами, если он своей политикой, с одной стороны, толкает свой народ в объятия этих самых радикалов, а с другой – выталкивает его на север, в Евразию, то впору вспомнить поговорку о «друзьях, с которыми никакие враги не нужны». Другое дело, что реальной неэкстремистской альтернативы Каримову сейчас, пожалуй, нет, поэтому надо действовать методом воспитания. И на всякий случай совместно

---

[37] Ситнянский, Г. Ю. О пределах стимулирования рождаемости в России // Новая страна. – 2006. – № 1 (12 июня).

[38] Подробнее см.: Он же. Новый старший брат? Сообщение информагентства «АПН-Казахстан» от 27 апреля 2006 г. // Интернет-ресурс. Режим доступа: http://www.apn.kz/authors/author502.html

с Казахстаном и Киргизстаном укреплять совместную южную границу. Для начала неплохо было бы прислушаться к доводам той части киргизского истеблишмента, которая призывает вернуть для охраны рубежей своей страны российских пограничников.

В-третьих, необходимо помнить и о том, что политической стабильности не будет без стабильности экономической. Между тем основное традиционное занятие киргизов – экстенсивное кочевое скотоводство – исчерпало себя, пастбища республики не в состоянии нормально прокормить более 8 млн голов овец. К концу советской эпохи поголовье последних достигало 13–14 млн, что поставило пастбища не грань необратимой экологической катастрофы. Непродуманные рыночные реформы привели к тому, что к 1998 г. поголовье сократилось до 1 млн овец, но затем оно снова стало расти и сейчас достигает уже 4 млн. В 2006–2007 гг. в ряде регионов снова начали использоваться заброшенные было дальние пастбища. И что будет, когда поголовье снова перейдет критический рубеж в 8 млн (такими темпами это произойдет лет через десять), если уже и сейчас сотни тысяч людей не могут устроиться в Киргизии и едут в Россию и Казахстан? Выход, на наш взгляд, в интенсификации скотоводства по технологиям австралийско-новозеландского образца: в результате использования данных технологий Новая Зеландия, занимая площадь на 35 % больше Киргизстана (269 тыс. км^2), может содержать 70 млн голов овец. О конкретных мерах по интенсификации, которые, по моему мнению, могут быть применены, я говорил в своей работе, посвященной киргизскому сельскому хозяйству, со ссылкой на непосредственно занимавшихся этой проблемой специалистов[39]. И без содействия России, вероятно, и тут не обойтись.

Вообще отрадно, что Россия экономически внедряется в Киргизстан, обеспечивая работу многих отраслей его промышленности. Так, сейчас ведутся переговоры о выкупе Россией 37 % (государственного пакета) акций ОАО «Дастан» (предприятие по выпуску подводных лодок)[40] (по другим данным, государственный пакет составляет 32 %, но в случае признания незаконной приватизации 20 % акций может вырасти до 52–57 %, то есть до контрольного пакета). Скупаются (через компанию «Газпромнефть» и другие) бензозаправки. Россия собирается участвовать в строительстве Камбар-Атинской ГЭС и т. д.

Далее, ***в-четвертых***, пора наконец делать все зависящее от России, чтобы духовное влияние радикального ислама нейтрализовалось влиянием европейской культуры. Вспомним, что еще в 1762 г. казахи просили Екатерину II «оградить их от пропаганды ислама и обратить в православие»[41]. Просьбы неоднократно повторялись в дальнейшем, например в 1837 г., когда казахи Среднего Жуза просили «мечетей не заводить, ахунов и указных мулл не определять»[42]. Проводить политику христианизации местного населения советовали Ч. Ч. Валиханов[43], М. И. Венюков[44], В. А. Липский (последний называл киргизов «племенем дарови-

[39] Ситнянский, Г. Ю. Сельское хозяйство киргизов. Традиции и современность. – М., 1998. – С. 193–196.
[40] Солтоева, А. Перетягивание каната // *Вечерний Бишкек*. – 2007. – 9 ноября.
[41] Krader, L. Peoples of Central Asia. – Bloomington-Hague, 1963. – P. 127.
[42] Тихонов, Т. За Уралом – в Сибири // Русский вестник. – 1897. – № 4, 7.
[43] Валиханов, Ч. Ч. О мусульманстве в степи / Ч. Ч. Валиханов // Сочинения. – Алма-Ата, 1961. – Т. 1. – С. 524–529.
[44] Венюков, М. И. Россия и Восток. – СПб., 1868. – С. 158–160.

тым, чуждым мусульманской инертности и мертвенности, способным к [европейской] культуре»)[45] и т. д.

Однако эти призывы не были услышаны ни тогда, ни позднее. Сейчас ситуация, безусловно, иная, и надо действовать по-другому. Для начала, например, России не мешало бы присоединиться к демаршу Европы и США, осудивших администрацию Киргизстана за фактический запрет проповеди «нетрадиционных религий»[46].

В-пятых, необходимо в корне пересмотреть геополитическую концепцию. США и их союзники в действительности отнюдь не заинтересованы в распаде России на отдельные составляющие по очень простой причине: почти все эти «составляющие» будут поглощены отнюдь не дружественными Западу силами – Китаем и исламскими радикалами. Отношение США к территориальной целостности России изменилось бы в том случае, если бы им удалось заполучить контроль над нашим ядерным оружием – тогда они могли бы предотвратить попадание постсоветского пространства под власть указанных сил и при распаде России, экономически же им легче иметь дело с отдельными государствами, чем с великой державой[47]. Но уж если США не удалось заполучить контроль над нашим ядерным оружием в 1990-х гг., то теперь тем более не удастся.

Понятно, нашим «борцам за несвободу» (по выражению Е. Евтушенко), вроде А. Дугина и М. Леонтьева, Запад ненавистен именно как родина уважительного отношения власти к «простому» человеку – здесь впору перефразировать известную римскую пословицу: «Скажи мне, кто твой враг, и я скажу, кто ты». А вот исламский экстремизм с его отрицанием демократии, поскольку надо «управлять народом, а не идти у него на поводу»[48], им очень симпатичен как естественный союзник в борьбе с демократиями.

Этим, очевидно, и объясняется дурная российская внешнеполитическая традиция, начавшаяся примерно с 1815 г., – поддерживать любые силы, враждебные Атлантическому Западу. Такая политика неоднократно кончалась плохо для России, однако желающих ее продолжать и сейчас немало, даже несмотря на то, что сейчас, с концом эпохи «европоцентризма», эти антиатлантические «друзья» вполне могут угрожать самому существованию России, каковой угрозы раньше все же не было. Связана такая политика с классовыми интересами «борцов за несвободу» – представители обреченной, уходящей системы всегда готовы пожертвовать своей нацией ради спасения своего класса. Применительно к Дугину автор об этом уже писал более подробно[49].

Возразят, что это Запад идет на конфронтацию, в частности создает систему ПРО у наших границ. Но вспомним: в первый путинский срок усиление и укрепление страны не мешало ей оставаться демократической. Главное же – Россия тогда не считала Запад неким «абсолютным злом», в борьбе с которым хороши любые союзники. Сегодня М. Леонтьев готов объявить военное присутствие США в

---

[45] Липский, В. А. По горным тропам Русского Туркестана // Известия РГО. – 1907. – Т. 42. – С. 91–236.

[46] См.: Михайлов, Г. Миссионерам вход воспрещен // Независимая газета. – 2009. – 19 января.

[47] Делягин, М. Г. Возмездие на пороге. Революция в России: когда, как, зачем. – М., 2007.

[48] Байматов, А. А. Великие библейские тайны и их божественное раскрытие пророком ислама: числа 666, князя Михаила, Антихриста и второго пришествия Христа. – Бишкек, 1997. – С. 91–92.

[49] Ситнянский, Г. Ю. Геополитика классовая против геополитики национальной // Русский журнал (электронное издание). – 2004. – 22 октября.

Афганистане частью «холодной войны» против России. Некоторые другие «борцы за несвободу» договариваются до того, что обвиняют США в поддержке исламских радикалов (того же ХаТ) против режима Каримова. Очевидно, уже имеющихся проблем с Ираком, Ираном, Афганистаном американцам мало, им надо, чтобы исламские радикалы победили еще и в Узбекистане!

А вот в 2001 г. Россия поддержала действия США по разгрому «Талибана», после которого, как уже говорилось, прекратились вылазки радикальных исламистов на южных рубежах СНГ, имевшие место в 1999–2000 гг.

И в отношениях со странами СНГ наметился прорыв: в мае 2003 г. был подписан договор о Едином экономическом пространстве – впервые с участием Украины (но без Киргизстана, что я тогда же назвал ошибкой). А вот после того, как власть начала «закручивать гайки» (одна отмена выборов губернаторов чего стоит!), и чем дальше, тем громче зазвучали голоса «борцов за несвободу», – и в странах СНГ пошли «цветные революции», и отношения с Западом резко ухудшились.

Между тем еще в 2000 г. бывший премьер Казахстана А. Кажегельдин призывал к интеграции стран СНГ на демократической основе: поскольку Россия – самая демократическая страна в СНГ, то ей необходимо поднимать знамя борьбы не за права русских в бывших республиках СССР, а за права человека вообще. Объективно это на 80 % все равно будет борьба за права русских, но такой подход не оттолкнет от России местное население, скорее наоборот[50]. Итак, ***в-шестых***, демократизация страны для начала хотя бы до уровня 2003 г., а ***в-седьмых*** – стремление к евразийской интеграции на демократической, правозащитной основе.

И ***наконец***, необходимо бороться с монополизмом. Низкая рождаемость в стране объясняется, помимо всего прочего, и тем, что дорожает жилье, и вот уже квартира в Москве стоит в разы дороже виллы на Адриатическом море или Золотых песках (написано до кризиса, примечание марта 2009 г. – *Г. С.*). А теперь уже дорожает не только жилье; все это – результат монополизации жилищного, а теперь чем дальше, тем больше и остального рынка друзьями и родственниками номенклатуры.

Это, в свою очередь, стало результатом отсутствия достаточного уровня демократии и контроля над властью со стороны гражданского общества, способного противостоять номенклатурному беспределу. Так что необходима демократизация и демонополизация не только политическая, но и – в первую очередь! – экономическая. Иначе Россия вполне может еще при жизни нынешнего молодого поколения совсем исчезнуть с лица земли. А вместе с ней – и евразийская общность. А вместе с последней – и геополитическое равновесие на материке Евразия и во всем мире.

[50] Кажегельдин, А. Правозащитная империя // Известия. – 2000. – 12 апреля.

РОССИЙСКОЕ ЭХО МИРОВОГО КРИЗИСА

С. А. Шаракшанэ

Аналитических материалов на тему кризиса много, постараемся не повторять общеизвестного. Главное – малоизвестное и практически не осмысленное – падение российских олигархов: и как владельцев капиталов, и как руководящей и направляющей силы общества, какой они были после КПСС.

Завладев по итогам приватизации крупнейшими состояниями, российские олигархи, как хорошо известно, не стали заниматься подъемом российского производства, его модернизацией, а включились в худшие механизмы мирового финансового капитализма. Поэтому когда он рухнул и остановились те механизмы, рухнули и многомиллиардные состояния «наших». Но это – часть события. Другая часть в том, что наши олигархи сегодня должны за границей полтриллиона долларов – им западные банки до сих пор охотно давали кредиты, поскольку все были убеждены в устойчивости цен на нефть, то есть в платежеспособности российских заемщиков. С приходом кризиса банки-кредиторы потребовали денежки, их отдавать было неоткуда, только по процентам в этом году надо отдать 200 млрд долларов, олигархи побежали за помощью к Кремлю, и именно в этом контексте понятны слова помощника Президента РФ А. Дворковича: «Власть хочет видеть от бизнеса принятие ответственности на себя. Сейчас не нужно бегать к государству за помощью. Государство помощь не окажет. Никого спасать не будем. Нужно брать на себя ответственность и работать более эффективно» (27 февраля 2009 г., Красноярский форум). Справедливые слова, но почему-то датированные не 2000 г.: то есть, надо понимать, все последние восемь лет и бегали к государству за помощью, и получали ее, и государство спасало определенный круг лиц, а сейчас оно решило прекратить такую практику.

Слово «социализм» зазвучало во всех странах – не в смысле сталинского социализма, а в смысле вмешательства государства в финансовый произвол, который довел планету до катастрофы. Банковская финансовая целесообразность – краткосрочная и среднесрочная – очень сильно расходится с коренными интересами стран и их населения, и это можно до поры до времени терпеть, но пришел момент обрушения, и государства вынуждены предпринимать действия, по природе своей социалистические: госрегулирование в экономике, национализация крупнейших субъектов рынка, искусственное сохранение рабочих мест и т. д. Мы дожили – надо же! – до мировой социалистической революции, только производимой не пролетариатом и не пролетарскими партиями, а самими буржуазными правительствами стран.

Вот и у нас буквально «кричат» задачи для немедленного вмешательства госрегулирования, задачи, от которых до сих пор отворачивались макроэкономисты-монетаристы: надо ломать ситуацию, когда основа экономики – сырьевой экспорт,

надо модернизировать производство на основе высоких технологий (ничего этого на практике частные владельцы предприятий не делают, хотя в новостях про это говорится много), надо круто повернуть курс на импортозамещение, надо шестой части суши стать, наконец, главным экспортером сельхозпродукции (тем более что мировые цены на нее кратно взлетают), а не быть территорией некошеных трав, непаханных полей, разрушенных скотных дворов, деревень-призраков и т. д.

Но ничего этого сейчас государство делать не может – некогда: кризис зажал в тиски других срочнейших задач. Во-первых, за долги, взятые ранее на Западе российскими частными владельцами, вот-вот может уйти из российской собственности вся стратегическая промышленность страны, поэтому власть с головой ушла в дела проблемных предприятий и срочно национализирует убытки. Во-вторых, как хорошо известно, принятый (в благих целях предотвращения ухода капиталов за рубеж) высокий процент банковского кредита лишил возможности промышленные предприятия взять кредит, что грозит реальному сектору российской экономики скорой кончиной. В-третьих, на улице оказалось уже 6 миллионов безработных, они идут в магазин, а цены там взлетают, поскольку все импортное привязано к доллару, а доллар подскочил в полтора раза, то есть социальная среда нагревается. То есть никаким госрегулированием государство заниматься не может, латая в пожарном порядке пробоины национального значения.

А ведь вспомним: на момент конца президентства Путина говорилось, что срочные проблемы политической стабилизации, оставшиеся после ельцинского правления, не дали возможности заниматься сверхважными для страны задачами, такими как демография (продолжается отток населения из Сибири и Дальнего Востока, теперь за Уралом у нас меньше одного человека на км^2; для сопоставления: сразу за границей, в Китае, – более 300 человек на км^2), транспортная инфраструктура и т. д. и т. п. Сейчас тот судьбоносный список отодвинулся даже не на второй, а на третий план – власти уж совсем не до него.

Но, может быть, самая срочная задача – изменение архитектуры власти, то есть власти без влияния олигархов. Это – совершенно новое! При Ельцине олигархи ногой открывали двери в Кремле и в правительстве и заставили власть ежегодно уменьшать долю социального в бюджете страны (что фактически было государственным переворотом, поскольку по Конституции у нас «социальное государство»); Путину удалось повернуть эту тенденцию вспять, он отодвинул олигархов от власти, но увы: они по-прежнему имели прямую трубу из бюджета в свой карман, поскольку их состояние, как хорошо известно, все два срока Путина увеличивалось на треть в год – беспрецедентно на фоне всей планеты! Сегодня олигархи идут с протянутой рукой к власти и с мольбами о помощи, то есть их влияние на власть завершается, олигархи как экономический и политический противовес всему народу отпадают, и какова же теперь архитектура власти? К этому никто не готов, то есть властные коридоры заняты неожиданными и сложнейшими «дворцовыми» интригами и перестановками, которые всегда в истории государства российского имели решающее значение для судеб страны. Кстати, в том числе и весь тщательно продуманный комплект смысла при переходе президентской власти от Путина к Медведеву также неожиданно и кардинально изменился, но вдаваться в это не будем.

Самое во всем этом важное – фатальная необратимость! Не вернется вчерашнее благополучие! Если по поводу цен на нефть есть ожидания, что они вновь поползут вверх, то по поводу мирового финансового кризиса можно смело сказать: он не кончится никогда! Или по-другому: кризис кончится, но с полным изменением мировой экономики, и никак иначе. Преодолеть кризис – это значит убрать на будущее глобальный финансово-спекулятивный характер мировой экономики, экономики мыльных пузырей. Тут сократим изложение и отошлем читателя к прекрасным аналитическим материалам, их сейчас изобилие. Скажем лишь, что основная схема роста мировой экономики за счет кредитования населения (что, в частности, сделало США 40-процентным потребителем в мире, что довело размер мировой ипотеки до 10 трлн долларов и т. д.) уперлась в потолок, то есть в невозврат кредитов, и рухнула, в этом виде данная схема больше возродиться не сможет, а значит, мировой экономике предстоят кардинальные изменения. И спекулятивные финансовые инструменты, делающие возможными планетарные мыльные пузыри (за последние двадцать лет, например, общая задолженность США выросла с 11 до 48 трлн долларов, то есть сами США – один большой мыльный пузырь с ядерным оружием), также должны быть изъяты из мировой практики, что явно не произойдет легко и скоро. Иными словами – вернемся к российской действительности, – власть олигархов, которые были полпредами в нашей стране мировой финансовой спекуляции, у нас завершилась нежданно, молниеносно, необратимо и без народной революции.

Знает ли наша власть, что в этой ситуации делать? Судя по множеству заявлений, которые не подтверждались буквально через два-три месяца, – нет. Судя по тому, что триллионы, направленные на преодоление последствий кризиса, за полгода так и не дошли до промышленных предприятий (что обнажилось на февральском Красноярском экономическом форуме), – нет. Судя по тому, что эти триллионы переведены в доллары и прибыль качается элементарно за счет изменения курса доллара, и власть ничего не может с этим поделать, – нет. Кстати, не в этом ли причина, что нам изо дня в день повторяют: кризис затянется, это надолго? Так власть пытается выиграть люфт для овладения ситуацией. Впрочем, растерянность власти – не чисто российское явление, во всем мире правительства не имеют стратегии по выходу из кризиса, а срочно предпринимаемые меры не срабатывают.

По крайней мере в качестве первоочередного нужно предотвратить «ба-бах»: облегчить положение без вины терпящего бедствие народа, то есть сделать так, чтобы принятые ранее социальные программы работали в полную меру, а малый бизнес удержал бы достаточное количество рабочих мест. Увы! Бюрократическая опухоль, гипертрофированно выросшая в предшествующие годы, заблокировала эти естественные меры. Сейчас в печати цитируются слова президента Национального резервного банка Александра Лебедева (сказанные им в передаче «Си-Эн-Эн»), что за годы правления Путина бюрократия разворовала 500 млрд долларов. Можно ли быстро преодолеть этот коррупционный бастион, который кратно снижает социальный эффект от государственных социальных программ и от малого бизнеса? Этот госаппарат, сделавший в предшествующие годы ментальный поворот на обслуживание олигархов, на идеологию монетаристского управления, не сможет в короткие сроки перейти на идеологию госрегулирования в интересах страны и большинства населения.

Что же делать? «Дайте мне точку опоры, и я переверну мир». Для преобразований, которых требует от власти как нынешний поворот планеты в целом, так и поворот нашей страны, нужна точка опоры. Может быть, она в твердом характере первых лиц политики? Разумеется, мы на них надеемся. Но события последнего полугодия показывают, что очень многое из самого важного выходит из управления, несмотря ни на какую твердость характера капитанов политики. Следовательно, точка опоры должна быть также политической, а не только хара́ктерной! Это – социал-демократия. Социал-демократия – политический курс в интересах трудового большинства населения, но без насилия, репрессий, лагерей, штыковых атак; это курс, признающий рынок и частную собственность, курс социального компромисса. Поразительно, что в России сочли целесообразным иметь милицию, в четыре раза по численности превосходящую армию, но не иметь социал-демократическую политическую инфраструктуру. Парадоксы здесь бросаются в глаза. Социал-демократическую партию России, прошедшую восьмилетнюю дистанцию становления – что бесценно, – Минюст полтора года назад не перерегистрировал (то есть закрыл) за якобы неисполнение численных параметров. Само это решение спорно, так как проверка в городах происходила так: днем звонили по списку по домашним телефонам, если телефон не отвечал, фамилию из списка вычеркивали. В результате из 45 субъектов Федерации, как это нужно по закону, недосчитались численности лишь в одном, то есть чуть-чуть недобрали до необходимых 50 тыс. членов партии. И что же? Сейчас вдруг разрешили занизить требование до 40 тыс. членов – но ряды-то партии уже разорены! Можно посчитать это мелкой накладкой или чьей-то мелкой недоработкой, если бы «подножка» не была сделана в стратегической для страны точке – той самой точке опоры, опираясь на которую можно было бы вводить госрегулирование в важнейших сферах жизни страны, преодолевая тотальное сопротивление чиновного аппарата. Нам нужна мощная линия социал-демократии в российской политике, а иначе выхода два: либо по инерции продолжать монетаризм, который для нас, как уже ясно, гроб с музыкой, либо дожидаться петуха и топора.

Не так давно, с исчезновением социалистического лагеря, люди удивлялись: ну надо же, капитализм победил на всей планете! Неужели социализм настолько нежизнен, а капитализм настолько отвечает глубинной человеческой природе? И вот, пожалуйста: перед нами смрадная пасть транснационального капитала – доигрались. Человечество увидело сталинский социализм – и отвергло его, увидело спекулятивно-финансовый капитализм и сегодня отвергает его. Но третьего не дано! Значит, конвергенция – наше будущее. Наряду с понятием «государственный капитализм» надо будет осваивать нечто похожее на «государственный социализм», когда социал-демократическую политику проводит не только партия, а само государство, но с опорой на развитую социал-демократическую политическую инфраструктуру в обществе.

Как мы в России, в российских коридорах власти сделаем этот поворот, да еще в условиях цейтнота – сначала в осознании, а затем в практике, в политике, – вот вопрос!

ЧЕЛОВЕК: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СВОБОДА СОВЕСТИ КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ. НА ПУТИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЕДИНСТВУ И РЕШЕНИЮ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

С. А. Бурьянов

Статья посвящена рассмотрению феномена свободы совести как глобальной общечеловеческой ценности. Затрагиваются вопросы влияния реализации свободы мировоззренческого выбора на трансформации политических систем, ценностных ориентаций и как следствие – на возможность поиска решения глобальных проблем. Автор исследует теоретико-правовые аспекты и анализирует основные направления совершенствования нормативно-правовой базы реализации свободы совести в контексте глобализации. Предлагаются инновационные подходы на основе перехода к новой парадигме свободы совести, обосновывается необходимость признания и соблюдения на национальном и международном уровнях принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

Большинство отечественных и зарубежных правоведов относят провозглашение свободы совести к важнейшим завоеваниям человечества. Они признают, что свобода совести является неотъемлемым компонентом общечеловеческих ценностей, основных демократических прав и свобод человека.

Таким образом, по достоинству оценен вклад гуманистов эпохи Возрождения и Реформации, деятелей Просвещения, создателей первых либеральных конституций в XVIII–XIX вв., международных организаций в XX в. (в первую очередь ООН) в дело теоретической разработки и правового оформления принципов свободы совести.

Эти принципы формировались в драматических коллизиях и противоборствах, зачастую жестоких и даже кровавых. Постепенно, начиная с античности, начали вырабатываться принципы гуманных взаимоотношений с инаковерующими, инакомыслящими, и по мере исторического развития в общественном сознании утвердилось понимание необходимости религиозной терпимости, свободомыслия, правовой защиты людей, придерживающихся различного мировоззрения[1].

[1] Бурьянов, С. А. Правовые основания, сущностное содержание и гарантии свободы совести // Государство и право. – 2001. – № 2. – С. 21.

Подразумевается, что материальное и духовное процветание общества, гражданский мир и согласие возможны лишь там, где человек не только на словах, но и на деле становится высшей ценностью, а его права и свободы – смыслом и назначением государства. Уважение к человеку, признание его достоинства, самоценности, свободы мысли, совести и поведения становится главной предпосылкой успешного развития общества.

Однако в силу ряда причин, и прежде всего недостаточной научной разработанности, практическая реализация вышеупомянутых декларируемых принципов сталкивается с серьезными проблемами как в России, так и в других государствах мира. Об этом говорится в материалах Института свободы совести – независимой научно-исследовательской организации, созданной в 2002 г.[2]

Серьезной проблемой является тот факт, что нормативно-правовая база законодательства для реализации провозглашенных прав и свобод человека в сфере свободы совести посвящена, следуя двухвековой мировой исторической традиции, осуществлению идеала религиозной свободы и прав верующих в их институциональном выражении.

Фактически в системе права имеет место подмена декларируемого права каждого индивида на свободу совести корпоративными правами верующих.

Религиозные объединения традиционно являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира, вследствие чего не только нарушаются права религиозных меньшинств, «размывается» целый ряд демократических конституционных принципов, подавляется свобода мировоззренческого выбора, но, вероятно, упускается шанс отдельными государствами и мировым сообществом в полной мере использовать возможности глобализации и найти достойный ответ ее вызовам.

Однако определение, сущностное содержание и значение формирования правового механизма реализации права на свободу совести до настоящего времени в полной мере не оценено и сводится к «специальному» регулированию деятельности религиозных объединений.

В связи с вышеизложенным представляется актуальным междисциплинарное исследование направлений совершенствования правового механизма реализации права на свободу совести и определения его значения в контексте глобализации.

Большинство исследователей признают, что сегодня, в XXI в., понятия «глобальность», «глобализация», «глобалистика» являются некой основой для понимания современного состояния и перспектив человеческой цивилизации.

По словам М. А. Чешкова, «термин “глобальность” играет в современном общественно-научном словаре роль ключевого, кодового понятия. Оно означает широкую совокупность процессов и структур, соотносимых с явлениями взаимозависимости, взаимопроникновения и взаимообусловленности в планетарных рамках, результат которых – возникающая целостность бытия человечества»[3].

---

[2] См.: Бурьянов, С. А., Мозговой, С. А. Проблема реализации свободы совести и тенденции в отношениях государства с религиозными объединениями. – М.: Институт свободы совести, 2005.

[3] Чешков, М. А. Глобалистика: предмет, проблемы, перспективы // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 129.

По мнению А. И. Уткина, «глобализация – слияние национальных экономик в единую общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала, коммуникационном сближении, планетарной научной революции; для нее характерны межнациональные социальные движения, новые виды транспорта, телекоммуникационные технологии, интернациональная система образования»[4].

А. С. Панарин считает, что глобализация – это «процесс становления единого взаимосвязанного мира, в котором народы не отделены друг от друга привычными протекционистскими барьерами и границами, одновременно и препятствующими их общению, и предохраняющими их от неупорядоченных внешних воздействий»[5].

На рубеже 60–70-х гг. зарождается глобалистика, под которой А. Н. Чумаков понимает «научное направление, сферу междисциплинарных исследований, в рамках которого различные научные дисциплины и философия в тесном взаимодействии с политикой и культурой выявляют всевозможные аспекты глобализации и ее последствий, формулируют соответствующие теоретические выводы и практические рекомендации»[6].

В докладах Римского клуба «Пределы роста», «За пределами роста» и в теоретических трудах его создателей предмет глобалистики неразрывно связан с глобальными проблемами, угрожающими самому существованию человечества.

В настоящее время увеличивается количество исследований, посвященных глобальным проблемам, и как следствие – интерпретаций этих проблем. По словам И. И. Лукашука, «глобальные проблемы представляют собой особый вид социальных проблем, характеризующихся планетарным масштабом»[7]. В качестве основных он выделяет следующие: проблемы мира и безопасности; распространения ядерного, биологического и химического оружия; сохранения окружающей среды; истощения природных ресурсов; здравоохранения, науки, культуры; борьбы против организованной транснациональной преступности; проблема народонаселения[8]. С. В. Дубровский выделяет «три основные проблемы, требующие немедленного решения: сокращение военных расходов и конверсия военной экономики, сохранение окружающей среды ради выживания, переход к решительным действиям против нищеты и отсталости»[9].

Однако общим местом большинства публикаций, в которых рассматриваются перспективы мировой цивилизации, стало признание того факта, что глобальные проблемы несут угрозы самому существованию человечества.

---

[4] Глобалистика. Энциклопедия / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.: Центр научных и прикладных программ «Диалог»; Радуга, 2003. – С. 181.

[5] Там же. – С. 183.

[6] Чумаков, А. Н. Метафизика глобализации. Культурно-цивилизационный контекст. – М.: Канон+, 2006. – С. 41.

[7] Лукашук, И. И. Глобализация, государство, XXI век. – М., 2000. – С. 7.

[8] Там же. – С. 6–7.

[9] Дубровский, С. В. Путеводитель по глобальному моделированию // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 171.

Таким образом, глобальные проблемы ставят на повестку дня вопрос выживания человечества, что требует более прочного экономического и политического единства с целью поиска путей к устойчивому развитию.

В свою очередь эффективная интеграция с целью решения проблем требует не только пересмотра комплекса национальных приоритетов и инфраструктур, но и уступки как минимум части национального суверенитета в пользу мировых структур[10].

Лига Наций, сформировавшая концепцию коллективной безопасности, была первым шагом в этом направлении. Вторым шагом стала Организация Объединенных Наций (ООН). Были предприняты объединенные действия в целом ряде областей: прав человека, образования, здравоохранения, сохранения мира и безопасности, сельского хозяйства, защиты окружающей среды и др.

К сожалению, меры, предпринимаемые международными организациями для достижения более тесного политического единства, оказались недостаточно эффективными, а цели, выдвинутые в Уставе ООН, оказались недостижимыми.

Если экономическая, технологическая, коммуникационная и пр. интеграции достаточно успешны, то политическая интеграция не без оснований считается проблемным местом глобализации.

В очень значительной мере многие глобальные проблемы так или иначе взаимосвязаны с разрывами между экономической интеграцией и политической дезинтеграцией. Например, социальные проблемы вытекают из небывалого роста производства благ и их крайне неравномерного распределения.

Лондонский журнал «Экономист» еще в октябре 1930 г. писал: «Главная трудность нашего поколения... заключается в том, что наши достижения в экономической сфере настолько опередили наши успехи в политической жизни, что экономика и политика никак не могут идти нога в ногу друг с другом. В экономическом плане мир организован в единую всеохватывающую систему деятельности. В политическом плане он не только по-прежнему разделен на десятки суверенных национальных государств, но и, наоборот, национальные единицы все больше мельчают, число их увеличивается, а национальное самосознание становится более обостренным. Возникшая между двумя противоположными тенденциями напряженность порождает целую серию сотрясений, антагонизмов и катастроф в социальной жизни человечества...»[11]

В указанном контексте глубинные причины разразившегося сегодня финансово-экономического кризиса, истинную глубину и последствия которого еще предстоит осознать, являются следствием врожденного торможения политической глобализации.

Неслучайно, что на авторитетном экономическом форуме в Давосе, по словам А. Б. Чубайса, «никто не понимал, что происходит с мировой экономикой». Это является косвенным подтверждением глубины кризиса, корни которого, очевидно, находятся вне сферы экономического знания.

Таким образом, именно от решения сложнейшей проблемы политической интеграции сегодня в очень значительной мере зависит решение глобальных про-

---

[10] Более подробно на эту тему см.: Гринин, Л. Е. Глобализация и процессы трансформации национального суверенитета // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97.

[11] Цит. по: Кеннеди, П. Вступая в двадцать первый век. – М., 1997. – С. 385.

блем, в том числе преодоление последствий нынешнего и недопущения повторения в будущем финансово-экономических кризисов.

Проблема безопасности на международном уровне носит глобальный характер и должна решаться в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, которые являются составной частью ее правовой системы.

В данном контексте представляется перспективным рассмотрение научным сообществом угроз национальной безопасности в контексте глобальной безопасности.

Даже конец прошлого и начало этого века были отмечены множеством местных, национальных и региональных конфликтов, стоивших миллионов жизней[12], а напряженность глобальных проблем продолжает нарастать.

События последних лет показывают, что властные структуры, и отнюдь не только в странах с нестабильным политическим режимом, постоянно демонстрируют неспособность решать проблемы безопасности.

Доктрина национального суверенитета как инструмент урегулирования социальных конфликтов теряет свою прежнюю эффективность, поскольку процессы распределения ресурсов происходят скорее на международном уровне, чем в пределах отдельного национального государства.

Следовательно, конфликты имеют уже не только национальное происхождение, но производятся в первую очередь режимами международных обменов.

После событий 11 сентября 2001 г. проблема международного терроризма занимает особое место среди проблем безопасности. Решение проблемы терроризма, учитывая его современный характер, является крайне сложной задачей.

Автор солидаризуется с точкой зрения Р. Хестанова, который считает, что «невозможность территориальной фиксации террора и противостоящей системы господства ставит под сомнение саму возможность “симметричного” ответа на терроризм, делает сомнительной и неадекватной всякую антитеррористическую войсковую акцию – в Афганистане, Ираке или Иране»[13].

Напрашивается вывод, что терроризм невозможно победить, но необходимо искать пути по его предотвращению. Особой деликатности требует учет влияния этноконфессионального фактора.

По словам А. Малашенко и Д. Тренина, «ведущие государства, которым приходится иметь дело с вооруженными исламскими сепаратистами и террористами, обязаны усилить невоенное измерение своей политики, чтобы не допустить перерастания отдельных конфликтов в столкновение цивилизаций»[14].

Тем более что «сам факт появления такой реальности, как международный терроризм, говорит о том, что глобализация заметно продвинулась. Монополия на контроль над глобализацией, которая с неизбежностью производит проигравших и отщепенцев, превратилась в препятствие для дальнейшей экспансии капитала

---

[12] С 3600 г. до н. э. человечество лишь около 300 лет жило в условиях мира, а все остальное время воевало, проведя 14,5 тыс. войн продолжительностью 26 тыс. лет (см.: Никитенко, Е. Г. О силовом противоборстве цивилизаций в XXI в. // Проблемы общественного развития. – 1998. – № 1. – С. 9).

[13] Хестанов, Р. Россия и глобальный апартеид // Отечественные записки. – 2002. – № 3(4). – С. 84.

[14] Малашенко, А., Тренин, Д. Время юга. Россия в Чечне, Чечня в России. – М., 2002. – С. 11.

и усилила позиции тех, кто не видит иного пути, кроме террористической перестройки ситуации»[15].

Действительно, терроризм – явление, во многом порожденное тенденциями монополизации власти как на глобальном, так и на национальном уровнях.

В свою очередь использование религии в политических целях, сакрализация (освящение) власти и клерикализация государства формируют некое поле единомыслия, на котором основана неограниченная власть, которая и провоцирует на себя реакцию, в том числе в такой крайней форме, как терроризм.

Сама неограниченная власть сродни терроризму – его катализатор. Она так же аморальна, криминальна и преступна, как и терроризм, ибо монополия на власть оснастила его мотивом, основанным на безысходности и отчаянии.

В реалиях XXI в. использование религии в политических целях, сакрализация власти также аморальны и преступны, потому что служат превращению демократических процедур в фарс и воспроизводству авторитаризма. В указанном контексте свобода мировоззренческого выбора – противоядие от монополизации власти, этноконфессиональных конфликтов, а значит, и терроризма.

Однако, судя по всему, политики и в России, и в мире не изъявляют особого желания менять политику. И от такого выгодного для власти, но крайне вредного для общества дела, как использование конфессий для политических нужд, отказываться никто не хочет.

Более того, принцип светскости государства в качестве важнейшей гарантии свободы совести до сих пор не закреплен в нормах международного права.

В этой связи неудивительно, что даже те государства, которые декларируют свою светскость, на практике таковыми не являются.

Современная российская история наглядно показывает, что отход от конституционных принципов светскости государства, клерикальная идеологизация институтов государства, нарушения властью прав человека в сфере свободы совести стимулируют рост национально-религиозной напряженности и углубление расслоения людей по отношению к мировоззренческим ценностям.

Например, в «неправославных» регионах России, мягко говоря, неоднозначно относятся к демонстрации конфессиональных предпочтений представителями федеральной власти (в последнее время сверх всякой меры). Так, по словам дагестанского автора Т. Г. Рамазанова, «православие превращается в государственную религию в России, в идеологию действующего режима в стране, что способствует возникновению напряженности между государственной властью (федеральной) и мусульманами, ощущающими себя дискриминированными в государстве, которое оказывается для них духовно чужим»[16].

Более того, дискриминированными чувствуют себя не только мусульмане, но и вообще «неправославные» (и не только в Дагестане). Можно предположить, что непродуманная и опасная политика конфессиональных предпочтений федерального центра способствует, а возможно, даже является основной причиной поддержки сепаратистов, рядящихся в религиозные одежды в «неправославных» регионах,

---

[15] Хестанов, Р. Указ. соч. – С. 83.

[16] Рамазанов, Т. Г. Религиозно-политический экстремизм в Чечне и Дагестане как фактор преступности // Право и политика. – 2000. – № 4. – С. 84.

значительной частью населения, что, в свою очередь, чревато не только затяжными вооруженными конфликтами, но и может привести к сопряженному с насилием распаду федеративной системы РФ.

По мнению автора, сегодня преодоление угроз национальной безопасности невозможно без учета этноконфессионального фактора в глобальном контексте.

В эпоху глобализации свобода мировоззренческого выбора, разграничение религии и политики – главный фактор ослабления духа радикализма и терроризма, необходимое условие формирования эффективной системы национальной и глобальной безопасности.

Таким образом, труднейшей проблемой остаются взаимоотношения между нарождающимся глобальным обществом и традиционными политическими структурами национальных государств, основанными на эксплуатации разделительных этноконфессиональных принципов.

Очевидно, что международные организации, состоящие из национальных государств, впитали в себя и упомянутые разделительные принципы, ставшие серьезным препятствием на пути позитивной интеграции.

Несмотря на то, что современная политическая система на базе национальных государств в значительной мере становится анахронизмом, не успевающим отвечать вызовам времени, именно национальные государства объективно являются отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

В сложившихся реалиях на уровне устройства и распределения власти необходимо новое политическое руководство, способное осуществлять интеграцию в мировое сообщество, органично сочетая национальные и глобальные интересы. «Политикам предстоит сменить приоритеты своей деятельности, по меньшей мере, приравняв планетарные экологические интересы к национальным интересам»[17].

Не менее важной и сложной задачей является «формирование нового мышления и соответствующего ему мировоззрения у людей, которые в большинстве своем просто не поспевают за динамикой происходящих вокруг изменений. Многим, в особенности взрослым, весьма непросто привыкнуть к новому миру – открытой арене сталкивающихся в свободном соревновании идей, парадигм и ценностей; еще труднее покинуть привычную пещерку устоявшихся мнений, мифов и идеологий»[18].

В решении этих вопросов особую роль призвано сыграть формирование эффективного правового механизма для реализации права каждого индивида на свободу совести – юридического измерения свободы мировоззренческого выбора в качестве важнейшего средства защиты человека и общества от идеологического господства любых доктрин и структур.

Именно вышеупомянутый правовой механизм является необходимым условием формирования глобального мышления, поскольку способен ограничить (если не предотвратить) эксплуатацию этноконфессиональных разделительных принципов в политических целях и манипулирование индивидуальным, коллективным и массовым сознанием.

---

[17] Моисеев, Н. Н. Экологический фон современной политики // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 139.

[18] Чумаков, А. Н. Указ. соч. – С. 376.

Исходя из того, что реализация человеком потребности в мировоззренческой ориентации является способом осознания себя в бесконечном мире, то есть стержнем, определяющим специфическую сущность человека как основного элемента социальных систем, свобода совести является основой всех прав человека (системообразующим правом), соответствующей тенденции исторического процесса к росту степеней свободы личности.

Кроме обладания видением долгосрочных перспектив, будущее зависит от того, смогут ли люди преодолеть разделение. «Дальнейшее развитие вида homo sapiens требует уже общепланетарной стратегии»[19].

В указанном контексте создание эффективного правового механизма реализации каждым человеком права на свободу совести даст шанс каждому человеку на персональном уровне осознать себя частью единого планетарного сообщества, преодолеть очарование идеологизированных (в том числе называющих себя религиозными) групп. «Будущее принадлежит не индивидуализму, не коллективизму, а персонализму, где вековой конфликт между личностью и обществом имеет шансы быть разрешенным на основе утверждения свободы»[20].

«Итак, не жесткий свод правил, выполнение которых гарантирует “спасение”, а собственная совесть, знания и талант, – если угодно, собственное творчество в сочетании с милосердием и любовью к ближнему своему – должны определять характер решений, принимаемых человеком. Без этого невозможно “спасение” (то есть будущность)»[21].

Неоправданные ограничения, сведение права каждого на свободу совести к выбору конфессиональных предпочтений, постоянно находящихся в состоянии борьбы за человеческие души, следуют глобальным тенденциям с точностью до наоборот, лишают общество свободы, а человечество – будущего. «Общество, оснащенное небывалыми орудиями разрушения и созидания, не может безнаказанно вернуться в Средневековье. Чтобы выжить, оно обязано выработать и освоить менталитет, адекватный инструментальному могуществу и предполагающий чрезвычайно высокую степень терпимости, готовности к самокритике и компромиссам. Принятие всеми региональными культурами единых ценностей и норм общежития (конвергенция, унификация) – сегодня не благое пожелание, а императив сохранения мировой цивилизации»[22].

Отсюда вытекает актуальность развития как правовых механизмов реализации права каждого на свободу совести, так и представлений о его значении, месте в системе современного права.

В то же время принципы и понятийный аппарат, применяемые сегодня в сфере свободы совести, не позволяют создать нормативно-правовую базу для полной реализации этого основного системообразующего права. Определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено,

---

[19] Моисеев, Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI в. // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 131.

[20] Левицкий, С. А. Трагедия свободы. – Франкфурт-на-Майне: Посев, 1984. – С. 344.

[21] Моисеев, Н. Н. Нравственность и феномен эволюции. Экологический императив и этика XXI в. – С. 138.

[22] Назаретян, А. П. «Столкновение цивилизаций» и «Конец истории» // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 144.

что изначально создает непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов.

Анализ международно-правовых документов, национальных конституций и законодательства позволяет сделать вывод о том, что критерии границ свободы совести в этих документах зачастую определены в самом общем виде, носят в значительной мере расплывчатый характер, не полностью учитывают сущность права на свободу совести и как следствие – ставят его реализацию в зависимость от реальных государственно-конфессиональных отношений.

Дело в том, что признание во всем мире в большей мере завоевал идеал религиозной свободы, в результате чего ее принципы обрели нормативную значимость.

Свобода совести лишь декларируется наряду со свободой религии в нормах международного права и конституциях многих государств. Таким образом, право каждого на свободу совести упоминается повсеместно лишь в качестве декларации, фактически находясь вне правового поля.

Исторически сложилось так, что в основных международных правовых документах и многих национальных конституциях (в Конституции РФ), следующих их примеру, стандарты свободы совести рассматриваются исключительно в связи с ее религиозными аспектами, а точнее – с религиозно-конфессиональными. Соответственно правовое понятие свободы совести приобрело более узкий смысл – как право индивида самостоятельно решать вопрос: руководствоваться ли ему в оценке своих поступков и мыслей поучениями религии или отказаться от них?

Невозможно оспаривать решающую роль, которую Всеобщая декларация прав человека сыграла в развитии правовой и политической философии второй половины XX столетия, но в результате подобной несогласованности широкое, объемное, касающееся буквально каждого индивида понятие «свобода совести» было сведено исключительно к свободе вероисповеданий (то есть свободе, касающейся только индивидов, считающих себя верующими) и даже более того – к деятельности религиозных объединений (то есть коллективной форме реализации права на свободу вероисповеданий).

В связи с тем, что критерии и границы свободы совести в международных правовых документах определены в самом общем виде, без учета сущности, природы и значения этого права, его реализация подвергается «специальным» ограничениям в соответствии с государственной вероисповедной политикой.

Таким образом, правовое регулирование в области свободы совести базируется на некорректных с юридической точки зрения принципах, не имеющих четких правовых критериев, и соответствующем понятийном аппарате, частично заимствованном из теологии, а потому заведомо негодном. Свобода совести подменяется свободой вероисповеданий, права человека – правами объединений, религия – идеологией, а в результате приоритет права подменяется приоритетом политики, интересами «элит».

Одна часть проблемы состоит в том, что принцип религиозной свободы фактически был основан на разделении общества на «верующих-неверующих», в значительной мере обусловленном противопоставлениями знания и веры отдельных людей, науки и религии в обществе.

Другая часть проблемы обусловлена тем, что и в юридической науке, и в законотворчестве свобода совести – это, как правило, синоним религиозной свободы (то есть широкое понятие подменяется узким, отражая отсутствие представления о свободе совести как общечеловеческом феномене).

Таким образом, законодательство, которое по логике должно быть направлено на реализацию свободы мировоззренческого выбора, подменяется «специальным религиозным» для регулирования деятельности религиозных объединений.

Это «специальное» законодательство препятствует реализации каждым человеком своих конституционных прав, позволяет государству вмешиваться в деятельность религиозных объединений. И государство, как правило, вмешивается – религиозные объединения, обладая интегративными возможностями, традиционно являются объектом политических интересов и «специального» контроля со стороны власти как в России, так и во многих государствах мира.

В результате правоприменения вышеупомянутого «специального» законодательства не только нарушаются права меньшинств, «размывается» целый ряд демократических принципов, составляющих основу конституционного строя, подавляется свобода мировоззренческого выбора, но, вероятно, упускается шанс отдельными государствами и мировым сообществом в полной мере использовать возможности глобализации и найти достойный ответ ее вызовам.

Проблема юридического определения религии и религиозных организаций имеет принципиальное теоретическое, методологическое, практическое значения.

Очевидно, что для формирования эффективного правового механизма реализации права на свободу совести необходимо максимально широкое правовое понятие религии, свободное от узкоконфессиональных, а равно и атеистических ограничений. В противном случае следует вообще отказаться от применения этого юридически не определенного термина в системе права.

Действительно, не только правовое, но и вообще любое обсуждение религии сталкивается с серьезными терминологическими трудностями.

По словам Э. Фромма, «понятие религия ассоциируется с некой системой, в центре которой находится бог и сверхъестественные силы. Поэтому становится сомнительным, могут ли религии без бога, такие как буддизм, даосизм, конфуцианство, называться религиями. Такие светские системы, современный авторитаризм, вообще не называют религиями, хотя психологически они заслуживают такого названия. У нас просто нет (и, вероятно, не может быть, особенно с учетом тенденции к персонализации религиозности. – *С. Б.*) слова для обозначения религии как феномена, которое не было бы связано с каким-то специфическим типом религии и не несло бы на себе ее отпечатка»[23].

Отсутствие широкого правового понятия религии усугубляет тот факт, что определение и сущностное содержание свободы совести как правовой категории фактически искажено и определяется через другое довольно неопределенное понятие – «свобода религии».

В юриспруденции применение некорректных терминов, не имеющих четких правовых критериев, провоцирует появление заведомо ложных ситуаций, соз-

[23] Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Иметь или быть? – М., 1990. – С. 236.

дающих изначально непреодолимые препятствия на пути реализации декларируемых принципов в области свободы совести.

С проблемой правового определения религии тесно связана проблема использования религиоведческих познаний при решении вопросов правового характера.

В контексте проблемы реализации свободы совести необходимо провести разграничение правовых и иных терминов. Совершенно очевидно, что, например, социологическое или даже религиоведческое определение религии и правовое содержание религии – это не всегда одно и то же. Как не одно и то же содержание имеет, например, определение дома в строительстве и того же дома в юриспруденции.

С учетом этих факторов применение религиоведческих познаний в юриспруденции (так называемое юридическое религиоведение), не говоря уже о теологических, изначально создает предпосылки для нарушения декларируемых принципов свободы совести. А соответствующие государственные структуры, выполняющие функции религиоведческой экспертизы, тяготеют к превращению в светский аналог «святой» инквизиции или рассадник коррупции.

С учетом тенденции к плюрализации и даже персонификации религиозности, неотделимости от нее личного опыта каждого человека не будет ошибкой утверждение о том, что религий (в правовом и самом широком смысле) может быть столько, сколько людей на Земле.

Таким образом, кроме доминирования узкого понимания в основе кризиса правового понимания свободы совести и цепи противоречий нормативно-правовой базы на российском и международном уровнях лежит проблема правового определения понятия религии.

Не менее значимым для поиска направлений совершенствования нормативно-правовой базы реализации свободы совести является рассмотрение соотношения «свободы совести» и «религиозной (вероисповедной) политики», «отношений государства с религиозными объединениями».

Как уже говорилось выше, исторически сложилось так, что реализация прав человека в сфере свободы совести вообще и формирование соответствующей законодательной базы в частности очень сильно зависят от государственной религиозной политики, реализуемой в основном посредством отношений государства с религиозными объединениями.

В то же время в нормах международного права, являющихся приоритетными для многих государств, ничего не говорится о государственно-конфессиональных отношениях и государственной вероисповедной политике как самодостаточных явлениях.

Упомянутые феномены как самодостаточные существовали исторически. Но с момента принятия Всеобщей декларации прав и свобод человека в 1948 г., а для России по крайней мере с момента принятия в 1993 г. всенародным голосованием Конституции РФ, и государственно-конфессиональные отношения, и государственная вероисповедная политика должны рассматриваться как производные от вышеупомянутых конституционных принципов и строго им соответствовать.

Таким образом, Декларация прав человека 1948 г., явившись результатом уроков двух мировых войн, знаменует новую эпоху эволюции правовых систем. Отношения демократического правового государства, поставившего в качестве цели формирование открытого гражданского общества, должны строиться с религиозными объединениями на единых с иными общественными некоммерческими объединениями правовых основаниях.

У светского государства, тем более многонационального и поликонфессионального, вообще не должно быть никаких «специальных» отношений с религиозными организациями. То есть все отношения должны осуществляться на общих с иными объединениями граждан основаниях. Иначе принцип светскости государства «размывается» (а вместе с ним и иные демократические принципы), а «специальные» государственно-конфессиональные отношения государства и избранных конфессий приобретают самодовлеющий характер, обрастая «специальными религиозными» льготами.

На международном уровне необходимость реализации принципов свободы совести может потребовать реформы правовой системы конкретного государства в виде разграничения религиозных (конфессиональных) норм и правовых с целью ее приведения в соответствие с нормами международного права, если таковые признаются приоритетными для данного государства.

Одной из фундаментальных проблем, лежащих в основе кризиса правового понимания свободы совести, является принцип разделения на «верующих» и «неверующих».

Разделение общества на «верующих» и «неверующих», закрепленное в явной или неявной форме в правовой системе, не способствует реализации принципов свободы совести.

Таким образом, устранение подобных разделительных принципов из правовых основ существования общества может в значительной мере способствовать осуществлению гарантий свободы совести.

Кроме того, разделение на «верующих» и «неверующих» лежит в основе разделения между конфессиями, а значит, и их последователями, а также людьми, не принадлежащими ни к одной из конфессий. Это же разделение лежит в основе разделения народов и наций в связи с отождествлением религиозно-конфессиональной и национальной идентификации. «Совпадение национальной и конфессиональной самоидентификации, религиозного и национального самосознания проявляется в том, что не только верующие, но и неверующие относят себя к той или иной религиозной традиции: русские к православию, татары к исламу, буряты и калмыки к буддизму и т. п.»[24]

Проведенное исследование выявило прежде всего колоссальное значение реализации свободы совести для индивида, общества, государства, цивилизации в целом.

Реализация свободы мировоззренческого выбора имеет исключительное значение для ограничения власти одних людей над другими. Неслучайно без контроля и подавления мировоззренческой сферы не обходился ни один тоталитарный

[24] Мозговой, С. А. Этнорелигиозные отношения и проблемы гражданского мира в России // Религия и национализм. – М., 2000. – С. 157.

режим. Специфика современности – использование идентичности в избирательных технологиях.

В то же время в современной научно-образовательной среде нет единого общепринятого теоретико-правового определения свободы совести, а имеющая место тенденция к его расширению как свободы мировоззренческого выбора не является достаточно устойчивой.

Соответственно нормативно-правовая база российского законодательства для реализации провозглашенных конституционных прав и свобод человека в сфере свободы совести посвящена, следуя двухвековой мировой исторической традиции, осуществлению идеала религиозной свободы и прав верующих в их институциональном выражении.

Таким образом, в системе права как на международном, так и на национальном уровнях имеют место некорректное смешение и подмена правовых понятий, ибо сущность права на свободу совести определена неточно и на практике сводится к вероисповедной ее части, ставя его реализацию в зависимость от реальных религиозной политики и государственно-конфессиональных отношений, создавая таким образом пространство для ограничительного законотворчества.

Сегодня эти факторы определяют недостаточное юридическое обеспечение свободы совести, в том числе качество законодательства и правоприменения в этой области.

В указанном контексте в деле совершенствования нормативно-правовой базы реализации свободы совести системообразующим фактором является степень научно-теоретической разработанности проблематики свободы совести. Однако анализ существующих концептуальных подходов к совершенствованию правового регулирования в области свободы совести выявил целый ряд противоречивых тенденций, свидетельствующих о кризисе научного и в частности юридического понимания в данной области.

В качестве позитива необходимо преодолеть доминирование устаревших научных подходов, политических и корпоративных интересов. В реалиях XXI в. это должно стать предметом заботы широкого междисциплинарного научного сообщества.

Прежде всего позитивные изменения связаны с необходимостью комплексной научно-теоретической разработки правовой концепции и реформирования правового института свободы совести на основе перехода к новой парадигме правового регулирования свободы совести без применения некорректных разделительных принципов.

Постепенно по мере трансформации правовых и политических систем произошла эволюция от веротерпимости к религиозной свободе. Сегодня необходим переход от концепции религиозной свободы для верующих (не отрицая, но расширяя) к свободе совести как свободе мировоззренческого выбора для каждого.

Несомненно, что максимальная реализация религиозной свободы возможна только посредством реализации свободы совести. В противном случае она вырождается в реализацию корпоративных интересов «традиционных» и «солидных» религиозных организаций.

Н. Бердяев говорил, что царство Духа не может вместиться в царстве Кесаря, ибо Дух бесконечен и устремлен к бесконечности. Кесарь же конечен и хочет наложить на Дух печать своей конечности.

Строительство правового государства и процветающего гражданского общества несовместимо с клерикальной идеологизацией государственных институтов привилегированными религиозными объединениями, законодательным закреплением жесткого контроля и неравенства по отношению к другим конфессиям.

Следующим шагом должно стать совершенствование правовых гарантий реализации свободы совести, основной из которых является светскость государства, под которой следует понимать мировоззренческий нейтралитет.

Коренное изменение сложившегося порядка вещей в области свободы совести необходимо не только на национальном (в том числе российском), но и на международном уровне, так как политические войны с ярко выраженным этноконфессиональным характером полыхают по всему миру.

Создание эффективной системы правовых гарантий свободы совести на мировом уровне призвано ограничить использование религии в качестве идеологии для нужд политики, подорвать саму основу тоталитаризма – возможность неправовых ограничений, контроля, подавления мировоззренческой сферы.

В реалиях XXI в. необходимо осознать свободу совести как глобальную общечеловеческую проблему.

Решение глобальных проблем человечества возможно только путем интеграции, что подразумевает пересмотр комплекса национальных приоритетов и инфраструктур, а возможно, и отказ от государственного суверенитета или по крайней мере его части.

С учетом неотвратимых тенденций глобализации, выдвигающих требования интеграции, современная политическая система на базе национальных государств все в большей мере не отвечает вызовам нового времени. Однако здесь следует заметить, что именно национальные государства служат отправной точкой для формирования единой мировой системы, призванной на новом уровне решать глобальные проблемы, стоящие перед человечеством.

Это значит, что решение глобальных проблем невозможно в рамках однополярной и даже двухполярной систем международных отношений. Даже формирование более сбалансированной и жизнеспособной многополярной системы[25] представляется необходимым промежуточным этапом, но вовсе не достаточным условием решения комплекса глобальных проблем.

Но даже многополярная система невозможна без преодоления межцивилизационных напряжений, основанных на сочетании религии и политики и как следствие – на подавлении свободы мировоззренческого выбора.

В этой связи эффективный правовой механизм реализации права на свободу совести – необходимый фактор преодоления разделительных принципов, являющихся основой существования традиционных политических структур, условие

[25] См.: Зуйков, Р. С. Проблемы формирования новой системы международных отношений с точки зрения миросистемного и цивилизационного подходов // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях. Материалы 4-го Конвента РАМИ: в 10 т. – Т. 6: Новые тенденции в мировой политике. – М.: МГИМО-Университет, 2007.

формирования политического руководства национальных государств, способного осуществлять интеграцию в мировое сообщество.

От реализации права на свободу совести для каждого вне разделительных принципов, в виде формирования соответствующего правового механизма, зависит способность общества оградить религию от использования в политических целях и избежать разжигания межэтнических и межконфессиональных конфликтов в качестве средства борьбы за передел мира.

От реализации этого системообразующего права и преодоления во многом искусственного политического разделения зависит не только адекватность ответов людей вызовам глобализации, но и то, какая ее концептуальная модель победит: модель «золотого миллиарда», то есть глобализации, разделения и несправедливости, или модель справедливого мира с равным правом на достойную жизнь для каждого гражданина планеты.

В свою очередь от победы справедливой модели зависит способность человечества к решению глобальных проблем, а значит, и выживание человечества.

Каковыми же представляются сущностное содержание и значение свободы совести, ее основные правовые аспекты с учетом требований и реалий начала XXI в.? Ответ на этот вопрос не однозначен и не бесспорен.

Прежде всего следует отметить, что право каждого человека на свободу совести является юридическим измерением свободы мировоззренческого выбора (в том числе формировать, придерживаться, выбирать и менять уже сделанный выбор), а также правомерного поведения, основанного на упомянутом выборе. Это право является системообразующим в системе прав человека. Без его реализации иные права человека теряют большую часть реального содержания, оставаясь декларацией.

Реализуя право на свободу совести, человек осознает себя, обретает смысл и определяет свое место в жизни. «Человеческую жизнь нельзя “прожить”, повторяя видовые образцы; человек сам должен прожить свою жизнь»[26]. Можно предположить, что удовлетворяя эту потребность, человек и становится собственно человеком. Таким образом, свобода совести – право на удовлетворение мировоззренческой потребности, придающей смысл существованию.

От реализации этого системообразующего права зависят: способность индивида самореализоваться в личность; возможность преодолеть противоречия между тенденциями, обусловленными опережающим развитием цивилизации и природой человека; способность государства к устойчивому развитию без социальных взрывов и потрясений; умение мирового сообщества найти пути к решению глобальных проблем, стоящих перед человечеством.

В целом, несмотря на некоторый упадок конфессионального влияния на человеческую цивилизацию, вряд ли есть основания говорить об уменьшении потребности каждого человека в ориентации и самоосознании. Изменениям подвергаются лишь формы реализации этой специфической потребности вследствие развития цивилизации. Старые формы эволюционируют или отмирают, уступая дорогу новым формам.

---

[26] Фромм, Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. – М., 1990. – С. 158.

Можно предположить, что развитие форм систем ориентации неразрывно связано с эволюцией человечества в целом. Отсюда необходимость равноправия новых форм (в том числе перспективных, тех, что возникнут в будущем) по отношению к уже существующим. Тем более что «исконные» формы были в свое время «новыми». Например, христианство в свое время было «новым» по отношению к «традиционному» язычеству.

Развитие цивилизации обусловливает изменение соотношения между наукой и религией в обществе, между знанием и верой каждого человека. Осознание многообразия отношений и уважение к соотношению знания и веры у разных людей в обществе является главным аспектом свободы совести в реалиях современности. В юриспруденции эти принципы должны найти отражение в праве каждого на свободу совести.

Сегодня мир действительно изменился и продолжает стремительно меняться. От адекватности ответов на эти изменения зависит настоящее и будущее человеческой цивилизации. Соответственно свобода мировоззренческого выбора является необходимым условием трансформации ценностных ориентаций, формирования глобального мышления и перехода к устойчивому развитию целостного бесполярного мира.

Значит, нужно менять политику. И в первую очередь – подчинить политику принципам прав человека и свободы совести. Для этого необходимо превратить эти принципы из декларации в реальность. И здесь особое значение принадлежит признанию и соблюдению на национальном и международном уровнях принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

ТЕНГЕРИЗМ

Ш. Бира

Тенгеризм – от общего тюрко-монгольского слова «тенгери» (по-тюркски – Tänri, по-монгольски – Tngri, современное монгольское произношение – тэнгэр). По-русски можно перевести как «небо».

Тенгеризм был разработан на основе небопочитания, являвшегося фундаментальной концепцией шаманизма – традиционной народной религии древних обитателей Монголии. Согласно шаманизму, Тенгери как нечто, отвлеченное понятие, подобное Богу, представляет собою высшее мужское начало, управляющее всеми природными и социальными явлениями в мироздании, в то время как земля является подчиненным женским началом (по-монгольски – эцэг Тенгери [Отец Тенгери] и эх газар [Мать-Земля]).

Вначале тенгеризм выдвинул несколько элементарных концепций: о небесном происхождении хаганской власти, о ее дуалистическом характере («небесный мандат» и харизма) и др. Учение о небесном происхождении хаганской власти было широко известно среди кочевых народов в Монголии. Однако это учение достигло небывалого развития при гегемонии монголов в результате создания Великого Монгольского государства (Yeke Mongol ulus), основанного Чингис-хаганом в 1206 г. Из данных источников (например, «Сокровенное сказание монголов») видно, что в этот период старое представление о тотемистическом происхождении предводителя ведущего рода сменялось новым понятием о небесном происхождении родоначальника «золотого рода». Следует считать, что помимо всего прочего необыкновенным успехам Чингис-хагана при создании обширной кочевой империи во многом способствовала его незыблемая вера в небесную силу и в свою харизму (по-монгольски – suu jali). В этом плане он был основателем монгольского тенгеризма как идеологии кочевой империи.

С небывалым обширным экспансионизмом при преемниках Чингис-хагана и с созданием мировой империи тенгеризм приобрел характер своеобразной универсальной идеологии, которой монгольские хаганы придавали не меньше значения, чем превосходству военных сил.

Официальные документы, такие как хаганские указы и дипломатические корреспонденции Монгольской империи, начинались, как правило, со стереотипной фразы: «Силой Вечного Неба и покровительством харизмы Хагана (Möngke Tenggeri-yin kücün-dür, qayan-u suu jail-yin ihe`el (abegel)-dür)». Данная фраза, являвшаяся своеобразной преамбулой официальных документов Монгольской империи, отчетливо выражает дуалистическую идею о том, что Тенгери и Хаган представляют собою два основных компонента верховной власти в мире. Иными словами, Тенгери является высшей всемогущей божественной силой во Вселенной, которая покровительствует и санкционирует Хагана действовать от Его име-

ни и реализовать Его волю на Земле. В некоторых известных указах монгольских хаганов, таких как Гуюка и Мунке, утверждалось следующим образом: «Силою Вечного Неба. Указ сына Неба, верховного владыки Чингис-хагана. Наверху только одно Вечное Небо, внизу, на Земле, только один Чингис-хаган». Можно сказать, что данная фраза ярче всего отражала основную философию идеологии тенгеризма, согласно которой только один хаган на Земле, подобно тому, как наверху только одно небо (Тенгери). Данная философия часто подкреплялась утверждением о том, что «все страны, начиная с восхода солнца до его заката, подчинились мне (хагану. – *Ш. Б.*). Кто может выступать против воли Бога (Тенгери)? Если не соблюдать воли Бога и если игнорировать мой указ, то я считаю вас своим врагом»…

Из этого видно, что какими бы высокими идеями ни руководствовались монгольские хаганы, они не забывали о своих земных интересах.

В период создания Монгольской империи при преемниках Чингис-хагана, особенно Хубилай-хагане (годы правления: 1260–1294), основателе Юаньской империи монголов с центром в северной части Китая, тенгеризм стал действительно универсальной идеологией, которую следует назвать идеологией тенгеризации, согласно которой все, что находится под Небом (Тенгери), должно быть объединено под властью монгольских хаганов. Хубилай-хаган выступил в качестве решительного реформатора как в области политики, так и в области идеологии Монгольской империи. Его основная политика заключалась в создании нового типа восточной империи в лице вселенской космополитической империи, которая обеспечивала бы гегемонию небольшого числа монголов над их многочисленными подданными. В период 35-летнего царствования Хубилай-хагана Монгольская империя достигла своего апогея и приобрела действительно универсальный характер. Мир был объединен фактически под одной политической властью единой сетью коммуникации с помощью так называемой *системы Уртеге* (монг. örtege), то есть конской почтово-коммуникационной системой связи. Через эту систему происходили активный поток информации и идей, обмен культурными ценностями, передвижение людей и производилась оживленная торговля. Все это создавало благоприятные условия для сближения стран и народностей Востока и Запада. Таким образом, можно констатировать, что происходил исторический процесс сближения и интеграции самых разных стран и народностей тогдашнего мира. Этот процесс можно назвать тенгеризацией мира, которая невольно напоминает о современной глобализации.

В соответствии со своей политикой Хубилай-хаган также решил реформировать и традиционную идеологию тенгеризма. Не отвергая основную идеологию шаманизма, он предпочел применить основные положения буддийского универсализма к идеологии тенгеризма. Нужно сказать, что буддизм представлял собою более универсальное наднациональное и нейтральное учение по сравнению с другими учениями и религиями, которые были известны в Монгольской империи, и потому более подходящее для идеологического обоснования и оправдания вселенской империи, состоявшей из разных стран и народностей. Прежде всего Хубилай-хаган сам обратился в буддизм, приняв абишеку (освящение) по традиции Махакалы, тантристского бога-хранителя буддизма, от тибетского наставника Пагваламы. Монгольский хаган объявил буддизм государственной религией, а своего

наставника Пагва-ламу назначил Государственным учителем Монгольской империи. Однако он не отказался от почитания традиционного культа Тенгерии, от веры в Харизму (suu jali). Все это было унаследовано от предводителей «золотого рода» Чингис-хагана. Короче говоря, благодаря усилиям Хубилай-хагана и его наставника Пагва-ламы в области идеологии Монгольской империи происходил своеобразный процесс синкретизации традиционного тенгеризма с буддийским универсализмом. Это находило свое яркое выражение в приписывании Хубилай-хагану основных качеств буддийских царей Чакравартиков (царей, вращающих колесо учения), Дхармараджей («Царей Учения»), царей Бодхисаттв и т. д. В этом отношении характерны некоторые труды Пагва-ламы, специально посвященные возвеличиванию Хубилай-хагана и его рода. Так, например, в одном из сочинений, написанном по заказу сына Хубилая Чингим-тайджы, Государственный учитель включил Монгольскую империю в трехчленную схему буддийского мира наряду с древней Индией и Тибетом и объявил Чингис-хагана царем Чакравартином. В этом же сочинении Пагва-лама относил родословную Чингис-хагана и его преемников к родословной линии легендарных буддийских царей Индии и Тибета, которая начинается с Махасамматы, легендарного прародителя всех царей буддийского мира. В своих наставлениях Пагва-лама возводил Хубилай-хагана в ранг «Царей Учения» и царей Бодхисаттв, всячески подчеркивая его заслуги перед буддийской религией. Все это придавало новые импульсы и привлекательность традиционному монгольскому тенгеризму, укрепляя его позицию как обновленной духовной силы в глазах монгольских правителей и их многочисленных подданных независимо от их вероисповедания и национальной принадлежности. В конечном счете монгольские хаганы во главе с Хубилаем получили возможность почитаться не только как обладатели мандата от Тенгери, но и как богоподобные правители в буддийском понимании, как перерожденцы древних царей Бодхисаттв, Дхармараджей и даже великих Чакравартинов.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСОНА

МАХАТМА ГАНДИ: «АПОСТОЛ НЕНАСИЛИЯ»

М. Т. Степанянц

Вершина совершенства, нравственного роста, к которому стремятся люди, у каждого народа именуется по-своему. Это не исключает, однако, сущностной общности шкалы нравственных ценностей одной культуры с ценностными системами других культур. Нареченный именем Махатма – «Великая душа» – не может быть таковым лишь для своих соотечественников. Он неизбежно должен быть признан в масштабах мирового сообщества. Убедительным примером тому является Махатма Ганди, справедливо признаваемый «бапу» – отцом индийской нации и в то же время «апостолом ненасилия» для всех наших современников.

Автобиографический труд Ганди (в русском переводе «Моя жизнь») называется «Автобиография, или история моих экспериментов с истиной». Ганди экспериментировал с разными формами ненасилия. Первоначально это был опыт использования ненасильственных методов в борьбе против расизма в Южной Африке. Организованные Ганди в 1908–1914 гг. *сатьяграхи* (буквально «упорство в истине») представляли собой ненасильственное сопротивление посредством кампаний гражданского неповиновения. Они оказались настолько успешными, что привлекли внимание мировой общественности. Ганди поддержали Бернард Шоу, Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Ромен Роллан, Лев Толстой.

По возвращении на родину в 1915 г. Ганди стал использовать сатьяграхи в борьбе за национальную независимость Индии. Благодаря его усилиям в 1920 г. возглавлявшая национально-освободительное движение партия – Индийский национальный конгресс – приняла подготовленную им резолюцию о «прогрессивном ненасильственном несотрудничестве», в которой сатьяграха признавалась общенациональным методом борьбы с колониализмом. В связи с этим рекомендовалось не покупать иностранные товары, не участвовать в выборах в законодательные органы, не поступать на военную службу, бойкотировать английские суды, школы, колледжи, отказываться от почетных званий, уйти в отставку с постов в органах управления и т. п.

Хотя многие критиковали Ганди, усматривая в его позиции слабость, склонность к подчинению интересов народа интересам колонизаторов, дальновидные политики оценили сатьяграху как ярко выраженную, хотя и ненасильственную, форму сопротивления, как фактически мирное восстание, высокоцивилизованный метод ведения войны. По словам Джавахарлала Неру, сатьяграха стала эффектив-

ным способом побуждения широких масс к действию, методом, который отвечал особенностям психического склада индийского народа.

Освобождение от колониального гнета не было для Ганди конечной целью. В нем он видел лишь первый шаг к построению ненасильственной цивилизации.

Еще в 1908 г., находясь в Южной Африке, Ганди на страницах издаваемой им газеты «Indian Opinion» («Индийское мнение») подробно изложил свои взгляды на цивилизацию. «Разговор» редактора (Ганди) с читателем (собирательным) позже был опубликован в неоднократно переиздававшейся брошюре «Хинд сварадж», или «Индийское самоуправление».

Под цивилизацией (на родном для Ганди языке гуджарати означающей «хорошее поведение») он понимает «такое поведение, которое указывает человеку путь долга»[1]. Современная западная цивилизация не отвечает этому понятию, ибо она есть воплощение зла. Главный символ западной цивилизации – машины, которые «представляют собой великий грех»[2]. Ганди ненавидит машинное производство прежде всего потому, что видит в нем причину уничтожения кустарных промыслов и традиционного индийского образа жизни. «Именно машины довели Индию до нищеты... Индийские ремесла исчезли из-за Манчестера»[3]. Машинное производство Ганди сравнивает со «змеиной норой», в которой гнездятся «сотни змей»: города, уничтожающие деревни, рабство рабочих, ужасающая эксплуатация женского труда, безработица, половая распущенность, неверие в бога, наносящие вред здоровью людей механические средства передвижения и т. д.[4] Насилие «насквозь пронизывает западную цивилизацию во всех ее сферах»: экономике, политике, во взаимоотношениях людей, в международных отношениях. «Тягчайший грех» этой цивилизации – империализм.

В «машинизированном» Западе Ганди претило также нарушение органически присущих человеку связей с природой. Его мироощущению полностью созвучны настроения европейских противников техницизма, так точно переданные Николаем Бердяевым: «Техника радикально меняет отношение человека к пространству и времени. Она враждебна всякой органической воплощенности. В технический период цивилизации человек перестает жить среди животных и растений, он ввергается в новую холодно-металлическую среду, в которой нет уже животной теплоты, нет горячей крови. Власть техники несет с собой ослабление душевности в человеческой жизни... Техника убивает все органическое в жизни...»[5]

Истинная цивилизация, по мысли Ганди, должна быть основана на принципах сознательного и добровольного самоограничения. В области экономики это опора на деревню и кустарные промыслы. Не случайно символом национально-освободительного движения Ганди избрал прялку – именно ее он считал орудием национального возрождения. Прялка могла бы восстановить ремесла, освободить индийцев от зависимости колониального импорта тканей, обеспечить массовую занятость людей и тем самым избавить страну от безработицы.

---

[1] Ганди, М. «Хинд сварадж», или Индийское самоуправление / М. Ганди // Моя жизнь. – М., 1969. – С. 446.

[2] Он же. Моя жизнь. – С. 449.

[3] Там же. – С. 448–449.

[4] Там же. – С. 450.

[5] Бердяев, Н. Духовное состояние современного мира: доклад, прочитанный в мае 1931 г. на съезде лидеров Мировой Христианской Федерации // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 219.

Махатма являлся сторонником децентрализации производства, ибо считал губительными условия, способствующие накоплению капитала. Концентрация промышленности в городах, по его мнению, привела деревню к разорению. Необходимо возродить деревню, сельскую общину, поставив город им на службу. Ганди считал целесообразным сохранить лишь некоторые отрасли промышленности (он воздерживался от уточнения, какие именно). Причем полагал, что необходимо установить «государственную собственность всюду, где работает совместно большое число людей. Через посредство государства они будут собственниками продуктов своего труда...»[6]. Во всех остальных сферах Ганди (хотя он и не исключал индивидуальное производство) предпочтение отдавал кооперации: «Всякая деятельность, насколько возможно, должна вестись на кооперативной основе»[7].

Стремясь уничтожить такую форму насилия, как эксплуатация, Ганди в то же время был противником принудительной экспроприации собственности. Однажды его спросили, как он смотрит на полную ликвидацию частной собственности. Ганди ответил: «Уничтожив капиталистов, рабочие лишатся курицы, несущей золотые яйца»[8]. Точно так же он полагал более разумным не ликвидировать помещичье землевладение, а улучшить его, поскольку «человек, который представляет свой ум и деньги, – такой же земледелец, как и тот, кто вкладывает свой физический труд»[9].

Ганди возражал против экспроприации не потому, что выступал «агентом» эксплуататорских классов, как полагали некоторые. У него для этого имелись другие основания. Во-первых, Ганди учитывал низкий культурный уровень основной массы трудящихся индийцев, которые в большинстве своем, будучи неграмотными, просто не могли быть независимыми производителями. Во-вторых, ему претило всякое насилие, даже оправдываемое благородными целями. Он считал не только более нравственным, но и более результативным, эффективным путь последовательных реформ, личного и коллективного совершенствования. Постепенное устранение частной собственности, по мысли Махатмы, возможно через опеку. Своим нетерпеливым противникам, считавшим подобный путь преобразований слишком долгим, Ганди отвечал: «Путь к счастью и процветанию *кисанов* (крестьян. – *М. С.*) заключается в том, чтобы сделать их образованными, с тем чтобы они поняли причину своего нынешнего положения и пути его улучшения. Мы можем указать им ненасильственный или насильственный путь. Последний, может быть, кажется соблазнительным, но в конечном итоге – это гибельный путь... По видимости, самый длинный путь часто оказывается кратчайшим»[10].

Точно так же во взаимоотношениях рабочих с предпринимателями Ганди отдавал предпочтение мирному урегулированию, а не конфронтации. Это не значит, что он вообще возражал против стачек, забастовок. Однако полагал более желательным обращение к законодательству, арбитражу. Только в крайнем случае он считал возможными забастовки.

---

[6] Ганди, М. Альтернатива индустриализации / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 550–551.
[7] Gandhi, M. Rebuilding Our Village / Ed. B. Kumarappa. – Ahmedabad, 1951. – C. 5.
[8] Idem. Towards Non Violent Socialism. – Ahmedabad, 1951. – C. 150.
[9] Ганди, М. Кисан и заминдары / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 531.
[10] Там же. – С. 531– 532.

Махатма не раз стоял во главе забастовок, завершавшихся успехом. При этом он руководствовался определенными правилами: не начинать забастовку без соответствующей подготовки и не использовать ее в сугубо политических целях. «Не отрицаю, – писал он, – что забастовки могут служить политическим целям. Но... не нужно большого ума, чтобы усвоить, что чрезвычайно опасно использовать рабочих в политических целях, пока рабочие не поймут политическую обстановку в стране»[11].

Идеал ненасильственной цивилизации может воплотиться в жизнь лишь при условии коренного изменения характера международных отношений. В связи с этим Ганди мечтал о создании всемирного правительства или, по крайней мере, всемирного союза свободных наций, который бы положил конец колониальному гнету, гарантировал равенство всех народов, предотвращая агрессию и эксплуатацию одних народов другими, защитил национальные меньшинства, объединил мировые ресурсы во имя всеобщего блага. Махатма настаивал на необходимости установления такого мирового порядка, который бы был свободен от эксплуатации, базировался на принципах равноправия, взаимного уважения и сотрудничества народов. Безусловно, в этой цивилизации нет места какому-либо виду агрессии. «Я верю, – писал Ганди, – что любая война непременно является злом». В то же время Махатма признавал, что следует различать агрессоров и тех, кто взялся за оружие, оказавшись жертвой агрессии.

Чрезвычайно показательна позиция, занятая Ганди в связи с атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки. Махатма не принял оправдательных мотивов этой акции. Япония совершила злодеяние во имя недостойных устремлений. «Но большая недостойность не дает права менее недостойному (имеются в виду США. – *М. С.*) безжалостно уничтожать японских мужчин, женщин и детей»[12]. Ганди видит трагичность случившегося в том, что атомная бомба отвергла «законы войны», которыми веками руководствовались люди. А главное – она «погубила души» Японии и США, ибо контрнасилием нельзя положить конец насилию: «Ответная ненависть служит лишь распространению и усилению ненависти»[13]. Ганди выступал за разоружение, призывал великие нации подать пример, решиться на то, чтобы в одностороннем порядке отказаться от милитаризации.

Конечно, проповедь любви как нормы поведения в международных отношениях может казаться наивной. Махатма и сам признавал, что «потребуется долгое время для того, чтобы закон любви получил признание в международных делах»[14]. Тем не менее, он предсказывал медленное и неуклонное движение к осознанию людьми той истины, что сила не решает проблемы.

Таково в общих чертах идейное кредо гандизма. Оно не ограничено задачами достижения Индией национального освобождения или радикального переустройства индийского общества на основе переосмысления религиозных традиций. Оно имеет ***глобальные*** измерения, ибо в конечном счете направлено на достижение мировой ненасильственной цивилизации.

---

[11] Ганди, М. Статья о забастовках / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 483.
[12] Он же. Атомная бомба и Хиросима / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 567.
[13] Там же. – С. 567–568.
[14] Young India. – 1919. – 23.06.

Является ли гандистская схема будущего умозрительным построением утописта или же проницательным предвидением хотя и отдаленного, но все же принципиально возможного мироустройства? Многие оценивают гандистский проект как «архаическую для нашего времени историческую концепцию», ориентирующую на консервацию докапиталистических общинных отношений. Такого рода суждения небезосновательны. Поводов для них достаточно в высказываниях Махатмы о машинном производстве, о современных видах транспорта и энергетики, о городах, которые виделись ему не иначе как «придатками деревни», о денежной системе и торговле, сводимой к межобщинному натуральному обмену, и т. д. По существу, Ганди выступил предтечей современного общественного феномена, который стал особенно ощутим в последнее десятилетие. Речь идет о «фундаментализме» или «возрожденчестве». В странах третьего мира оно представляет ныне не просто широкое, но зачастую доминирующее социально-политическое течение.

«Возрожденчество» – своеобразная реакция отторжения ориентированной на Запад модернизации. Но не только. Оно, по сути дела, и признак реформационного процесса, направленного на выявление внутренних импульсов развития, позволяющих традиционным обществам выйти на современный уровень жизни. «Каждый, кто любит Индию, – писал Ганди, – должен прильнуть к древней индийской цивилизации, как дитя к материнской груди»[15]. Здоровый рост возможен лишь при сильных корнях, питающихся живительными соками родной почвы.

В то же время «возрожденчество» Ганди отлично от идейных течений указанной направленности. Достаточно сравнить его с идеологией индусского «Джана сангх» или «Братьев-мусульман», чтобы понять – принципиальная особенность гандизма в терпимости, и более того – в уважении к другим культурам, во всеобъемлющем духе ненасилия.

Гандистское возрожденчество полностью свободно от националистического эгоизма. Нравственно оправданным Махатма считал лишь то, что не ущемляет интересы других. Он утверждал: «Когда интересы чьей-то страны не находятся в конфликте с интересами мира, служение делу страны ведет человека к мокше»[16]. «Интернационализм» Ганди основывается на убежденности в существовании человеческого единства. «Бог – общая сумма всех душ», «У нас одна душа», – любил повторять он[17].

Одной из принципиальных особенностей гандистского реформаторства является то, что, порожденное реалиями индийской действительности, оно ориентировано на преобразование человеческого сообщества в целом. Обращая внимание на этот «всемирский» характер гандизма, первый биограф Махатмы писал: «Я сомневаюсь, чтобы какая-либо религиозная система абсолютно сдерживала его. Взгляды Ганди слишком тесно роднятся с христианством, чтобы быть полностью индийскими, и слишком глубоко пропитаны индуизмом, чтобы называться христианскими. Его симпатии так обширны и всеобъемлющи, что, кажется, он достиг точ-

[15] Ганди, М. Моя жизнь. – С. 448.
[16] The Collected Works ot Mahatma Gandhi. – 1927–1928. – Vol. XXXII. – С. 430.
[17] См.: Chatterjee, M. Gandhi's Religious Thought. Notre Dame: Notre Dame Press, 1983. – P. 132.

ки, где сектантские формулы бессильны»[18]. Сам Махатма внешним обличием, использованием терминов, понятий, символов индуизма постоянно демонстрировал неразрывную связь с индийской культурой. В то же время он не уставал настаивать на единстве человечества. «...Общественная, политическая, религиозная деятельность человека должна направляться конечной целью поиска Бога, – писал Махатма. – Единственный путь найти Бога – это увидеть Его в Его творении и быть единым с Ним. Это может быть осуществлено только посредством служения всем. Я – часть целого, и я не могу найти Его в отрыве от всего человечества»[19].

Гандистское видение будущего лишено линейного, иерархического представления о прогрессе. Оно созвучно самым современным идеям. За два года до смерти Махатма писал: «Жизнь не будет пирамидой с вершиной, зиждущейся на основании. Но она будет океанским кругом, центром которого является индивидуум, всегда готовый умереть во имя интересов деревни, последняя будет готова исчезнуть во имя круга деревень. Так будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, целое не станет одной жизнью, состоящей из индивидов, никогда не агрессивных в своих притязаниях, но вечно скромных, разделяющих могущество океанского круга, составными которого они являются. Вот почему внешняя сфера круга не будет стремиться к уничтожению внутреннего круга, а, напротив, будет придавать силу всему внутри и сама черпать оттуда силы для себя»[20].

Что это – утопия или провидение? Не была ли приверженность к идеалу ненасилия самой трагической ошибкой Махатмы? Разве история Индии и его личный полный драматизма конец не доказывают бесперспективность отстаиваемого им метода ненасильственного достижения цели? Вспомним, какой высокой ценой оплачена независимость Индии – разделом великой страны по религиозному признаку, созданием в 1947 г. Пакистана. Раздел сопровождался жестокими межобщинными столкновениями. В ответ на обращение Ганди с проповедью религиозной терпимости и братства все чаще и чаще слышалось (как со стороны индусов, так и мусульман) ожесточенное: «Ганди *мурдабад*!» («Смерть Ганди!») И тогда Махатма объявил шестнадцатую в своей жизни голодовку протеста. Она длилась с 12 по 18 января 1948 г. Получив обещание начать примирение, Ганди прекратил голодать. Но 30 января в момент выхода Махатмы к людям, пришедшим выслушать его проповедь, из толпы вышел человек и трижды в упор выстрелил в него.

Бескровное обретение независимости не состоялось. Людское ожесточение привело к захлестнувшей страну межрелигиозной вражде, гибели сотен тысяч людей. Сам проповедник ненасилия – *ахимсы* – был убит.

Неужели подвижничество Ганди оказалось напрасным, отстаиваемые им идеалы – бессмысленными?

Ответ на этот вопрос важен не только для оценки прошлого. Без него не может быть спокойной совесть современников.

---

[18] Joseph, J. Doke. M. K. Gandhi – an Indian Patriot in South Africa. – Delhi, 1967. – С. 106.
[19] Harijan. – 1936. – 29.08.
[20] Harijan. – 1946. – 22.07.

Сам Ганди отвечал на поставленный вопрос совершенно четко. «Единственной надеждой для страждущего мира, – писал он 15 июля 1947 г. в предчувствии трагического конца, – является узкий и прямой путь ненасилия. Миллионы, подобно мне, могут потерпеть неудачу в попытке доказать истину своей собственной жизнью, но это будет их личная неудача, ни в коем случае не неудача этого вечного закона»[21].

Да и на самом деле, справедливо ли считать гандистский эксперимент полностью неудавшимся? Разве не пробудил Махатма самосознание соотечественников, не вселил в них, забитых, безоружных, лишенных надежд, веру в свои силы, способность одолеть зло? Разве не объединил он в могучем освободительном порыве всех без различия касты, классовой и религиозной принадлежности? Разве не обезоружил многих из своих противников примером «страдания без отмщения»? Разве, наконец, не вдохновил он на ненасильственное подвижничество антирасистское движение в США и Африке, на борьбу за мир на Востоке и Западе, Севере и Юге?

Недальновидному взору Ганди предстанет как безнадежный идеалист. Но проницательный ум оценит его как «мечтателя, твердо стоящего на земле». Будучи трезвым реалистом, Махатма осознавал нереальность полного торжества идеи ненасилия в ближайшем будущем. «Я знаю, что прогресс ненасилия, по всей видимости, ужасающе медленный процесс, – писал он в 1939 г., – но опыт убедил меня в том, что это самый надежный путь к цели... Насилие, даже ради защиты справедливости, уже почти изжило себя. С этим убеждением я согласен прокладывать свою одинокую борозду, если мне не суждено иметь единомышленников в беспредельной вере в ненасилие»[22].

«Банкротство» (его собственное выражение) политики ненасилия в Индии Махатма объяснял не ошибочностью самой идеи, а тем, что осуществлявшееся в его стране в течение нескольких десятилетий движение демонстрировало, по существу, «пассивное сопротивление, к которому прибегает слабый»[23]. Ненасильственное сопротивление, по его мнению, станет «могущественнейшей силой в мире», когда к нему обратятся из убеждения. Тогда оно превратится в «ненасилие сильного»[24].

Ганди трезво оценивал и перспективы реализации проекта ненасильственной цивилизации. «Возможно, – писал он за два года до смерти, – мне язвительно заметят, что все это утопия и потому не стоит даже об этом думать. Если эвклидова точка (хотя изобразить ее свыше человеческих способностей) имеет непреходящую ценность, то и нарисованная мною картина имеет ценность для будущего человечества. Пусть Индия живет ради этого, хотя это и невозможно осуществить полностью»[25].

Ненасильственная цивилизация действительно кажется утопией. Движение истории непреодолимо. Консервация прошлого (общинного устройства, «сельской цивилизации», патриархальной семьи и т. п.) невозможна и нежелательна.

---

[21] Цит. по кн.: Ганди, М. Моя жизнь. – С. 569.
[22] Ганди, М. Моя жизнь. – С. 150.
[23] Он же. Коренное различие / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 570.
[24] Он же. Ненасилие / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 568.
[25] Он же. Независимость / М. Ганди // Моя жизнь. – С. 549.

Тем не менее, гандистский проект имеет и определенные позитивные черты. В нем содержится критический пафос, который оказывает отрезвляющее и оздоровляющее воздействие на тех, кто ищет пути преодоления социально-экономического отставания посредством слепого копирования чужих общественных моделей. Эта критика может быть плодотворной и для тех, кто, живя в материально благополучных странах, осознает необходимость совершенствования, движения к лучшему миру не для одних только «избранных» наций, но для человечества в целом.

И, наконец, главное: гандистский идеал будущего – мир без насилия. Ганди открыл для себя и возродил для других общечеловеческую ценность – уважение к священному дару жизни. Цивилизация без насилия – маяк, освещающий путь, дабы человечество не погибло во тьме.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ И ГЛОБАЛИСТИКА*

В. В. Казютинский

К. Э. Циолковский, основоположник космонавтики – одного из магистральных направлений научно-технического прогресса, определившего многие доминантные черты нашей техногенной цивилизации, повлиял тем самым и на жизнь каждого из нас. Но сам он считал своим главным достижением отнюдь не теорию ракеты, а космическую философию, которая раскрывала смысл жизни, цели человечества на пути к «совершенному и прекрасному» будущему. Ракета, необходимая для расселения нашей цивилизации в космосе, была для К. Э. Циолковского только средством для осуществления этих целей. Вся космическая философия, по сути, представляет собой некий грандиозный проект глобального человеческого будущего.

В отличие от научно-технического творчества К. Э. Циолковского космическая философия все еще остается феноменом малоизвестным. Многие помнят две-три ключевые фразы К. Э. Циолковского, например о неизбежности космического будущего человечества. К этим фразам обычно сводят и всю космическую философию или даже растворяют ее в научно-технических идеях основоположника космонавтики (типа использования ресурсов космоса или создания космических поселений). Но в чем состоят основания космической философии как глобального проекта человеческого будущего? Каков ее глубинный смысл, что в ней сохраняет свое значение полвека спустя после начала космической эры, что нуждается в коррекции, а может быть, даже устарело? Осмысление этих проблем часто подменяется риторикой или мифологией.

1. Космическая философия, религия и наука

Космическая философия является ничем иным, как новым вариантом религиозной «доктрины спасения», которую сам ее автор считал «более оптимистической», чем все остальные. Эта мировоззренческая концепция основывается на принципах единства человека и Вселенной, а также проективного отношения к миру, предполагающего глобальные преобразования Земли, космоса и самого человека с помощью разума. «Разум – величайшая сила в космосе»[1], – не уставал повторять К. Э. Циолковский.

Базисная концептуальная структура космической философии может быть, по мнению автора, представлена так: трансцендентная причина космоса – космос и другие космосы, созданные причиной, – иерархия «неизвестных разумных сил» космоса (ноокосмическая иерархия) – атом-дух – человек. Первые три компонента К. Э. Циолковский рассматривал в качестве основных определений Бога. Это является одной из самых специфических черт космической философии. В ней антиномически соединены теизм, пантеизм и эзотерика.

* Работа поддержана грантом РФФИ № 07-06-00300-а.

[1] Циолковский, К. Э. Промышленное освоение космоса. – М., 1989. – С. 247.

Рядом исследователей были отмечены изменения смысла понятия Причины (Первопричины) в различных текстах К. Э. Циолковского. Но основной смысл названного понятия кажется ясным: это – Бог как творец мира (пусть не удивляются те, кто читал, что космос К. Э. Циолковского бесконечен не только в пространстве, но и во времени; то, что для нас бесконечно, для Причины конечно, писал основоположник космической философии).

Космос на уровне философской метафизики К. Э. Циолковский рассматривал как единый живой организм. Но одновременно он утверждал, что повсюду видит «одну только механику»; это антиномически противостоит предыдущему представлению, как бы обосновывая с мировоззренческих позиций наше право преобразовывать живой космос и самого человека техногенными средствами. Космос материален, но понятие материи оказывается не таким простым. Оно по сути дуалистично. С одной стороны, есть атомы-духи – субстанциальная первооснова мира с необычными свойствами («тонкие материи» эзотериков), с другой – материя как обычное вещество: протоны, электроны, эфир и атомы химических элементов. При сопоставлении высказываний К. Э. Циолковского о Причине и его знаменитой фразы: «Я – чистейший материалист. Ничего не признаю, кроме материи»[2] – возникает вопрос: а породившая космос трансцендентная Причина – это тоже материализм? Кстати, сам К. Э. Циолковский писал, что «материализм остановился в беспомощном и жалком состоянии» при попытке объяснить чувствительность материи. Вот почему он и ввел, очевидно, идею об атомах-духах, столь же принципиальную для космической философии, как понятие Причины. И еще: как сочетать наличие Причины космоса, то есть Бога, и дуалистическое понимание материи с принципом монизма?

Таким образом, космическая философия была, несомненно, системой религиозной. Но можно ли назвать ее теоантропоцентрической? Да, поскольку космос сотворен и управляется божественной Первопричиной. Нет, потому что пантеизм противостоит теизму, а добавление еще бесчисленного множества богов разных рангов в виде могущественных «президентов» космических структур уже не имеет с христианством ровным счетом ничего общего. Эти «президенты» – боги только по названию. Сакральной природы они не имеют, являясь просто гениальными и могущественными представителями космического разума. Христос в космической философии также десакрализован. К. Э. Циолковский не считает его сыном Божьим. Это – величайший мыслитель, лучший из людей, избранный Богом.

Этика космической философии основывается на следующих принципах: 1) любовь человека к Причине космоса, которая, в свою очередь, «нежно любит» человека; 2) следование этическим принципам «галилейского учителя». Одновременно К. Э. Циолковский принимает и некоторые принципы буддийской этики, например погашение страстей – оно может быть достигнуто с помощью научных знаний; 3) любовь человека к самому себе (или истинное себялюбие), то есть неустанная забота о «своих» атомах-духах, входивших когда-либо в того или иного человека, многие из которых давно уже успели рассеяться в пространствах космоса; человеческая личность трактуется К. Э. Циолковским очень своеобразно. Подлинная личность – не человек, а атом-дух, личность человека образуется «согласи-

[2] Циолковский, К. Э. Очерки о Вселенной. – Калуга, 2001. – С. 192.

ем» образующих его атомов-духов; 4) улучшение человеческой породы социальным регулированием деторождения с помощью специально отобранных «производителей», а также мирного, ненасильственного устранения низших форм жизни, дебилов, преступников путем предотвращения их размножения; 5) ключевую роль в этике Циолковского играет «суд космоса» над несовершенными формами живого, не способными достигнуть «блаженства» и бессмертия.

Этике космической философии свойственны, на наш взгляд, некоторые антиномии. Например, препятствование размножению несовершенных, а также преступных существ в земных и космических масштабах несовместимо с этикой «галилейского учителя».

Понимание бессмертия в космической философии К. Э. Циолковского очень своеобразно. Каждого человека посмертно ожидает «непрерывная радость» – «счастье, совершенство, беспредельность и субъективная непрерывность богатой органической жизни»[3]. Но Циолковский сводит посмертную жизнь к бесконечным трансформациям комбинаций атомов-духов, в том числе тех, из которых состоит тело данного человека. Они могут «воплощаться» в тела высокоорганизованных существ космоса, где и будут испытывать «субъективную радость». А времени между воплощениями для них нет, атомы-духи его субъективно не ощущают, хотя бы в физическом смысле прошли миллиарды и более («биллионы биллионов») лет. В этих воплощениях и состоит посмертная жизнь человека. Внутренний мир умершего не воспроизводится, он «истребляется» смертью. Встреч с родственниками или друзьями в загробной жизни не будет, космическая этика отказывает человеку в том, что обещает ему христианство – в бессмертии души. Отвергая претензии на личное бессмертие, Циолковский включает человека в бесконечные космические круговороты.

Итак, посмертное спасение человека, по Циолковскому, состоит в бесконечной жизни составляющих его атомов-духов, которые он рассматривал как единство материального и духовного начал, сводя к ним и человеческую душу. Загробное счастье обеспечивается для всех – добрых и злых, праведников и грешников. Свои представления Циолковский считал более утешительными, «чем обещания самых жизнерадостных религий»[4]. Это вызывало в свое время возмущение и протест у многих христиан, о чем свидетельствуют их письма, публиковавшиеся Циолковским в приложениях к своим философским сочинениям. И в самом деле, «спасение» человека в бесконечных ритмах космической эволюции не имеет ничего общего с христианским спасением. Но «счастье» и «блаженство», в котором пребывают атомы-духи и их совокупности – разумные существа космоса, – не обеспечиваются, так сказать, автоматически. Они должны непрерывно поддерживаться активной деятельностью разума, грандиозной по своим масштабам.

Социальная философия Циолковского исходит из идеи, что движущей силой истории человечества являются гении: «Гении совершали и совершают чудеса. Кому же это неизвестно!»[5], «Мысли гениев бессмертны так же, как и дела, потому что и после смерти продолжают и дают бесконечный и беспредельный плод»[6].

---

[3] Циолковский, К. Э. Очерки о Вселенной. – С. 272.
[4] Там же.
[5] Там же. – С. 28.
[6] Там же. – С. 29.

Отсюда как раз и следует, во-первых, что необходимо «улучшение человеческой породы», имеющее целью искусственное увеличение числа гениев. Во-вторых, для этих целей необходим беспредельный рост человечества. По оценкам Циолковского, население Земли может возрасти в тысячи раз, а то и более. Современная футурология не подтверждает такой прогноз. Считается, что к 2050 г. население Земли стабилизируется на уровне 10–12 млрд человек (проблема выхода в космос при этом не рассматривается).

Социальные утопии Циолковского ценны своим стремлением связать будущее человечества с космической экспансией.

Заметим, что и в этом разделе своей философии он крайне антиномичен. С одной стороны, подчеркивается необходимость самой широкой демократии в различных структурах общества – выборность всех должностей, возможность каждому быть выбранным, свобода слова, ненасилие и т. д. С другой стороны, провозглашается жесткая регламентация различных сторон социальной жизни. Например, возможность браков только между членами определенного социального разряда, необходимость получать согласие на деторождение, запрещение размножения «несовершенным» членам общества, преступникам и их родственникам, а также многое другое. Странной выглядит идея раздельного существования выборных органов для мужчин и женщин.

Цель неуклонного роста народонаселения (для общего повышения уровня организации космоса, увеличения количества гениев) диктует, согласно мировоззренческой концепции К. Э. Циолковского, необходимость освоения не только всей Земли (ее суши, морей и океанов, атмосферы), но и космического пространства.

В своих представлениях о преобразовательной деятельности разума на Земле и в космосе К. Э. Циолковский исходил из определенных оснований. Некоторые из них близки идеалам и нормам техногенной цивилизации[7], другие же от них сильно отличаются. 1) Идеал *антропокосмизма* как чего-то противоположного антропоцентризму. Но, по моему мнению, альтернативы здесь нет. Человек как личность сохраняет для нас свою приоритетную мировоззренческую ценность. Я отношу себя к антропокосмистам, но не вижу причин отказываться от признания высшей ценности человеческой личности. Такой подход ни в коем случае не означает негативного отношения к «биофилии», признанию ценности всего живого. В космосе мы пока не знаем других биосфер, имеем дело по преимуществу с неорганической природой. Масштабы возможных воздействий на космические объекты пока ничтожны. А необходимость охраны жизни оказавшихся в космосе людей первостепенна уже сейчас. Вот почему идеал антропоцентризма для современной космической деятельности, по моему мнению, не должен подвергаться пересмотру. Если считать, что выход в космос происходит в интересах человечества и для решения человеческих проблем, а сам человек остается для нас высшей ценностью, то ясно, что космизм и мировоззренческий антропоцентризм на самом деле близки друг другу. Все же, как антропокосмист, я решительно не согласен с идеями о замене человечества компьютерами, которым будто бы предстоит перестать быть средством человеческой деятельности и продолжить универсальную эволюцию вместо нас. Сколько-нибудь серьезного обоснования прогнозов о том, что только

[7] Степин, В. С. Экологический кризис и будущее цивилизации / В. Хёсле // Философия и экология. – М., 1993. – С. 181–197.

автономные системы искусственного интеллекта будут осваивать дальний космос, дать сейчас невозможно.

2) Идеал *активно-деятельностного отношения* человека к миру как к чему-то, подлежащему «завоеванию», «покорению»; идеал *научной рациональности* как способа проективного отношения человека к миру (К. Э. Циолковский находился всецело под влиянием классического идеала рациональности, релятивистскую и квантовую физику он не принял; но сейчас возникает проблема включения в основания космической деятельности неклассического и постнеклассического идеалов рациональности); идеал *индустриализма*: «Индустрия и индустрия – вот что дает удовлетворение человеку, делает его богатым, счастливым и свободным»[8].

Но в последнее время была сформулирована новая стратегия космической деятельности, согласно которой она должна отказаться от ориентации на неустойчивое развитие и экологически грязную, опасную, экономически расточительную технику. Будущее космической деятельности связывается с экологобезопасным устойчивым социоприродным развитием (в этой связи отметим работы А. Д. Урсула и особенно С. В. Кричевского).

3) Идеалы справедливого *социального устройства* общества и *единства человечества.* Социальным идеалом, способным наиболее эффективно обеспечивать космическую деятельность, для К. Э. Циолковского было общество, основанное на самоуправлении трудящихся масс. Начало космической эры происходило в условиях конфронтации двух мировых систем – социалистической и капиталистической, каждая из которых имеет неоспоримые достижения в освоении космоса. Сейчас развертывается процесс глобализации, способный, в принципе, привести к единству человечества. Но социально-экономическую и политическую основу глобализации видят по-разному (однополярный мир с либеральной экономикой; многополярный мир с экономиками различных типов). Как бы там ни было, следует надеяться, что будет осуществлен такой социальный идеал, который обеспечит экологические условия выживания («спасения») нашей цивилизации. Стратегии космической деятельности напрямую зависят от осуществления того или иного социального идеала, а также, в зависимости от него, идеала единства человечества. Это позволит окончательно заменить военно-политическое соперничество в космосе освоением космического пространства в интересах мирного прогресса – выполнением проектов, которые не под силу никакой отдельной стране. Идеала личностных свобод К. Э. Циолковский по сути не признавал (хотя мы и встречаем у него множество высказываний в духе свободы личности). Свобода воли ограничивалась им безусловным следованием человека «воле Вселенной» и мифическим интересам «атома-духа». В основаниях современной космической деятельности ценность идеала личностных свобод трансформируется с учетом необходимости жестких самоограничений человеческой воли, накладываемых факторами, которые обеспечивают жизнедеятельность космонавтов.

2. К. Э. Циолковский о глобальных проблемах Земли

На основе идеалов и норм техногенной цивилизации К. Э. Циолковский разработал грандиозные проекты преобразования Земли. Часто их рассматривают как предвосхищение модной ныне концепции устойчивого развития. Но, по моему мнению, на самом деле речь идет о чем-то прямо противоположном – все возрас-

[8] Циолковский, К. Э. Промышленное освоение космоса. – С. 242.

тающем усилении техногенной деятельности с целью «эксплуатации» природы. «Природа творит медленно, – писал К. Э. Циолковский, – но когда в ее деятельность вмешивается высший разум, который тоже произведение природы и ее часть, то все ускоряется, и миллионы лет заменяются сотнями и тысячами»[9].

Вот несколько фрагментов плана решения К. Э. Циолковским проблем, которые мы сейчас называем глобальными. «Наступает огромная эксплуатация недр Земли и необыкновенное развитие металлургии и других технических наук. Трудовые общечеловеческие армии (но добровольные) уничтожают первобытные леса жарких стран. Все негодные растения и все вредные животные устраняются. На землях засаживаются только полезные для человека растения. Остальная флора и фауна сохраняется в изолированных ботанических и зоологических научных учреждениях»[10]. Осуществится победа человека над природой: «...пустыни заселятся и будут давать необычайные урожаи, преобразуются океаны и будут эксплуатироваться как суша, изменится на пользу человека состав атмосферы…»[11] Атмосфера в результате техногенной деятельности станет более разреженной, температура высоких и низких мест на земной поверхности сравняется и будет зависеть только от широты места и свойств почвы. «Жизнь человека и растений сделается возможной только в герметически закрытом пространстве, с искусственно регулируемой температурой и с определенным составом газообразной среды»[12]. Тем самым будет эксплуатироваться, по К. Э. Циолковскому, «почти вся поверхность Земли, то есть площадь раза в 4 более, чем ранее»[13]. В искусственной среде обитания «мы избавляемся от бурь, волнений, наводнений, всяких осадков, туманов и других прелестей погоды… К этому еще присоединяется ненужность обуви и одежды»[14].

Таким образом, К. Э. Циолковский решал глобальные проблемы путем тотальной переделки всей земной природы научно-техническими средствами, замены ее искусственной средой обитания. Цель – не увеличение сверхприбыли, а стимулирование роста на много порядков населения Земли для увеличения числа гениев, открывающих человечеству новые перспективы. Эта социальная утопия обещает избавление от страданий: «Необходимо уничтожить страдание в океанах (иначе не будет полного счастья). Этого проще всего достигнуть, заслонив их от солнечного света. Тогда погибнут низшие существа, а за ними и все хищники»[15]. Нельзя избежать впечатления о предельной антиэкологичности подобных планов. Некоторые авторы (Н. К. Гаврюшин и др.) характеризуют их как «технократическую утопию»[16]. Современная глобалистика развивается другими путями.

3. Освоение космоса – глобальная проблема

Выход человека в космос К. Э. Циолковский считал неизбежным для человечества шагом. Цели космической деятельности он формулировал в разных аспектах. Космос необходимо осваивать и преобразовывать: а) в интересах атомов-

---

[9] Циолковский, К. Э. Промышленное освоение космоса. – С. 200.
[10] Там же. – С. 196.
[11] Там же. – С. 200–201.
[12] Там же. – С. 203.
[13] Там же. – С. 204.
[14] Там же. – С. 205.
[15] Там же. – С. 201.
[16] Гаврюшин, Н. К. Космический шаг к «вечному блаженству» (К. Э. Циолковский и мифология технократии) // Вопросы философии. – 1992. – № 6. – С. 125–131.

духов, ощущения которых комфортны в более высоко организованных структурах; это – наш этический долг; б) в интересах человека, дальнейшего научно-технического и социального прогресса – новых способов изучения космоса, «сбрасывания» в космос быстро растущего населения, общения с «братьями по разуму»; наше человечество будет включено в сообщество разумных сил космоса.

Исходя из этих целей К. Э. Циолковский разработал свой знаменитый план освоения космического пространства из 16 пунктов. Первые пункты этого плана посвящены прогнозам относительно реактивной авиации и полетов заатмосферных реактивных аппаратов. Далее следуют:

«10. Вокруг Земли устраиваются обширные поселения.

11. Используют солнечную энергию не только для питания и удобств жизни (комфорта), но и для перемещения по всей солнечной системе.

12. Основывают колонии в поясе астероидов и других местах солнечной системы, где только находят небольшие небесные тела.

13. Развивается промышленность и размножаются невообразимо колонии.

14. Достигается индивидуальное (личности, отдельного человека) и общественное (социалистическое) совершенство.

15. Население солнечной системы делается в сто тысяч миллионов раз больше теперешнего земного. Достигается предел, после которого неизбежно расселение во всему Млечному Пути.

16. Начинается угасание Солнца. Оставшееся население солнечной системы удаляется от нее к другим солнцам, к ранее улетевшим братьям»[17].

К этому проекту К. Э. Циолковский возвращался постоянно. Он настойчиво высказывал свое убеждение, что человечество «со временем заселит околосолнечное пространство. Но это произойдет не сразу, а путем труда и многих жертв»[18]. Для создания космических колоний (К. Э. Циолковский называл их также «эфирными островами») будет сначала использовано вещество астероидов, но когда-то очередь дойдет и до Земли. Известная, многократно цитируемая фраза К. Э. Циолковского: «Земля – колыбель человечества, но нельзя вечно жить в колыбели»[19] – имеет помимо общепринятого еще один смысл, притом достаточно нетривиальный: она тоже будет использована при добывании материала для космических поселений. «Со временем Землю разберут до центра, чтобы образовать жилища и высшие существа, живущие кругом Солнца»[20]. Впрочем, со свойственной ему парадоксальностью он говорил в другом месте, что «заботы о Земле необходимы»[21], так как в нее попадают атомы-духи умерших. В одной из своих работ[22] К. Э. Циолковский обсуждал уже другой вариант создания космических колоний – из стекла, стали, никеля и «других крепких металлов». Что касается конструирования из материала Земли «высших существ» – признаюсь, это остается для меня не очень ясным, как и то, что они будут собой представлять.

Посвятив множество размышлений проблеме создания искусственной среды обитания человека, К. Э. Циолковский довольно неожиданно меняет свой подход

[17] Циолковский, К. Э. Избранные труды. – М., 1962. – С. 326–327.
[18] Там же. – С. 348.
[19] Там же. – С. 196.
[20] Циолковский, К. Э. Промышленное освоение космоса. – С. 195.
[21] Он же. Космическая философия. – М., 2001. – С. 90.
[22] Он же. Цели звездоплавания. – Калуга, 1927.

к проблеме. Он предлагает изменение биологической природы самого человека – выведение путем естественного и искусственного отбора существа, способного жить непосредственно в космическом пространстве вне космических колоний и без скафандров. «Колыбель таких существ, конечно, планета, подобная Земле, то есть с атмосферой и океанами из каких-либо газов и жидкостей. Но такое сформированное существо уже может обитать и в пустоте, в эфире, даже без тяжестей, лишь бы была лучистая энергия». По мнению К. Э. Циолковского, подобные существа «окружают все солнца», даже не имеющие планет, и «пользуются этой энергией, чтобы жить и мыслить»[23]. Он считал свою идею вполне совместимой с наукой.

Освоение космоса как глобальная проблема распадается, таким образом, на три длительных этапа. Первый – освоение околоземного космического пространства, (включая посещение человеком Луны) – сейчас успешно осуществляется. Второй и третий – освоение Солнечной системы, а затем и дальнего космоса – ограничены пока решением научно-исследовательских проблем с помощью автоматических аппаратов, станций и зондов. Обсуждаются проекты посещения Марса в XXI столетии, но у этой идеи есть как сторонники, так и противники. Дилемма – осваивать ли в соответствии с планом К. Э. Циолковского только ближний космос или также более далекие его области – стала сейчас основной в футурологии космонавтики. Несколько десятилетий назад были предложены проекты устройства в Солнечной системе космических колоний на 10–100 тыс. человек; наиболее известный из них – проект О'Нейла. В самое последнее время С. В. Кричевский разработал проект запуска космических станций вдоль орбиты Земли как промежуточного этапа на пути к космической экспансии человечества. Но поможет ли все это решить глобальные проблемы нашей цивилизации в масштабах Земли, в чем был уверен К. Э. Циолковский? Можем ли мы безнаказанно продолжать «эксплуатацию» быстро тающих земных ресурсов, а потом переселиться в космос, со временем разобрав Землю «до центра»? Надеяться на это не стоит ни в коем случае.

Во-первых, ориентация на «покорение» и «эксплуатацию» природы (земной или космической) научно-техническими средствами, которые не сдерживаются экологическими ограничениями, на тотальную смену естественной среды обитания человека искусственной утратила былую привлекательность в глазах большинства футурологов. Она сохраняет сейчас лишь небольшое число сторонников, по мнению которых, все большее отклонение от состояния равновесия с окружающей средой характеризует не только прошлое человеческой цивилизации, но и ее будущее. Стратегия «покорения» природы (в том числе и космическая) должна быть заменена коэволюционной стратегией. Для современной неклассической футурологии и прогностики (Л. В. Лесков[24] и др.) освоение космоса выступает не как жесткая неумолимая неизбежность, а лишь как один из вариантов разрешения глобальных проблем человечества. Причем вариант и не самый дешевый, и не самый вероятный (вероятность космизации хозяйства Земли оценивается в 0,05–0,10). Но следует все же считаться с тем, что освоение космоса – один из виртуальных сценариев человеческого будущего.

Во-вторых, при сложившейся ситуации человечество не успеет создать необходимое число «эфирных островов» (то есть космических колоний), прежде чем

[23] Циолковский, К. Э. Собрание сочинений: в 4 т. – М., 1964. – Т. 4. – С. 300.
[24] Лесков, Л. В. Пять шагов за горизонт. – М., 2003.

глобальный кризис захлестнет нас окончательно. Это сделало бы осуществление второго и третьего этапов плана К. Э. Циолковского просто излишним.

В-третьих, известные проекты космических колоний, осуществимые с технологической точки зрения, рождают большое количество экологических, социальных, антропологических проблем. Наладить замкнутые производственные циклы в их рамках не удается, а социально-политическое устройство этих поселений и психологические проблемы проживания большого количества людей в малых объемах совершенно неясны. Ныне эти проекты почти забыты.

В-четвертых, сейчас наиболее слышны голоса футурологов, считающих, что космос не создан для комфортной жизни человека. Например, по мнению космонавта В. В. Лебедева, тезис К. Э. Циолковского о завоевании всего околосолнечного пространства превратили в догму. Поспешное проникновение человека на другие планеты может усилить социально-политический раскол на Земле, стимулировать желание одних доминировать над другими. И вообще, человеческая природа – не для других планет. Если мы попытаемся ее изменить, она обернется против нас и погубит. Если мы все же не удержимся от заселения новых планет, возникнет раса противостоящих нам существ, которая может стать угрозой для человечества. Альтернативный подход, соответствующий идеям К. Э. Циолковского, в современной футурологии развит пока недостаточно. Его обоснование потребует разработки ряда фундаментальных философских и междисциплинарных проблем, к чему мы пока не готовы.

В-пятых, проекты столь существенного изменения биологической природы человека, чтобы он смог без всяких ограничений жить в космическом пространстве, не только не основываются на современной науке, но и выглядят совершенно фантастически.

Тем самым преодоление глобальных проблем с помощью космической экспансии человечества выглядит пока проблематично. Но, хотим мы того или нет, идея космического будущего человечества прочно вписалась в культуру. Она будет оказывать влияние на человеческую цивилизацию, во всяком случае, через феномен космонавтики. Задача в том, чтобы наметить способы и пределы ее космического осуществления, совместимые с идеалами и ценностями постиндустриальной эпохи.

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ, РЕФЕРАТЫ

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ ТРУД ПО ГЛОБАЛИСТИКЕ

ГЛОБАЛИСТИКА:
Международный междисциплинарный энциклопедический словарь /
гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М.; СПб.; Н.-Й.: ИЦ «Елима»;
ИД «Питер», 2006. – 1160 с. (на рус. яз.). Тираж 3000 экз.

Благодаря выходу в свет этого беспрецедентного уникального издания значительно обогатилась глобалистика, научная, научно-техническая, общественная, философская, правовая, морально-этическая, культурологическая мысль. Право же, складывается впечатление, что известная аксиома «нельзя обнять необъятное» может звучать не так категорично. Да, мы о том, что попытка 647 (см. Аннотацию) или 657 (с. 9) авторов и двух составителей создать необычный по замыслу, содержанию, сущности и назначению фундаментальный труд на чрезвычайно актуальную, злободневную тему во многом и в решающей степени достигла цели. Разумеется, в пределах возможного: в смысле широты охвата вопросов и проблем; глубины разработки и освещения наиболее важных из них и формулировки соответствующих понятий; выхода на рубежи, которые позволяют развивать достигнутое и постигать неведомое; обогащения общественного сознания, не только научного, но и обыденного.

Данное уникальное издание – большой и действенный стимул и импульс к дальнейшему развертыванию исследований процесса глобализации и связанных с ней вопросов и проблем. То есть практически всего того, что есть бытие человека и мира, их взаимодействие сегодня и в перспективе. Авторы не просто проводят «инвентаризацию терминологического и понятийного ряда» (с. 9), а стремятся раскрыть содержание и сущность терминов и понятий, обосновать и аргументировать их место и роль в концепции глобалистики, дать определение, необходимое для того, чтобы всем было ясно, о чем идет речь. Таким образом, термины, понятия в большинстве своем выступают как результат выработки глобалистикой или с ее позиций определенных знаний, имеющих междисциплинарный статус и значение.

Мы разделяем взгляд авторов, согласно которому глобализация – объективный процесс образования все более масштабной и многообразной системы связей между людьми и их сообществами (с. 203). Полагаем, что глубинные истоки глобализации – это становление и развитие человека, этносов, наций, обществ, государств, производства, науки, техники, культуры, цивилизаций. Данные феномены в своем противоречивом взаимосвязанном развитии подобны ручьям, устремляющимся в море, с нарастающей быстротой превращающимся во всеобъемлющий океан, каковым уже сегодня и тем более в перспективе видится процесс глобализации. Но это естественно-исторический процесс, и, следовательно, от каждого человека и от всего человеческого сообщества зависит, захлестнут нас хаос и небытие или мы создадим благоприятные для жизни и развития человека условия.

Нельзя не согласиться с тем, что «предметом глобалистики выступают в первую очередь процессы, соединяющие человечество, и, обязательно вкупе с ними, процессы,

расчленяющие человечество, эти два важнейших механизма эволюции человечества» (с. 196). Это зафиксированное и обоснованное глобалистикой обстоятельство многое объясняет в том, почему есть сторонники и противники глобализации, почему одни связывают с ней свои надежды и уверенность в будущем, а для других она является источником отчаяния и пессимизма.

Авторы, разделяющие первую позицию (и мы солидарны с ними), справедливо усматривают свою задачу в выявлении условий, средств, методов, факторов, органов, организаций, объединений, движений, фондов и т. п., способных реализовать ее. Необходимыми и важными признаются выработка приемлемого для различных наук языка междисциплинарного общения, разработка ключевых, принципиальных понятий и категорий, таких как «глобализация», «глобальная проблема», «экологический кризис», «экологизация производства», «демографический взрыв», «глобальная зависимость», «мировое сообщество», «новое мышление», «новый гуманизм» и т. п. (с. 188).

Все это действительно чрезвычайно важно, ибо не просто существуют, но обостряются глобальные проблемы, требования обеспечения глобальной безопасности, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей. Это необходимо для управления процессом глобализации, такого участия в нем, которое нейтрализовало бы и преодолевало негативные его стороны, увеличивало, стимулировало рост и развитие позитивных сторон.

Бесспорно, заслуживает внимания, поддержки и развития убеждение авторов в том, что исключительно велика в условиях глобализации роль школы – от начальной, общеобразовательной, до высшей, типа открытых университетов: «Основой глобальной культуры призвано стать образование, опирающееся на этические общечеловеческие ценности» (с. 205). Думается, однако, что пока школа не стала такой основой, пока не решена задача глобализации нравственности (с. 180) и т. п., можно говорить о тенденциях формирования глобальной культуры, о проявляющихся и ожидаемых ее чертах, качествах, значении.

Особым достоинством Словаря является, на наш взгляд, то, что каждый человек, обратившийся к нему, найдет ответы с разных позиций – науки, философии, религии – на вопросы и проблемы, связанные с глобализацией. Пусть подчас не исчерпывающие, ибо сложна, динамична тема, находится в процессе исследования, но на них уже лежит печать глобалистского этапа методологии познания (с. 199), нелинейной диалектики как метода планетарной философии (с. 200), как подхода, направления мысли исследователя на нетрадиционное решение задач (Там же). Показательным и убедительным в этом плане представляется, например, утверждение о том, что должны соблюдаться законы и принципы, установленные человечеством и цивилизацией (с. 171), человеческие ценности и достижение целей творения, а не войны и предательства (с. 172).

Вместе с тем следует признать, что, к сожалению, определение ряда понятий носит тавтологический характер, не всегда при трактовке тех или иных понятий достаточно полно используется наработанный глобалистикой большой эвристический и методологический арсенал. Думается, что следствием этого является также отсутствие определений многих понятий, обозначающих феномены, которые в условиях глобализации приобретают новые измерения, смысловые грани и познавательные возможности.

Так, *философия жизни* (с. 945) рассматривается как школьный предмет. Разумеется, это важно, нужно, полезно. Однако ощутимо отсутствие определения философии жизни как выражения базовой, онтологической, методологической основы бытия человека и мира, их многообразного взаимодействия, интегративным выражением которого, на наш взгляд, является процесс глобализации. Очевидной представляется связь *философии жизни* с глобалистикой.

В Словаре анализируются весьма важные понятия: *философия детства и философия для детей* (с. 943–944). Несомненна их взаимосвязь с упомянутыми выше фило-

софией жизни, глобалистикой, а также с *философией образования* (с. 947–949). Но несомненна также их взаимосвязь с понятием *философия человека*, которое, к сожалению, отсутствует в настоящем издании. Это понятие, на наш взгляд, обозначило бы исходный, опорный пункт для анализа *философии детства, философии для детей, философии образования* и, наконец, самую суть *философии*. Ибо человек – субъект и объект философии, философия – о человеке и для человека, создается, развивается и применяется им в процессе жизни и деятельности, которые суть взаимодействие с миром, принимающее сегодня и в перспективе характер глобализации. По-видимому, это означает, что философия человека и глобалистика не только, так сказать, «пересекаются», но и в самом существенном совпадают.

Не стали объектом специального анализа и определения с учетом процесса глобализации, то есть с позиций глобалистики, следующие понятия: пространство и время, тенденции и закономерности, компромисс, гармония, хаос, человеческие качества, творчество, самообразование, самовоспитание, самосовершенствование, пример исторический, социальный, политический, экономический, научно-технический, морально-этический и т. п. как ценность, ориентир поведения и жизнедеятельности для отдельных индивидов, малых групп, коллективов, народностей, наций, обществ, государств, стран; подражание и следование как способы и формы ориентации, например; движение за независимость как составляющая и аспект *философии истории* (с. 945–946), *философия независимости, философия языка,* простые нормы нравственности и справедливости.

Есть все основания полагать, что жизнеутверждающее направление глобалистики по самой сути своей связано с *философией здравого смысла* (ведь вместе с эволюцией жизни должно эволюционировать отношение к ней), с *философией любви и добра*.

Настоящее издание в прямом и переносном смысле – весомый, крупный вклад в развитие междисциплинарной области научных исследований, современного научного знания, философской мысли, культуры и культурологии, а также в сферу укрепления сотрудничества ученых, философов, мыслителей, государственных, политических и общественных деятелей многих стран мира.

На основании изложенного выше и некоторых соображений относительно предпринятого нами анализа хочется высказать следующие пожелания.

Первое. Учитывая судьбоносное значение для каждого человека и всего человечества процесса глобализации и, следовательно, глобалистики, развитие которой является делом настоящего и будущего, а также малый, несоразмерный с общественной ценностью тираж данного труда – 3 тысячи экземпляров, считаем необходимым выпустить новое его издание тиражом, соответствующим его значимости и потребности в нем.

Второе. Дополненное издание необходимо осуществить на языках, признанных ООН международными: английском, испанском, китайском, арабском, русском, французском, а также немецком.

Третье. Расширить круг специалистов различных профилей, а также политических, государственных, общественных деятелей, имеющих весьма важные взгляды на проблемы глобализации.

Четвертое. Организовать в различных странах и регионах зональные семинары с целью активизации развития глобалистики, повышения ее роли в решении теоретических и практических задач и проблем.

Пятое. Провести XXIII Всемирный философский конгресс (август 2013 г., Афины) на тему: «Глобализация и будущее человечества», – непосредственно связанную с темами XXI и XXII Всемирных философских конгрессов, которые назывались соответственно «Философия лицом к мировым проблемам» и «Переосмысливая философию сегодня».

Доктор философских наук,
профессор С. Ш. Шермухаммедов

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ И ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО (По материалам XXII Всемирного философского конгресса)

В. В. Мантатов

С 30 июля по 5 августа 2008 г. в городе Сеуле (Южная Корея) впервые в Азии проходил XXII Всемирный философский конгресс под названием «Переосмысливая философию сегодня». В нем приняли участие около 2500 человек из 100 стран мира. Наибольшее количество докладов было представлено философами из США, России, Кореи и Китая. Это был действительно всемирный форум: здесь была обеспечена всепланетная представительность, здесь сошлись Восток и Запад, Север и Юг. В центре внимания участников конгресса была проблема становления мировой философии и возрастания ее роли в эпоху глобализации.

Вызов глобализации: новая мировая философия

Хорошо или плохо, но мы живем в эпоху глобализации. Она является результатом многих социально-экономических процессов, связанных с широким применением информационных технологий и новых средств коммуникации. Это мегатенденция к объединению разделенного человечества в единую общность, или «глобальную деревню», по выражению Маршалла Маклюэна.

Глобализация – это, несомненно, философская проблема. Нетрудно обнаружить связь между глобализационными стратегиями и глобализирующими философскими категориями – Единого, Целого и т. д. К числу философских предпосылок глобализации можно отнести космополитизм древних греков, проект всемирной «федерации государств» И. Канта, идею коммунизма как «обобществившегося человечества» К. Маркса, идею «глобального гражданства» Ю. Хабермаса и т. д.

Сегодня глобализация – это не просто идея или проект, а объективная реальность. Как сказал американский философ Hwa Yoe Jung, «глобализация – это новое рискованное предприятие за всю историю человечества. Это движение навстречу новому творению мира».

Возникает вопрос: к творению какого мира ведет нас глобализация? К сожалению, процесс современной глобализации идет по капиталистическому сценарию, и это представляет большую опасность для устойчивого будущего человечества. По мнению большинства участников конгресса, глобализация, которая контролируется капитализмом и которой движет прибыль, – это новая форма закабаления и уничтожения человечества.

Век глобализации 1/2009 175–184

При этом никто не подвергает сомнению тот факт, что глобализация – это мейнстрим современности. Ставится вопрос об изменении характера и вектора глобализации. Господствующие ныне идеологические конструкции типа неолиберализма или американского прагматизма исчерпали себя и не могут служить философскими ориентирами для современного глобализирующегося мира. Об этом говорили и восточные, и западные философы (Zhoo Shifa, Marie Helene Parizeau, Jean Goffi и т. д.).

Китайский философ Zhoo Shifa сказал: «Движение антиглобалистов выражает новый кризис современного капитализма: это оппозиция капиталистической глобализации». Российский философ Александр Чумаков справедливо заметил, что «антиглобализм» лучше определить как протестные движения, выступающие против дискриминации и несправедливых отношений в современном мире; и в этом смысле они находятся в русле глобализации, понимаемой как становление общечеловеческой солидарности.

Американский философ Hwa Yoe Jung доказывал, что глобализация не есть стремление создать один мир с одним правительством. Это срединный путь, который избегает, с одной стороны, безумного универсализма и с другой – этноцентричного шовинизма. Глобализацию, по его мнению, лучше охарактеризовать как глокализацию (glokalization). Этот термин выражает взаимосвязь глобальных и локальных процессов, или укорененность глобального в локальном: глобальное без локального пусто, недействительно, а локальное без глобального близоруко (myopic). Необходим диалектический синтез глобального и локального при решении актуальных проблем современности. Вместо неолиберализма как идеологической основы капиталистической глобализации Hwa Yoe Jung предложил «Дао трансверсализма» в качестве философии альтернативной глобализации. Эта новая философия основывается на «перекрывающемся консенсусе» (Shijun Tong) между всеми культурно-цивилизационными мирами и системами ценностей.

Китайский философ He Ping (со ссылкой на В. И. Ленина) выделил два взгляда на глобальное развитие: экономический и культурный. Если экономический подход акцентирует внимание на финансовой глобализации, то культурный подход подчеркивает роль ценностного фактора (в частности, национально-культурной идентичности) в историческом развитии. Необходимо, считает он, сопрягать экономический и политический подходы к глобализации с базовыми ценностями различных культур и локальных цивилизаций. Ценностные ориентиры, образ жизни, жизненные стратегии становятся предметом глобальной конкуренции. В этом процессе философы должны способствовать развитию глобализации по гуманистическому сценарию на основе «стратегии культурничества» (В. И. Ленин). Необходимо противопоставить капиталистической глобализации (глобализации финансового рынка), говорили многие участники конгресса, глобализацию человеческих ценностей, высокой культуры и морали. Словом, на смену идеологии капиталистической глобализации должна прийти глобальная этика. В качестве одного из первых шагов к созданию глобальной этики корейский философ Jn-Suk Cha назвал такую реконструкцию рыночной экономики, которая интегрировала бы цели устойчивого развития и права человека.

По мнению китайского философа Zhao Shifa, формируется новый глобальный стиль мышления. Этот стиль мышления «делает больше ударения на освобожде-

нии человечества от власти капитала, больше ударения на различиях, на принципах справедливости и честности, на всестороннем развитии личности». Это означает также, что Запад утрачивает монополию на глобализацию, он больше не главенствует в этом процессе. Как остроумно заметил американский философ Kah Kyung Cho, Запад учит нас зарабатывать на жизнь, а Восток учит нас жить. Действительно, на Востоке мы находим нравственный потенциал для подлинной жизни. Надо строить мосты, а не возводить стену между традициями – таково мнение шведского философа Bengt K. Uggla.

Историческое значение Сеульского конгресса заключается в том, что он заложил фундамент для формирования единой мировой философии, отвечающей вызову глобализации. Средством формирования новой философии является «культурный синтез Востока и Запада», по выражению корейского философа Yersu Kim. Философская концепция свободы, разработанная на Западе, стала моделью для всех, кто борется против тирании, за права человека. Учения Лейбница, Гегеля, Канта, Локка и др. носят транскультурный характер и являются, по выражению корейского философа Jn-Suk Cha, «медиаторами в реконцептуализации традиции и в осмыслении современной реальности». Философская концепция гармонии, разработанная на Востоке, служит сегодня парадигмой решения стержневых универсальных проблем, присутствующих во всех культурах.

Мексиканский философ Enrique Dussel говорил о необходимости нового диалога между философскими традициями всех континентов. Новая эра внутрифилософского диалога, по его мнению, характеризуется уважительным отношением к мировоззренческим различиям и открытостью к усвоению полезных приобретений всех традиционных культур. В истории философии можно найти множество красивых идей, не реализованных в свое время, но представляющих интерес для современной цивилизации. Enrique Dussel предложил разработать универсальные нормы и ценности, настолько релевантные, чтобы они согласовывались с традициями всех локальных цивилизаций, и настолько адекватные, чтобы иметь дело с глобальными проблемами современности. Он ознакомил участников конгресса с новым интеллектуальным проектом «глобального трансмодернистского Плюриверса (Pluriverse)», который будет разрабатываться вне рамок европоцентризма, неолиберализма и постмодернизма. Критике этих концепций было посвящено достаточно много времени на Сеульском конгрессе.

Как известно, неолиберализм – это чисто технологический подход к общественной жизни, игнорирующий морально-этическое измерение бытия. К тому же это чисто западная модель экономики, не учитывающая культурную специфику внеевропейских стран. Перефразируя известного поэта, можно сказать: «Мы говорим: “неолиберализм”, подразумеваем европоцентризм, и наоборот».

Что касается постмодернизма, то Enrique Dussel обратил внимание на его деструктивную роль в истории культуры. Когда постмодернисты стали говорить: «Все сойдет», «Все не имеет смысла», когда начали отрицать культурные универсалии и общенаучные истины эпохи Просвещения, тогда произошел распад системообразующих ценностей и наступил глобальный духовно-нравственный кризис. Сегодня на смену постмодернизму приходит трансмодерн, на смену европоцентризму – трансверсализм, на смену неолиберализму – глобальная этика. Следует

заметить, что эту «смену курса» философы связывают с возрождением идеалов эпохи Просвещения.

Сегодня зарождается новый мир, который философы на Сеульском конгрессе определили как «эпоху трансмодерна и трансверсализма». Мировоззренческой основой новой эпохи является высокая культура модерна (Просвещения), переосмысление философских традиций Востока и Запада. В процессе диалога культур формируется единая мировая философия, которую можно рассматривать как всеобщий язык коммуникации и глобализации.

Президент Сеульского конгресса Peter Kemp сказал: «Величайшая проблема глобализирующегося мира – это отсутствие взаимопонимания и признания между людьми разных культур, разных идеологий и разных стран… Мы не можем философствовать без герменевтической рефлексии над лингвистической практикой. Мы – философы – ответственны за знание и умение обращаться со словами». Мы живем сегодня не столько в мире фактов, сколько в мире конкурирующих интерпретаций. В этих условиях герменевтика (наука об интерпретации) становится глобальной мировой силой. Герменевтика требует перехода от нерефлексивного опыта использования слов к более критическим стратегиям интерпретации, чтобы управлять плюрализмом перспектив ответственным образом. Различные перспективы глобализации или столкновение цивилизаций есть не что иное, как «конфликт интерпретаций», по выражению шведского философа Benght Uggla. В определенном смысле глобализация может быть понята как эпоха герменевтики.

Герменевтическое истолкование и правильное использование слов, выражающих фундаментальные общечеловеческие ценности, как, например, свобода, современность, демократия, права человека, устойчивое развитие и т. д., является важнейшим условием межцивилизационного согласия и взаимопонимания людей. И наоборот, разные трактовки понятий «свобода», «демократия» и т. д. служат групповым интересам и углубляют пропасть между различными цивилизациями и странами. Например, карикатура на Магомета в датской печати есть проявление неверного истолкования понятия «свобода слова». Свобода означает право делать все, но без нанесения ущерба (или оскорбления) другому. Свобода предполагает ответственность за свои слова и действия, как заметил P. Kemp.

Сила философии – в силе Слова, несущей истинную мысль. Что мы видим сегодня? «Терроризм слов» (J. Kuchuradi), «соблазнение и манипуляцию словами» (P. Kemp), «эксплуатацию слов в групповых интересах» (J. Kuchuradi). Мы видим, как от имени свободы или демократии уничтожаются целые народы и страны. Словам, выражающим общечеловеческие ценности, приписываются субъективные смыслы в зависимости от групповых интересов. Абсурдно, но факт: общечеловеческие ценности становятся средством утверждения «группового эгоизма» властвующих элит. Необходимо, говорил P. Kemp, восстановить истинный смысл слов, выражающих общечеловеческие ценности и идеалы (свобода, демократия, справедливость и т. д.).

Мы – философы – ответственны за то, как новое поколение осваивает и интерпретирует ценности высокой культуры. Под высокой культурой (вслед за З. Бауманом) мы понимаем тот тип человеческой деятельности, который состоит в строительстве мостов, соединяющих нашу смертную жизнь с ценностями, неподвластными разрушительному влиянию времени.

Будущее человечества зависит от того, в какой мере мировая философия (как квинтэссенция духовной культуры человечества) будет определять стратегию глобального развития. Поэтому главной задачей XXI в. должно стать философское Просвещение человечества. Это, кстати, лейтмотив трех последних всемирных философских конгрессов (Бостон, Стамбул, Сеул).

От человеческого волюнтаризма к этике ответственности

Мы живем в эпоху человеческого волюнтаризма, перед лицом невиданных ранее угроз и опасностей, порожденных научно-техническим прогрессом. Абсолютное большинство участников конгресса отмечали, что современная техногенная цивилизация ведет к деградации биосферы и человека, к уничтожению естественной жизни и к утверждению на планете искусственной жизни. Ситуация носит трансцендентный характер, и, как заметил один из участников конгресса, наше положение можно было бы назвать комичным, если бы оно не было столь трагичным.

«Доминирующая модель технологической модернизации, – сказал китайский философ Quan Shi Li, – принесла с собой экологический кризис, разрушение окружающей среды, истощение ресурсов, поляризацию богатства и бедности, моральную деградацию и отчуждение труда». По мнению китайского философа Dan Lin, развитие науки и техники в условиях глобализации ведет к мировому обществу риска. Формирование общества риска связано с такими фундаментальными изменениями, как «конец природы» и «конец традиций»; это состояние неопределенности и неконтролируемости, извращение функции науки и знания вообще. «Во времена Сократа знание ассоциировалось с добродетелью, а сегодня знание – это деньги, это капитал. Когда-то наука была духовной ценностью, а сегодня она стала технологией извлечения прибыли», – сказал он.

Китайский философ прав: действительно, технонаука все более сращивается с миром бизнеса (капитала) и теряет постепенно культурно-нравственную функцию.

Другой китайский философ Rui Hua Ni обратил внимание на то, что «деструктивный потенциал технонауки и технологий становится все более и более опасным и ужасным». Македонский философ Владимир Давчев назвал технологическую цивилизацию «цивилизацией экзистенциального абсурда».

Мы живем в «мире абсурда» (Камю), пропитанном фобософией; наша цивилизация, как заметил В. Кутырев, не любит философию, игнорирует и преследует мудрость. Что делать в этой ситуации? Одна часть философов (Vittorio Hosle, Jean Goffi) выход из этой ситуации видит в развитии этической теории и этической практики, другая часть (Song Sang-Yong, Yanguang Wang) – в правовом регулировании и укрощении научно-технологического волюнтаризма. Китайский философ Quan Shi Li говорил о необходимости «ценностной интерпретации технологии», которая релевантна смыслу устойчивого развития и имеет существенное значение для построения гармоничного общества.

На конгрессе активно обсуждалась проблема общественного и государственного контроля над научно-техническим прогрессом и использованием его результатов. В этом отношении заслуживает серьезного внимания опыт Китая и Кореи.

Китайские философы Jian Wang и Dong Ming Cao подробно остановились на дилеммах и трудностях, связанных с реализацией этического контроля над научно-технической деятельностью. Во-первых, когда пытаемся регулировать деятель-

ность субъектов технологии, мы находим, что трудно разграничивать индивидуальную и групповую ответственность. В современной технологической системе преобладают групповые акции. Трудно отделить *Я* от *Мы*, когда возникают технологические риски и техногенные угрозы.

Во-вторых, когда мы пытаемся лимитировать результаты технологической деятельности, мы видим, что нам не хватает не только мудрости, но и способности корректировать плохие результаты. Все это усложняет проблему согласования технологии с этикой. Современная технология – это целостный процесс, имеющий пространственное и временное измерение. «Мы должны определить границы ответственности индивидуальных субъектов технологического процесса на всех его этапах и ясно различать их распределение в рамках групповой ответственности», – таково мнение китайских философов.

Большое внимание на конгрессе было уделено проблемам экологической этики и экологической безопасности. Американский философ Huge McDonald предложил рассматривать экологическую этику как первую философию (метафизику). Индийский философ Laxmicanta Radhi выдвинул идею энвайронментального холизма как основополагающего принципа экологической этики. «Каждый живой организм, – доказывал он, – это часть большой семьи, которая поддерживается матерью-Землею». Этика Земли была в центре внимания и японских философов. «Без поддержания и сохранения природы невозможна устойчивая жизнь, – сказал Макадо Такада. – Природа есть базис человеческой жизни. Природа поддерживает нас прямо или косвенно». Японский философ Y. Hayashi говорил о роли воображения в экологической этике. «Мы должны, – сказал он, – подключить силу воображения для того, чтобы представить эффекты нашего воздействия на природу и будущие поколения».

На конгрессе в Сеуле была подвергнута аргументированной критике «теория не-антропоцентризма» (non-antropocentrism) и поддержана идея о том, что проблемы экологии могут быть решены в рамках антропоцентричной морали. «То, с чем имеет дело экологическая этика, – говорил китайский философ Xinyan Wang, – это не что иное, как этические отношения между людьми, представленные как отношения между человеком и природой; это не что иное, как наши долги и обязательства перед другими и будущими поколениями. Когда мы говорим об отношении человека к природе, мы имеем в виду долгосрочные интересы всех человеческих существ».

По мнению китайских философов Rui Hua Ni, Jia-Cai Zhang и Hui Yan, экологические исследования должны основываться на социокультурных ценностях. «Если отсутствие этики ответственности и социальная дисгармония лежат в основе экологического кризиса, – полагают они, – то решение этой экологической проблемы лежит в институциональных, политических и поведенческих паттернах, в правильном мышлении человека, в области экологической этики».

Американский философ Kah Kyung Cho заострил внимание на эколого-этических основах существования человечества. Он сопоставил две парадигмы отношения к природе: парадигму эксплуатации и покорения природы (Запад) и парадигму солидарности, взаимодействия с природой (Восток). По его мнению, западная культура технологична по своей сути, восточная культура нравственна в своей основе. «Мы научились у Запада технологии выживания и технологии обо-

гащения; у Востока мы должны научиться жить в гармонии с миром, – сказал Kah Kyung Cho. – Природа не только наш Дом, природа – источник мудрости. Надо учиться у природы, как Лао-цзы». Опираясь на восточную идею тотальности бытия, постигая сущность и взаимосвязь вещей, мы должны научиться мыслить ответственно, заключил Kah Kyung Cho.

Кстати, в качестве примера безответственного мышления американский философ Susan Parillo привела экологическую политику администрации Дж. Буша.

Спасение мира – в утверждении этики ответственности, в реализации стратегии мудрости. Такой вывод следует из анализа докладов на Сеульском конгрессе.

В каком обществе мы живем, и каким должно быть общество будущего?

Задача философии состоит в том, чтобы не только обосновывать необходимость перемен, но и определить вектор изменений. Неслучайно на Сеульском конгрессе большой популярностью пользовался знаменитый тезис Карла Маркса: «Философы лишь различным образом объясняли мир; задача состоит в том, чтобы изменить мир».

Мы живем в эпоху капиталистической глобализации, когда главной ценностью объявлен капитал, когда «деньги стали зловеще важными» (Б. Хюбнер) и когда «процветание ассоциируется с обуржуазиванием» (Дж. Грей).

Мы живем в обществе потребления, где поощряется истерически-алчное стремление к материальному обогащению и где выработан иммунитет к духовным ценностям. Мы живем в эпоху моральной деградации, когда торжествует индивидуальный и групповой эгоизм. Философы мира высказали свою обеспокоенность глобализацией капиталистических пороков. Каждому здравомыслящему человеку ясно, что такая ситуация чревата социальным взрывом.

Социальный прогресс невозможен, если люди не готовы признать, что мир может быть иным. Из опыта истории мы знаем, что изменения происходят быстро, если общественное сознание настроено на них. Но мы не тронемся с мертвой точки, пока не будет явлена альтернатива капиталистическому обществу потребления. В качестве такой альтернативы было названо, в частности, нравственное общество. Это такое общество, по мнению французского философа Jean Goffi, где все его члены следуют правилам и нормам общественной морали. Сегодня индивидуальный и групповой эгоизм подрывает стабильность развития. Вот что предложила канадский философ M. Parizeau: «Нужна социальная этика, ограничивающая эгоизм; либеральная демократия должна быть поставлена в этические рамки. Должен существовать моральный кодекс для правящих кругов. Нам нужны общие правила для всего человечества. Для этого нам следует учесть моральные нормы традиционных культур, которые сегодня игнорируются государственными структурами при составлении законов».

Большое внимание на Сеульском конгрессе было уделено морально-этическим аспектам демократии. Серьезную угрозу для подлинной демократии представляют как эгоцентричный индивидуализм, так и агрессивный коллективизм. «Для обеспечения демократии нужны моральные нормы, необходимо создать универсальную этику для всех людей», – считает Marie Helene Parizeau. Критике неолиберальной трактовки демократии, которая игнорирует моральные нормы, посвятил свой доклад американский философ Fred Dallmayr. Он полагает, что демо-

кратию нужно рассматривать как «этическое сообщество». В этом отношении, по его мнению, огромный интерес представляет социокультурное наследие Востока, в частности учение Махатмы Ганди о самоуправлении народа, а также концепция нового конфуцианства, развиваемая Tu Weiming.

Американский философ Vittorio Hosle подверг аргументированной критике доминирующую модель процедурной демократии. Вместо формалистического концепта демократии он предложил понимание демократии как разумного средства для достижения субстантивно-реальной и межпоколенческой справедливости.

Большое внимание на Всемирном конгрессе философов в Сеуле было уделено проблеме будущих поколений. Не только нынешние, но и будущие поколения людей, отмечалось на конгрессе, имеют право пользоваться природными благами, принадлежащими Вечности. «Забота о будущих поколениях, – сказал Vittorio Hosle, – предполагает заботу о природе. Мы должны думать не только об интересах собственного вида; у нас есть моральные обязательства и по отношению к животным, чувствующим, страдающим, обладающим сознанием». Словом, нравственное общество – это такое общество, где поддерживается морально-этическое отношение к природе, где признается межпоколенческая справедливость.

Французский философ Jean Goffi поставил вопрос о необходимости выработки межпоколенческих прав и обязанностей. «Мы должны уважать права будущих поколений, – сказал он. – Мы должны выработать моральные нормы по отношению к будущим поколениям. Это необходимо сделать не только ради будущих поколений, но и ради нас самих. Мы – часть будущих поколений».

Без заботы о будущих поколениях невозможно устойчивое (длительное, непрерывное) развитие человечества. Сегодня будущие поколения людей не имеют права голоса; но кто-то ведь должен защищать их права и в наши дни. На Сеульском конгрессе было высказано мнение о том, что именно философы как вестники Вечности должны активнее представлять интересы будущих поколений, продвигая идеи устойчивого развития.

Китайские философы Xiandong Wu, Feng Zhen, Si Qi, Xiping Feng, Li Hua Li в качестве идеала общества будущего предложили социалистическое гармоничное общество. Это общество, где существует гармония между человеком и обществом, между человеком и природой. С точки зрения ценностной перспективы оно гарантирует свободу и законность, чтобы обеспечить права человека; оно реализует демократию, чтобы обеспечить социальную справедливость и честность. «Конструирование и реализация современных ценностей, – сказал Xiandong Wu, – это основополагающий подход к строительству социалистического гармоничного общества». В связи с этим Xiandong Wu, Li Hua Li напомнили о необходимости дополнения марксистской концепции социализма ценностно-этическим подходом, представленным, в частности, моделью устойчивого развития. По мнению китайских философов, главным средством построения социалистического гармоничного общества является устойчивое развитие экономики, общества и природы. Методологической основой стратегии устойчивого развития Китая является идея гармонии – ключевая идея всей китайской философии.

Опыт Китая имеет всемирно-историческое значение. В результате капиталистической глобализации мир сильно сдвинулся вправо.

И силы темны, и время шершаво.
Чужими умами живем.
И левые справа, правые справа –
Глядь, Землю и перевернем.

Э. Балашов.

Для восстановления мировой гармонии, то есть для перехода к устойчивому развитию человечества, необходим сдвиг влево, в сторону социалистических идеалов общественного бытия. Мы имеем в виду не сталинский технократический социализм, а этический социализм, о котором мечтали лучшие люди человечества.

Парадокс нашего времени состоит в том, что мы пытаемся втиснуть стратегию устойчивого развития в прокрустово ложе неолиберальной идеологии современного капитализма. Однако вечные ценности устойчивого развития несовместимы с капиталистическим миропорядком, имеющим преходящий характер. Не нами сказано: закат мирового капитализма не за горами.

Существует упрощенное мнение о том, что модель устойчивого развития имеет дело только с экологией и экологической этикой. «Устойчивое развитие требует гораздо большего от политических структур, – справедливо заметил немецкий философ Sebastian Schleidgen, – чем только решения экологических проблем». Сегодня на первый план, по его мнению, выходят социальные и этические требования устойчивого развития. По мнению бельгийского философа Gerta Goeminne, «модель устойчивого развития – это попытка построить мосты между исследованиями окружающей среды и социально-политическими подходами к человеческому развитию; это попытка учесть экологические и социальные последствия человеческой активности». Он предложил создать постнормальную науку об устойчивом развитии, которая должна быть основана на новых методах исследования, имеющих дело с комплексными и ценностно-ориентированными подходами.

В периодической печати иногда высказывается мнение о том, что словосочетание «устойчивое развитие» противоречиво по определению, что развитие не может быть устойчивым. Такое мнение иначе как «слововерчением» не назовешь. Понятие устойчивого развития противоречиво только в том смысле, что оно выражает реальные диалектические противоречия. Оно представляет собой синтез идеи изменений и идеи устойчивости. Понятия изменчивости и устойчивости взаимообусловливают и взаимопредполагают друг друга. Иначе говоря, понятие устойчивого развития выражает гармонию противоположностей.

Мы постоянно находимся в состоянии глобального онтологического противоречия. С одной стороны, мы созданы творить, следовательно, изменять мир; с другой стороны, изменять мир мы можем только в определенных рамках, и рамки эти поставлены самим Бытием. Мы не можем, например, нарушать закон сохранения энергии. Следовательно, устойчивое развитие человечества возможно только в том случае, если свободная деятельность человека согласуется с законами Бытия (природы, космоса и т. д.). Изменения и инновации опасны, если они выходят за пределы устойчивости социальных и природных систем. Как обеспечить устойчивую жизнь и устойчивое будущее? Прежде всего необходим сбалансированный, мудрый подход к решению экономических, экологических и социальных проблем современности, опирающийся на принцип предосторожности. Необходимо про-

считывать все последствия принимаемых решений и действий. Французский философ Jean Greish призвал современников взять на вооружение мудрый девиз Лао-цзы: «Не спешить!»

Будущее философии зависит от ее способности быть философией будущего – этот тезис, выдвинутый российским философом А. А. Гусейновым, можно считать девизом Сеульского конгресса. В данном контексте философию будущего можно назвать философией устойчивого развития или (что одно и то же) философией гармоничного мира.

Мы живем во Вселенной, «сработанной» удивительно тонко и гармонично. Это научно доказанный факт. Задача состоит в том, чтобы согласовать деятельность человека с законом гармонии – законом Вселенной. Таков императив стратегии мудрости, представленной мировой философией.

КТО ЕСТЬ КТО И ЧТО ЕСТЬ ЧТО В ГЛОБАЛИСТИКЕ

СОГЛАШЕНИЕ
о научно-техническом сотрудничестве в реализации проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике»

Москва 16 февраля 2009 г.

Научно-производственная корпорация «Интеллектуальные системы» в лице Президента корпорации Мазура Ивана Ивановича, Факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова в лице декана факультета Ильина Ильи Вячеславовича и Российское философское общество в лице Первого вице-президента РФО Чумакова Александра Николаевича, руководствуясь взаимной заинтересованностью в сохранении и развитии сложившегося сотрудничества с целью наполнения его практическим содержанием в форме разработки и реализации совместного проекта, заключили настоящее Соглашение о нижеследующем.

ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТА

В условиях нарастающей глобализации и обострения мирового финансово-экономического кризиса интерес к глобалистике во всем мире будет только усиливаться. При этом все большим спросом будут пользоваться информация о состоянии теоретических достижений в этой области, а также отслеживаемые в режиме реального времени данные о том, кто и где ведет соответствующую работу. Другими словами, современное состояние глобалистики, накопившей за последние 40 лет активных теоретических исследований огромный материал, нуждается в том, чтобы, во-первых, систематизировать и привести в порядок имеющиеся знания, а также информацию по персоналиям, теоретическим источникам, соответствующим научно-исследовательским и образовательным структурам и, во-вторых, постоянно пополнять сформированную базу данных. Значительная часть такой работы уже проделана большим международным коллективом, подготовившим два фундаментальных справочных издания – Международная энциклопедия «Глобалистика» (М., 2003) и Международный энциклопедический словарь «Глобалистика» (М., СПб., Н.-Й., 2006).

Вместе с тем остается невыполненной еще одна важная задача – сбор и систематизация информации о специальной литературе по глобалистике и ее авторах, периодических изданиях в данной области, а также об организациях, занимающихся проблемами глобалистики. Отсутствие такой информации значительно снижает возможности для междисциплинарных исследований с широким международным участием, не позволяет организовать эффективное взаимодействие ученых, общественных и политических деятелей различных стран в деле теоретиче-

ского осмысления глобальной проблематики (подготовка всевозможных аналитических материалов, докладов и т. п.) и практического преодоления глобальных проблем современности (конкретные предложения по изменению и совершенствованию существующих структур управления, подготовка соответствующих правовых актов и разработка механизмов их реализации и т. п.).

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ПРОЕКТА

Цель: получить, насколько это возможно, полную в международном масштабе информацию (в виде постоянно пополняемых электронной и печатной версий) об авторах и специальной литературе по глобалистике, периодических изданиях в данной области, а также об организациях, занимающихся соответствующей проблематикой.

Задачи:

1. **ПЕРСОНАЛИИ.** Собрать по возможности полную информацию в планетарном масштабе по персоналиям, то есть провести инвентаризацию российских и зарубежных специалистов в области глобалистики (в соответствии с 20 основными разделами глобалистики, сформулированными в МЭС «ГЛОБАЛИСТИКА»).

2. **ОРГАНИЗАЦИИ.** Собрать по возможности полную информацию в планетарном масштабе по организациям, то есть провести инвентаризацию российских и зарубежных организаций, центров, факультетов, кафедр и т. п., основной целью которых является исследование глобализации, глобальных проблем и других аспектов глобалистики.

3. **КНИГИ.** Собрать по возможности полную информацию в планетарном масштабе по книгам, то есть провести инвентаризацию российских и зарубежных источников в области глобалистики (в соответствии с 20 основными разделами глобалистики, сформулированными в МЭС «ГЛОБАЛИСТИКА»).

4. **ПЕРИОДИКА.** Собрать по возможности полную информацию в планетарном масштабе по периодическим изданиям, то есть провести инвентаризацию российских и зарубежных журналов, еженедельников, ежегодников, тематически ориентированных на глобалистику (в соответствии с 20 основными разделами глобалистики, сформулированными в МЭС «ГЛОБАЛИСТИКА»).

РАБОТЫ ПО ПРОЕКТУ

2009 г.

1. Для осуществления координационно-аналитической и методико-энциклопедической работы сформировать **Экспертный Совет** из авторитетных ученых и специалистов.

2. Для осуществления поисково-исследовательской работы и дальнейшего мониторинга **привлечь студентов и специалистов**, владеющих иностранными языками (в том числе и иностранных).

3. Для организации сбора и накопления информации, ее обработки, классификации и использования в режиме реального времени (с постоянным обновлением информационного ресурса) **создать сайт** (сервер, портал).

4. Сформировать постоянно обновляющуюся **электронную базу данных** (онлайновую версию) авторов, публикаций и организаций в области глобалистики (с использованием фотографий, графиков, таблиц и т. п.), для начала на русском и английском языках (с многоцелевой поисковой системой).

2010 г.

1. Подготовить и опубликовать обширное справочное издание (на русском и английском языках) с условным названием «**ГЛОБАЛИСТИКА: ПЕРСОНАЛИИ, ТРУДЫ, ОРГАНИЗАЦИИ. Международный энциклопедический справочник**» (объем: 100 п. л.).

2. Подготовить теоретическую базу и создать условия для работы творческих коллективов, которые смогут на высоком профессиональном уровне, с опорой на новейшие разработки и фактические данные готовить **аналитические материалы, доклады, записки, рекомендации** в области глобалистики для различных структур и организаций, а также для учебного процесса и подготовки специалистов в данной области.

* * *

ПЕРВОЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЕ СОБРАНИЕ
потенциальных участников проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике»

(20 февраля 2009 г.)

Во вступительном слове декан факультета глобальных процессов МГУ ***И. В. Ильин*** сообщил, что три организации: «Интеллектуальные системы», факультет глобальных процессов МГУ им. М. В. Ломоносова и Российское философское общество – достигли Соглашения о научно-техническом сотрудничестве в реализации проекта «Кто есть кто и что есть что в глобалистике». На данном рабочем собрании решено утвердить это Соглашение. Более подробно о проекте рассказал его инициатор профессор А. Н. Чумаков.

Профессор ***А. Н. Чумаков:*** Приятно видеть так много молодых инициативных студентов (более 60 чел.). Проект был задуман давно, около десяти лет тому назад, но для его реализации нужны были не только ресурсы, но и подходящие кадры. Сегодня минимум необходимого для начала работы есть, и мы можем приступить к решению организационных вопросов. Участники собрания (как и те, кто по ходу реализации проекта подключится к работе) имеют шанс и возможность проявить себя в этом беспрецедентном научно-исследовательском мероприятии. На этой первой встрече мы обсудим саму идею, обменяемся мнениями, сформируем рабочие группы по разделам проекта, а также выработаем принципиальные подходы (матрицу) наших действий. Какие будут вопросы по поводу проекта?

Вопрос: *Какова цель, в чем смысл данного проекта?*

Профессор ***А. Н. Чумаков*:** Цели и задачи проекта сформулированы в подписанном тремя сторонами Соглашении по реализации Проекта (см. выше). Но если кратко ответить на заданный вопрос другими словами, то мы хотим провести, если можно так выразиться, инвентаризацию по всему миру того, кто, как и в каких

формах развивает глобалистику. Это необходимо сделать, чтобы лучше понимать, что сделано и что еще предстоит сделать в глобалистике, кто работает, какие труды имеются и на каком уровне находятся исследования в этой области. Какие организации и учреждения, кроме, например, Римского клуба и его филиалов, комиссий У. Пальме и Брундтланд, работают над исследованием процессов глобализации? Вот, например, в МГУ создан факультет глобальных процессов, а есть ли такие факультеты в других регионах России и мира? Те же вопросы относятся и к периодике. Издаваемый в России журнал «Век глобализации» – единственный, или имеются специальные периодические издания в других странах мира? Нам нужно выработать критерии, позволяющие построить рейтинг персон, периодических изданий, организаций и учебных заведений по проблемам глобализации. Эта работа будет нашим ноу-хау. Естественно, следует проводить ее основательно и фундаментально.

Вопрос: *Как будет осуществляться популяризация проекта?*

Профессор ***А. Н. Чумаков***: Я сторонник той позиции, что сначала нужно хорошо продумать основные детали проекта и запустить его. Это, конечно, не исключает популяризации как замысла, так и результатов работы уже сейчас, но все-таки рассказывать широкой аудитории лучше о результатах, нежели о замыслах.

Редактор энциклопедии ***В. М. Смолкин***: Я более 30 лет занимаюсь редактированием энциклопедий. Энциклопедия «Глобалистика» и словарь по глобалистике были изданы в России и в мире впервые. Новый проект будет конкретизацией и уточнением предыдущих изданий через описание персоналий, организаций, трудов, периодики. В 2009 г. была издана Международная энциклопедия социально-гуманитарных и поведенческих наук (24 тома). Мы три года тогда выстраивали только структуру издания. При издании энциклопедии «Глобалистика» нас упрекали, и, возможно, справедливо, за постмодернистский подход, за действия по принципу «Пусть расцветают сто цветов». Но беда состоит в том, что трудно определить предмет глобалистики. Мы пытаемся в новом проекте внести ясность в науку глобалистику. Первоначально следует составить словник персоналий, внесших большой вклад в развитие глобалистики. Необходимо также выработать четкие критерии отбора персоналий. Затем следует разработать методику работы над проектом, рабочие инструкции, принципы построения и оформление статей.

Профессор ***А. Н. Чумаков***: Наука и образование должны быть органично соединены. Надеюсь, что наш проект во многом будет способствовать этому. И где, если не в МГУ прежде всего, реализовать такой подход?!

Доцент ***В. М. Адров***: Глобализация отображается не только в научных исследованиях, но и в художественном творчестве. Так, Велимир Хлебников в свое время провозгласил себя «Председателем земного шара». Он, по сути дела, один из первых поэтов-глобалистов.

Профессор ***А. Г. Пырин***: Вы, студенты, только начинаете осваивать формирующуюся науку – глобалистику. Работа над данным проектом позволит вам соединить образование с реальной научной деятельностью в этой области. Приглашаем вас также писать материалы по изучаемым вами проблемам в журнал «Век глобализации». Возможно, со временем при журнале сформируется молодежная секция и появится страничка молодого глобалиста.

Профессор ***Х. А. Барлыбаев***: Я смотрю на студентов факультета глобальных процессов с завистью. Что будет в далекой перспективе? Во многом это зависит от вас. Процесс глобализации изучается во всем мире, но Россия является пионером в области теоретического осмысления данного процесса. На Западе к процессу глобализации относятся прагматически, там даже нет термина «глобалистика». Со временем будут сформированы мировые исполнительные органы, в том числе мировое правительство. Вы, вполне возможно, будете в авангарде данного процесса.

Кандидат геолого-минералогических наук ***Е. Б. Золотых*:** Вам повезло, вы будете создавать базу данных собственной науки. Всякая наука начинается со сбора материала (прежде всего первоисточников), на основе которого можно исследовать проблемы глобалистики. Я веду сайты www.dialog21.ru и www.globalistika.ru. Приглашаю студентов активно участвовать в разработке и наполнении этих сайтов.

Профессор ***Хаш-Эрдэнэ*** (Монголия): Я по образованию русист. Сейчас возглавляю общество «Знание» в Монголии. Мы очень тесно сотрудничаем с Россией и в частности с Российским философским обществом. В рамках данного проекта мы представим всю возможную информацию по проблеме глобализации в Монголии.

Собрание закончилось решением организационных вопросов. В частности, были сформированы Экспертный совет и Методическая группа, а также несколько рабочих групп, которые будут работать по направлениям: «Персоналии», «Источники», «Периодика», «Организации» (научные центры, общественные движения, кафедры и факультеты университетов), «Интернет-портал».

Записал доктор философских наук,
профессор МГЮА А. Г. Пырин

НАШИ АВТОРЫ

БЕКЕТОВ Николай Викторович – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений Якутского государственного университета, директор Научного центра социально-экономических и гуманитарных исследований ЯГУ.

БЕРГЕР Яков Михайлович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

БИРА Шагдарын – доктор исторических наук, профессор, академик Академии наук Монголии (Улан-Батор, Монголия).

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич – юрист, сопредседатель Совета Института свободы совести, координатор Комиссии по свободе совести и светскости государства Всероссийского Гражданского Конгресса. Преподаватель кафедры конституционного права и отраслевых дисциплин и кафедры прав человека юридического факультета МГПУ.

ВАЛИЕВА Кямаля – аспирантка Института философии и политико-правовых исследований НАНА.

ВЕБЕР Александр Борисович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.

ГОРЕЛОВ Анатолий Алексеевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович – академик РАН, директор Института философии РАН.

ДЕЛЯГИН Михаил Геннадьевич – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук.

КАЗЮТИНСКИЙ Вадим Васильевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

КАЦУРА Александр Васильевич – кандидат философских наук, член Союза российских писателей.

КОЛЕСНИКОВ Виктор Алексеевич – заслуженный учитель РФ, доктор философских наук, директор ОГОУ СПО «Иркутский государственный педагогический колледж № 1», председатель Иркутского областного отделения РФО.

МАНТАТОВ Вячеслав Владимирович – доктор философских наук, профессор, директор Института устойчивого развития ВСГТУ (Улан-Удэ).

ПРИВАЛОВ Николай Геннадьевич – профессор кафедры экономической теории, доктор экономических наук Уральского государственного экономического университета.

ПЫРИН Александр Григорьевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии МГЮА.

СИТНЯНСКИЙ Георгий Юрьевич – кандидат исторических наук, сотрудник Института этнографии РАН и заведующий отделом геополитики ИНРИ МЭФ.

СТЕПАНЯНЦ Мариэтта Тиграновна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором восточных философий ИФ РАН, заведующая кафедрой ЮНЕСКО «Философия в диалоге культур», первый вице-президент МФФО.

ШАРАКШАНЭ Сергей Абович – первый заместитель главного редактора «Российской философской газеты», кандидат философских наук.

ШЕРМУХАММЕДОВ Саид Шермухаммедович – доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Узбекистан, Президент Философского общества Узбекистана, лауреат государственной премии Узбекистана имени Абу Райхан Беруни, заслуженный деятель науки Республики Узбекистан.

ЯСКЕВИЧ Ядвига Станиславовна – доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Председатель Белорусского отделения Российского философского общества.

AGE OF GLOBALIZATION
Journal of Global Studies

Contents

Theory

Weber A. B. Modern World and the Problem of Global Management (pp. 3–15).

Guseynov A. A. Once Again about the Possibility of Global Ethnos (pp. 16–27).

Beketov N. V. Globalization as the Process of the Informational-economic Space Organization: Social Aspects of the Development of the World and National Economic Systems (pp. 28–32).

World Crisis

Delyagin M. G. Bases of Modernization Policy under the Conditions of Global Financial Crisis (pp. 33–44).

Yaskevich Ya. S. Economic Crisis and Axiological Reconsideration of the Modern World Order: A Philosophical Reflexion (pp. 45–54).

Global System Crisis and the Models of the World Order (Panel Discussion) (pp. 55–62).

Global Problems

Privalov N. G. On the Possible Cataclism of the 2030–2050 (pp. 63–69).

Kolesnikov V. A. From the Understanding of Global Reality to the New Perspective of the XXI Century Education (pp. 70–78).

Processes of Globalization

Gorelov A. A. Globalization as the Unbiassed Tendency of the World Development (pp. 79–90).

Berger Ya. M. Chinese Model of Globalization (pp. 91–97).

Valieva C. A. Political Projection of Globalization in European Expansion (pp. 98–107).

Russia in Global World

Katsura A. V. «World Outgoingness» or Russian Path to Globalism (the ending) (pp. 108–116).

Sitnyansky G. Yu. Russia Is Responsible for Those Whom It Has Recognized (pp. 117–131).

Sharakshane S. A. The Russian Echo of the World Crisis (pp. 132–135).

Man and Modernity

Buryanov S. A. Freedom of Conscience as Global Value. On the Way to the Political Unanimity and the Decision of Global Problems (pp. 136–151).

Bira Sh. Tengerism (pp. 152–154).

A Global Personality

Stepanyants M. T. Mahatma Gandhi: «The Apostle of Non-violence» (pp. 155–162).

Kazyutinsky V. V. About Tsiolkovsky (pp. 163–171).

Reviews, Annotations, Reports

Shermuhammedov S. Sh. Fundamental Work on Global Studies (pp. 172–174).

Scientific Life

Mantatov V. V. Globalization, Stable Development and Society of the Future (pp. 175–184).

Pyrin A. G. Who Is Who and What Is What in Global Studies (pp. 185–189).

The Authors of the Issue (p. 190).

К сведению авторов

Направляемые в журнал статьи и материалы следует оформлять в соответствии с правилами, принятыми в журнале:

Объем рукописи статьи не должен превышать 1 а. л. вместе со сносками (или 40 тыс. знаков, включая пробелы), для раздела «Рецензии» – не более 0,4 п. л. (или 16 тыс. знаков, включая пробелы).

Материалы должны передаваться в редакцию в электронном виде (на дискете или по электронной почте). Рукопись должна быть напечатана через 1,5 интервала (кегль 14) на одной стороне листа; сноски подстрочные (кегль 8);

все знаки, которые не могут быть напечатаны, должны быть вписаны в текст от руки крупно черными чернилами;

таблицы, схемы, графики, рисунки и др. иллюстрации должны быть даны отдельно, пронумерованы и озаглавлены. Следует учитывать, что графики и рисунки могут быть напечатаны только в черно-белом варианте;

библиографические ссылки оформляются в соответствии со следующими образцами:

Савельева, И. М., Полетаев, А. В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С. 73.
Соловьев, С. М. Соч.: в 18 т. – Т. 7. – М.: Мысль, 1993. – С. 205.
Хаусхофер, К. Границы в их географическом и политическом значении / К. Хаусхофер // О геополитике. Работы разных лет. – М., 2001. – С. 28.
Шилов, В. Н. Труд как призвание: история и современность // Философские науки. – 1987. – № 1. – С. 34–42.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Публикуемые материалы могут не отражать точку зрения учредителя и редакции.

К рукописи прилагаются:

авторская справка, а также резюме статьи (желательный объем 6–12 строк) и данные для связи с автором: адрес, номера телефонов (служебный и домашний), электронный адрес.

«Век глобализации».
1(3), 2009. – 192 с.

Ответственная за выпуск *Е. А. Никифорова*
Технический редактор *Е. А. Никифорова*
Корректоры *И. Г. Гергель, Н. В. Самсонова*
Верстка *Е. Ф. Прыгуновой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–27365 от 05 марта 2007 г.

© Издательство «Учитель»
400059, г. Волгоград, а/я 114.
Тел.: (8442) 44-85-53, 44-74-56
E-mail: uchitel@avtlg.ru

Подписано в печать 27.12.2008. Формат 70 × 100/16.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,48.
Тираж 1500 экз. Заказ № 2632.

Диапозитивы предоставлены издательством.

Отпечатано ОАО «Альянс «Югполиграфиздат»
Полиграфкомбинат «Офсет»
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6.
Тел./факс: (8442) 97-49-40, 97-48-21, 26-60-10